

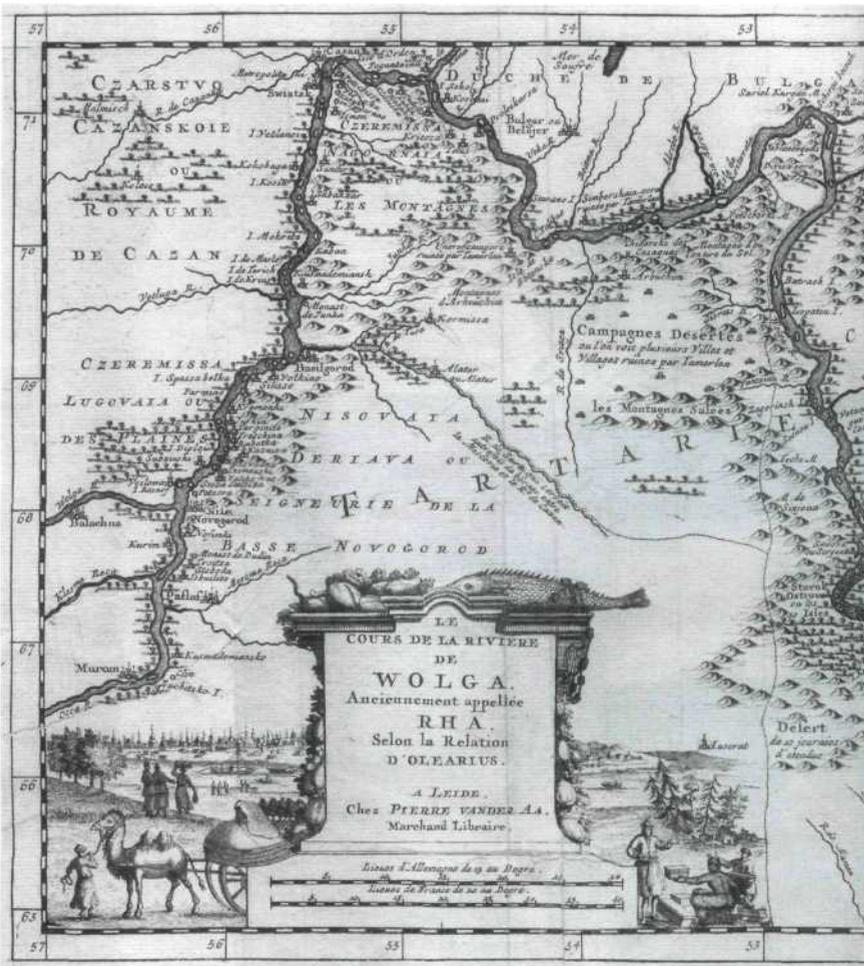
«Символом древней жизни в березки вложил. Навсегда и чиста, горах Сибирских в 1923 г. Памятник этот установлен 12 июля 2005 г.»

Момонах

Ульяновская областная
научная библиотека
им. В.И. Ленина

Карта немецкого учёного Адама Олеария, совершившего путешествие по Волге в 1636 году и оставившего описание Симбирской горы

Когда же основан Симбирск?

Вопрос о переносе даты основания Симбирска, поднятый недавно краеведом Н.А. Казаковым, вызвал бурную реакцию краеведов. На рабочее совещание в Ульяновский областной краеведческий музей собрались авторитетные специалисты: представители ульяновских вузов, архивов, краеведческого музея, общественности. Большинство из присутствующих высказали мнение, что на данный момент оснований для изменения даты рождения города нет. Отсчёт своей истории Ульяновск ведёт со дня начала строительства Симбирской крепости в 1648 году, вокруг которой впоследствии и возник город, что подтверждается письменными указами, актами.

Исследования ульяновских археологов Г.М. Бурова, А.В. Вискалина, Ю.А. Семькина, краеведа И.А. Замалетдинова и других позволяют утверждать, что волжско-свияжская «кузина» в центральной части современного Ульяновска начала осваиваться человеком с глубокой древности. Самые ранние следы обитания человека на территории современного города относятся к концу палеолита – началу мезолита

(примерно XIV–X тыс. до н.э.). Этим временем датируется кратковременная охотничья стоянка, следы которой выявлены в конце ул. Гончарова по берегам засыпанного ручья Малая Симбирка.

В последующие эпохи неолита, бронзы и раннего железного века пребывание людей на возвышенном плато Симбирской горы также носило эпизодический характер. Ситуация изменилась в эпоху средних ве-

ков, когда в центральной и северной части города появились многочисленные поселения и могильники племён именьковской культуры (VI–VII вв.) и волжских булгар (IX–XIV вв.).

Большинство именьковских поселений располагалось по Венцу на хорошо защищённых обрывах мысах коренного берега. Одно из таких городищ находилось в районе Северного трамвайного депо. Вторая зона концентрации именьковской керамики очерчивает границы обширного поселения (или группы поселений) между руслом бывшего ручья Симбирки и волжским Венцом от ул. Гончарова и Карла Маркса на юге, до ул. Рылеева на севере.

Сменившие именьковцев в VIII–IX веках скотоводческие племена ранних булгар очень скоро осознали удобное положение Симбирской горы. Их пребывание в районе современного города отмечено языческим могильником (у проходной Автозавода) и погребением (ул. Матросова). Большинство из выявленных на сегодня находок этого времени расположено в центральной части города по берегам ручья Симбирка. Труднодоступность для исследования занятой постройками городской территории мешает определению границ булгарского поселения (или поселений).

С уверенностью можно сказать лишь одно: волжские булгары заселяли данный участок городской территории ещё в домонгольский период в X–XIII вв. Поселение, вероятно, синхронно мусульманскому могильнику, располагавшемуся в районе Дворца книги им. Ленина. В период Золотой Орды в конце XIII–XIV веков поселение сократилось в размерах, но полностью не исчезло. С ним связаны находки золотоордынской керамики на ул. Корюкина.

По мнению археолога А.В. Вискалина, концентрация поселенческих материалов волжских булгар на узком участке от улицы Рылеева до бульвара Пластова позволяет принять гипотезу о нахождении на этом месте булгаро-татарского городища.

Судя по отдельным находкам и могильнику на Старом Венце (ныне это место занимают общежития УлГПУ) рассматриваемая территория была обитаема и в период Казанского ханства (XV–XVI веках). Археологами высказано предположение, что в

Летописи говорят

Свод болгарских летописей «История Джагфара», где описываются деяния правителей Волжской Булгарии и история её городов, тревожит умы пытливых исследователей с момента своего появления.

эпоху Казанского ханства на месте старого городища существовала мордовская деревня, жители которой, по легенде, переселились после строительства Симбирска на Белый Ключ.

В середине XVII века на узком месте водораздела Волги и Свияги основывается Симбирская крепость, являющаяся важным узловым пунктом на Симбирско-Карсунской засечной черте. Именно эта крепость и явилась началом современного города.

В IX веке на территории современного Ульяновска археологи прослеживают следы пребывания кочевой культуры, а не постоянного поселения, поэтому дата 866 год как дата основания города Симбир на основании археологических исследований не находит подтверждения.

Свод болгарских летописей «Джагфар Тарихы» («История Джагфара»), на который ссылается ульяновский краевед Н.А. Казаков, известен с 1990-х годов только в современном переводе на русский язык. В настоящее время подавляющее большинство академических исследователей признают данное сочинение подделкой. Однако некоторые исследователи находят в данной работе подтверждение результатам своих исследований.

По поводу «Джагфар Тарихы» высказался завсектором Среднего Востока Института восточных рукописей РАН А.И. Колесников: ««Джагфар Тарихы» представляет собой материал, обладающий сомнительной исторической ценностью. Это обусловлено тем, что в настоящий момент существует только его русский перевод, происхождение которого также запутано. Никаких сведений о наличии в мире рукописей этого свода на языке тюрки нет. Нет также упоминаний этого сочинения в исторических источниках. Научная же оценка сочинения без наличия рукописи на языке оригинала недопустима, поскольку по этой причине невозможно определить ни достоверность источника, ни точность русского перевода... Относительно же даты 866 год следует заметить, что во всех мусульманских исторических сочинениях датировка даётся по лунной хиджре. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что здесь имеется ввиду 866 году лунной хиджры, что соответствует 1461–1462 году н.э.»

На территории современного Ульяновска в средние века существовало несколько селений. Например, Симбир Кабак, что означало постоянный двор: новгородские речные разбойники, совершавшие набеги на Волжскую Булгарию, принимали его за город. Удачное расположение пристани на высоком берегу давало возможность охранникам, завидев неприятеля, разжигать костёр и предупреждать о тревоге другие селения, расположенные неподалёку. В настоящее время руины бывшего города Джабли Симбир (в переводе с чувашского Красивый Симбир) находятся в районе санатория «Серебряный источник». На правом берегу Свияги сын Кермека Миша Юсуф основал в 970 году город, который народ стал называть Симбирем.

Город Мардан Симбир (на месте современного Ульяновска) назван в честь улугбека Марджана, основавшего поселение на расстоянии однодневного пути к западу от пристани Симбир Кабак и похороненного в Симбире в 924 году.

Города являлись основными купеческо-ремесленными магистратами Булгарии и входили в состав Сувар Йорты. Существовало ещё несколько селений, которые назывались Таш Симбир, Субаш Симбир, но где именно они находились, пока неизвестно. Слово субаш означает чуваш, значит, селение называлось чувашским Симбирем. Эти селения были построены при правлении Булгарией Газана в 970 году. Под таким же названием возле реки Карга (приток реки Хопёр) был основан суварами город Буртас Симбир (территория современного Воронежа).

Что же означает слово Симбир? В книге «Сказание о дочери Шана» сказано: «Симбир – легендарная гора, на которой жил алп (дух, починающийся Богу) Карга: Симбир-Карга. В память о Карге булгары называли Симбирем высокий берег Волги, на котором возник болгар-

ский аул Симбир. Но есть и другая легенда. В книге Кул-Гали упоминается слово Симбир – это дух Света, рождённый Солнцем в виде фантастической птицы, принёсшей на Землю тепло и женскую красоту, семейное счастье очага. Этот добрый дух, которого булгары называли Каргой, жил в легендарной горе. Неизвестный болгарский поэт посвятил ему вдохновенные стихи.

А теперь заглянем в книгу Бахши Имана «Джагфар тарихы», где собраны уникальные документы – свод болгарских летописей. Она издана в Софии в 2001 году в книжной серии «Ельбеген» издательским домом «Огледало». Издание посвящено первому общеполитическому конгрессу, который проходил в Полтаве 17-19 августа 2001 года. История Джагфара – единственный дошедший до нас свод древнебулгарских летописей. Он составлен в 1680 году по приказу вождя болгарского освободительного движения сеида Джагфара секретарём его канцелярии Имамом в Булгарии. В этих документах – масса сведений о прошлом булгар, их предках и соседях. На странице 375 есть такая запись: «Симбир – болгарский балик (укрепленная крепость), основанный в 866 году». Это по данным Муссы ибн Халила.

Царь Алмуш посетил Симбир и велел построить дополнительные укрепления. Для строительства укрепленных линий направил суварцев, дал им земли и территорию. Так началось заселение людьми и строительство крепостей в Симбирском иле. Был построен арбугинский вал, теперь в том месте находятся сёла Криуши и Тушна Сенгилеевского района. Симбирский краевед П. Мартынов в своей книге пишет (1896): «...городок этот находится среди Сенгилеевских гор в глухой местности, покрытой лесом. Расположен он на мысу между оврагами... И на круче оврага видны остатки каменных ступенек...

Дмитрий Архангельский. Болгары. 1954

Сам городок округлой формы около 50 сажень в окружности; вал его выше сажени, а ров глубиной сажени полторы. Рассказывают, что от городка была устроена шоссированная дорога к Волге на протяжении почти 10 вёрст (к Шиловке); остатки этой дороги заметны и в настоящее время».

Ульяновский краевед А.Д. Ермолаев в 1968 году писал: «...по описанию жены лесника кордона Рябинка – Екатерины Заячкиной, уроженницы с. Тушна, в этих местностях есть остатки ещё двух городов – на левом берегу р. Атца, в километре за кордоном Рябинка, и в полутора километрах к югу от Тюбьяка: от них сохранились отдельные участки вала».

По рассказу племянника Е.П. Заячкиной, «на разрушающемся земляном валу просматривались остатки сгнивших вертикально вкопанных дубовых брёвен, которые, вероятно, выполняли функцию крепостной стены. В этих местах находили в грунте чёрные черепки гончарной посуды, остатки проржавленного железного тесала и похожий на мотыгу предмет. Вероятно, городок сооружался как запасная база для временного укрытия при вынужденном отступлении от врагов из Сенгиля или Шиловки». Это свидетельствует о том, что здесь находились болгарские города до золотоордынского периода.

Вспомним: в августе 922 года Великое посольство из Багдада отпра-

вилось в обратный путь по дороге Хорыс-юлы, куда входили дороги Симбиря. До Арбуги (Криуши или Шиловка), где жили мурдасы, они добрались на кораблях, и посетили эти места в сопровождении улугбека Симбиря Марджана и шейха Хасана. Марджан рассказал послу Рази о гибели мурдасов от страшной болезни, во время которой человек испытывал колики в животе, краснел и затем в мучениях погибал. Шейх Хасан тогда сказал людям: «Примите ислам – и Всевышний найдёт способ спасти вас!» Затем посольство проехало через Буртас Симбир, который находился по пути, и жители попросили его освятить молитвой мечеть. Рази тут же согласился. После молебна в буртасской мечети к нему явились люди из соседней крепости Суба (чуваша) и попросили его освятить молитвой только что построенную ими мечеть. Рази не отказал им и отправился в крепость. В память об этом посещении они назвали его именем крепость...

Чура-Коч нарочно сделал Симбир в дне пути от городской пристани Симбир Кабак на Идели, и это всегда сбивало с толку разбойников, принимавших Кабак за сам город. Пока они разбিরались, на валах возле Симбира готовилась оборона, после чего город становился неприступным...

Нести обязанности улугбека (губернатора) в Симбирском иле (так

называлась провинция в Волжской Булгарии), центром которого был город Симбир, было поручено роду Нарыка. Первым симбирским улугбеком стал Юсуф Нарык – сын Хамид-Батыра. Владения Симбирского иля располагались на пространстве от Буллы (приток Свяги около города Буинска) и Буре Почмагы до заставы Саратау (современный город Саратов) и Сарычина (город Волгоград).

В 1095 году оймеки (предки казахов), предводимые ханом Шам (Сам), напали на Биляр. В защите города приняли участие симбиряне. Общими силами прогнали врагов и занялись укреплением южной и восточной границ Симбирской и Суварской провинции, началось строительство новых валов со рвами, сторожевыми башнями и засеками...

После победы над русскими на реке Калка в 1223 году полководец Чингисхана Субетей повёл 20-тысячное войско татаромонголов на Булгарию. Дойдя до Волги, он усомнился в правильности пути и попытался двинуться на север, но наткнулся на Симбирский вал и был атакован симбирянами. Тогда татаромонголы попробовали пойти к югу, но упёрлись в Арбугинский вал (Криуши-Потапиха-Тушна) и также были отбиты, потеряв при этом тысячу человек. После этого переправились на левый берег три тысячи татар и 14 тысяч из 50 тысяч примкнувших к ним тюркмен и куманов (кыпчаки, которых русские называли половцами). В окрестностях Кермека (граница Чердаклинского и Старомайнского районов) татаромонголы в битве с арбугинцами потерпели сокрушительное поражение и покинули навсегда волжские степи. В битве отличились тарханы Елаур (его именем названо село Елаур Сенгилеевского района) и его сын Юнус. Булгарский кан (царь) Чельбир (Чембер) велел взять за каждого пленного (выкуп) по барану, а за Уран-Китайа – десять баранов, отчего битва получила название Бараньей.

Черемшанские казаки, предводимые Чура-Кочем, перевезли кинельско-самарских болгар (чуваш) на Симбирскую сторону, чтобы защитить их от набега кыпчаков, и Азан (царь Булгар) утвердил бека Чура-Коча в звании симбирского улугбека (1359).

В 1407 году около стен Симбирской крепости произошло ожесточённое

сражение её защитников против куманов (половцев), так и не сумевших взять Симбирск. В 1461 году Симбир осадили ногайцы, но ширдагцы и кюльбалайцы (жители черемшанских селений) опрокинули их и гнали 300 вёрст, уложив пять татарских князей и три тысячи ногайцев.

Симбирский улугбек Алиша и князь Мал-Нарык с огромным флотом и при помощи симбирского войска овладели Астраханью, после чего все земли Астрахани были объявлены Булгарской территорией, а беком был назначен хан Кучак Улан (1502).

1546 год. Сын улугбека Симбиря Мал-Нарыка Чура появился перед Казанской крепостью с 1500 симбирскими казаками (доблестные рыцари). Казанские бедняки, ненавидевшие хана, открыли Чуру крепостные ворота и бросились бить всех кыпчаков подряд и победили. Сам хан едва успел бежать в Астрахань к своему тестю.

В 1549 году под предводительством Сафы Гарая крымские и азовские

кыпчаки попытались овладеть Симбирем, но новому улугбеку Симбиря Исламу (брат Чуры) помог отстоять город предводитель булгарских повстанцев Галикай.

Восставшие против гнёта татар чуваша и симбирцы присоединились к русским и позволили им сжечь часть внешней крепости Казань и построить на Волге (у притока Свияги) крепость Чуртан (Свияжск) с 20-тысячным войском. В подтверждение этого Алаша (так звали булгары русского царя Ивана Грозного) написал грамоту, в которой назвал сербийцев (чуваша, гуннское племя) субашским народом (чувашским), а воеводы крепости дали им русских денег (1551–1552).

Это неполный перечень событий, происходивших в те далёкие времена в Симбирском иле. Все они доказывают, что город на карте Поволжья появился задолго до прихода воеводы Богдана Хитрово. С этим согласны многие учёные из Чебоксар и Ульяновска.

Ангел Христов из Болгарии, долгое время изучавший историю булгар, в своём письме пишет: «Верю ли я историю Джагфара? Есть сомнения, но в основном верю. Почему? В этой книге много исторической информации, сколько целый научный институт не может создать за 20 лет...».

Председатель Ульяновского просветительского общества «Булгарское возрождение» Ш.М. Богданов уверен, что книга не подделка. Доктор наук Риза Бариев придерживается того же мнения: «Один человек не в состоянии написать всё это! Надо целому институту работать над этим...».

Симбирск – один из основных городов Волжской Булгарии. Мы считаем, что наш город древнее Москвы и Казани – ему исполнится 1145 лет. Верю, что со временем это будет признано научным миром, и правда об основании города восторжествует.

Николай Казаков

Дмитрий Архангельский. Южная башня мечети в Болгарах. 1954

«Река священнейшая в мире...»

Тема Волги вдохновляла многих местных поэтов. В стихотворных произведениях она представляла в различных образах, но неизменно восхищала авторов красотой, мощью и величием. В поэтических творениях наших земляков она становилась олицетворением родной земли, природы, дома, близкого человека. Предлагаем вам краткий обзор волжской лирики симбирских-ульяновских поэтов.

*Река священнейшая в мире,
Кристалльных вод царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга! величать,
Богиней песни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
(«Волга»)*

Уроженец Симбирской земли, известный литератор, родоначальник сентиментализма в России, Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) одним из первых в русской поэзии «дерзнул» обратиться к Волге с величественным поэтическим посланием, напоминающим своеобразную оду. Как известно, стихотворцы того времени посвящали произведения подобного жанра царствующим особам. Почему же мы склонны считать стихотворение Карамзина одой? Выросший на просторах Волги и с детства пленённый её красотой, Николай Михайлович пронёс ощущение восторга от вида великой реки через всю свою жизнь. Даже во время загранич-

ного путешествия он не переставал думать о родине. Сравнивая её пейзажи с местными, он писал: «Симбирские виды уступают немногим в Европе». Конечно, Карамзин имел в виду и волжские дали. Волга стала для поэта олицетворением родной земли, восхищением перед которой дышит каждое слово в его стихотворении. Преклонение Н.М. Карамзина перед «священной рекой» настолько велико, что автор без колебаний даровал ей титул царицы, достойной быть воспетой высоким слогом оды.

Созвучно произведению Н.М. Карамзина стихотворение «К Волге» (1794) поэта Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837):

*О, Волга, рек, озёр краса,
Глава, царица, честь и слава,
О, Волга пышна, величава!*

Последователь карамзинской литературной традиции, И.И. Дмитриев наградил Волгу возвышенными

эпитетами и будто бы склонил голову перед её величием. Недаром поэт называл себя «волжанином», ведь «счастливые берега» родной реки манили его своими красотами и пробуждали столь дорогие его сердцу воспоминания прошлых лет.

К теме Волги не раз обращался и поэт пушкинской плеяды Николай Михайлович Языков (1803–1846). В родном Симбирске его взору открывались завораживающие картины:

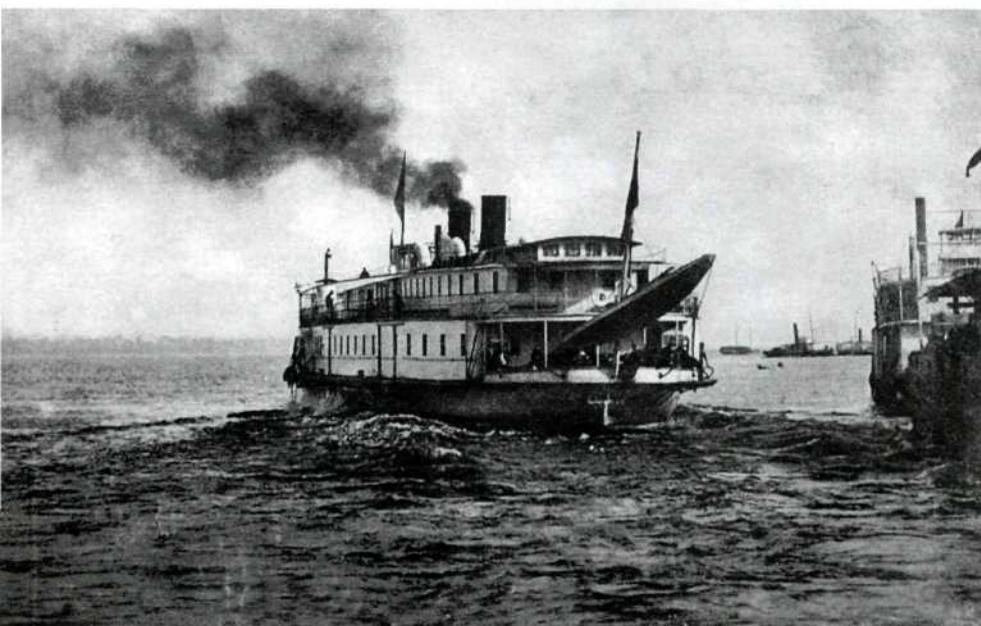
*И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды...
(«Родина», 1825)*

Волга то представляла тихой, спокойной, умиротворяющей своим течением, то становилась бурной «шумящих волн громадой». Но неизменно она рождала в душе поэта удивительные, неповторимые образы.

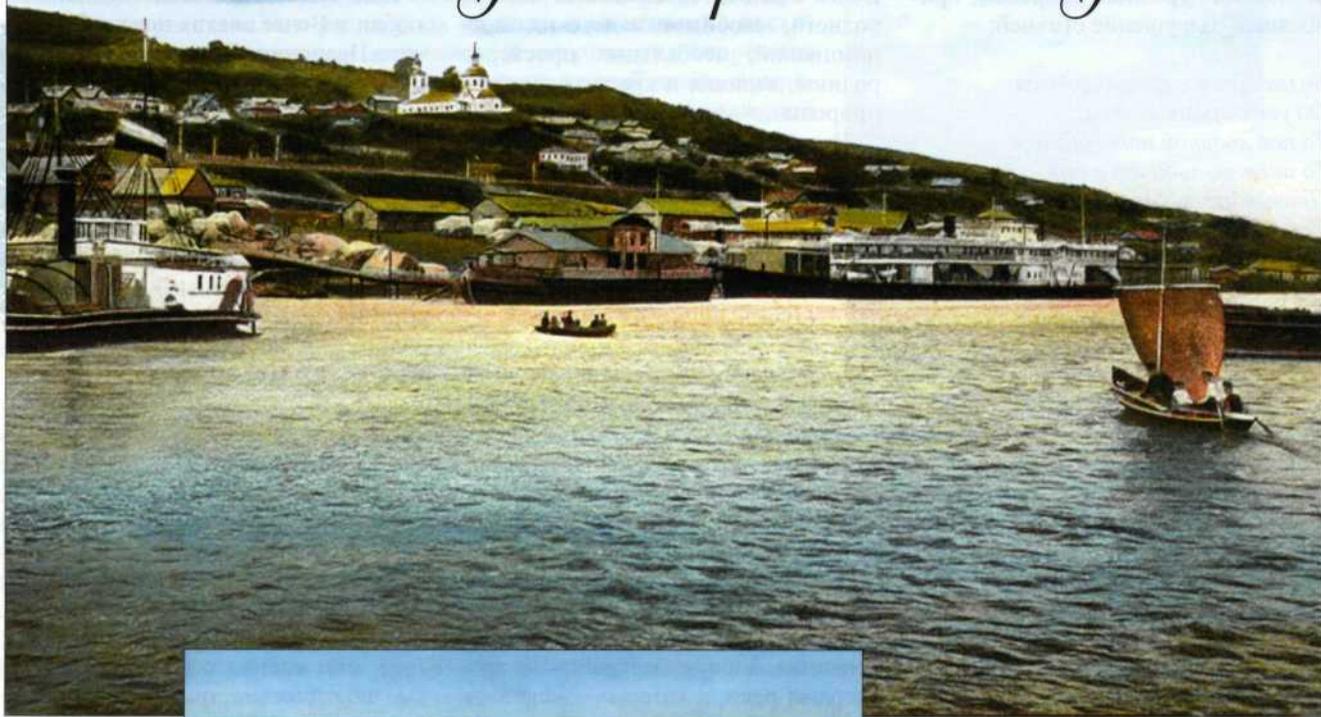
В одном из своих поэтических посланий Н. Языков принёс «приветы Волги» её далекому собрату Рейну. Несмотря на очарованность величием «князя многих рек», стихотворец твёрд в своей уверенности, что:

*...Волга больше, краше,
Великопнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
(«К Рейну», 1840)*

Отход парохода. Открытка 1910-х годов

Эпоха путья через Волгу...

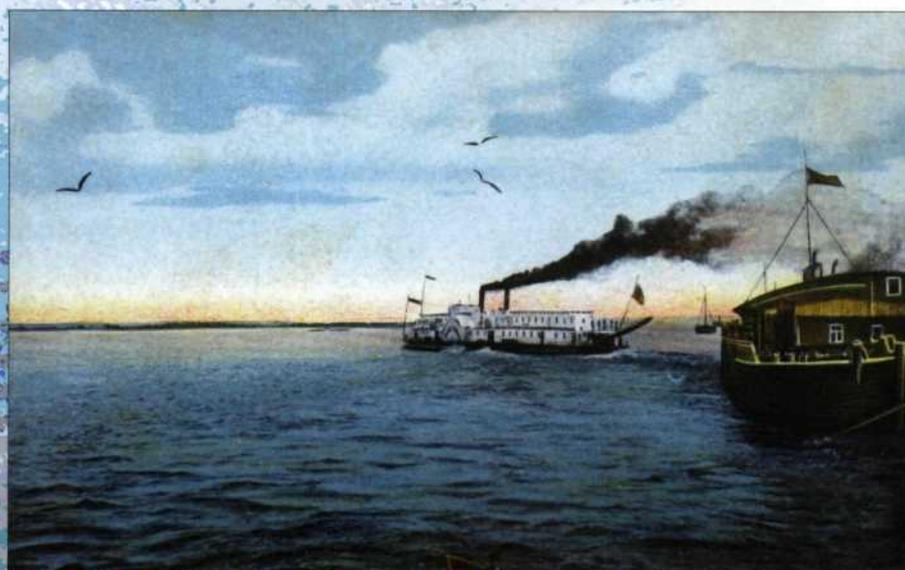

Виды Волги в окрестностях Симбирска. Открытки 1910-х годов

Анатолий Анатольевич Парпара – известный поэт, лауреат Государственной премии России, секретарь Союза писателей России, главный редактор «Исторической газеты», профессор факультета журналистики Московского государственного университета культуры и искусства, академик Академии российской словесности. Известен как председатель Фонда им. М.Ю. Лермонтова. На стихи Анатолия Парпары написаны песни «Рябина Победы» (композитор В. Газарян), «Мама» (композитор Г. Пономаренко), «Поздняя любовь» (композитор Б. Зиганшин), романс «Дышит печалью осеннее утро» и многие другие.

Анатолий Анатольевич Парпара – частый гость Ульяновска, неоднократно проводил в нашем городе мастер-классы для начинающих поэтов и руководил семинаром молодых литераторов в Карсуне. Нежность волжских плёсов и безбрежный речной простор вдохновили поэта на цикл волшебных стихов.

Анатолий Парпара

Счастливым день!
 На волжском берегу
 Сады в лучах сентябрьских золотились,
 Шмели в цветах паслись
 И веселились,
 И над садами плыл
 Их мелодичный гул.

Как девочка,
 Над медленной волной
 Мать наклонялась
 И в реке плескалась.
 Лицо её, довольное, смеялось,
 Как яблоко на ветке золотой.

И нет печали сумрачных годов...
 И не хотелось верить мне,
 Что это
 Веселье золотое —
 Бабе лето
 В предошущенье скорых холодов.

И эта мысль
 Мне сделала больной
 Своим явленьем истины печальной,
 Чем марш Шопена,
 Гордый и прощальный,
 Меня настигший
 В радости моей.

Не жалуйся,
 Что отдыха нет долго,
 Что все дела — заели, извели...
 Их чередуй,
 Как чередует Волга
 Морские и речные корабли.

На Волге
 В этих волнах —
 Медлительность прозы,
 Много грусти,
 Но ты не грусти.
 Сколько раз
 Видел волжские плёсы,
 Столько раз
 Замирало в груди.

Милый мой,
 Эту радость простора
 Не закроет
 Дождливая сеть.
 Слышишь,
 В звоннице медного бора
 Колоколится нежная медь!

Пусть в природе
 Уже отпорхало,
 Отзвенело и отцвело,
 Важно,
 Чтобы душа не устала,
 Зная радость,
 Провидеть зло.

Зная непогодь —
 Видеть солнце,
 Зная непроглядь —
 Верить в день,
 Потому и в бору
 Раздаётся
 Колокольная тихая звень.

Не смейтесь над бедой земли чужой —
 Своя беда уже не за горами.
 Сердца иных не отягчайте лжой —
 Она вернётся теми же путями.

Не унижайте слёзы матерей —
 Зальётесь сами горькими слезами.
 В несчастье кто — спешите поскорей,
 И счастье, как дитя, пойдёт за вами.

Не предавайте молодых затей,
 Ни друга, ни страны не предавайте.
 Что не желаете душе своей,
 Чужой душе вовеки не желайте.

Когда ж разлад в сознание просквозит,
 И дьявол слух заденет словесами,
 Иуда и Пилат, и Вечный Жид
 Пускай появятся перед глазами.

И пусть урок их жизни будет впрок
 И сможет излечить других пороки...
 Хотя не впрок нам праведный урок —
 Не любит человечество уроки.

Звёздное коромысло

Этот путь через Волгу —
 Прямо в сонмище звёзд:
 Коромысло Вселенной
 Прорастает как мост.

И струится неспешно,
 Легально почти,
 Всё, что может по Млечному
 Мчаться пути.
 И, когда по нему я
 Плыву поутру,
 Всё мне кажется, что
 Никогда не умру.

Якову Ухсаю

Ко мне приходит по утрам старик.
 Он в кресло невысокое садится
 И говорит.
 И бледные зарницы
 При слове каждом вспыхивают вмиг.

Он много видел на своём веку.
 Ходил в бесславье,
 Как сейчас во славе,
 Но даже горький голод не заставил
 Менять на деньги честную строку.

И всё ж ему, как видно, повезло,
 Когда познал он трудные утраты,
 Поскольку требует жестокой платы
 Святейшее его рукомесло.

Он вспоминает жизнь свою, друзей,
 И голос то улыбочивый, то жёсткий,
 И вот Васильев, Смеляков, Твардовский
 Как бы живые в комнате моей.

Звенят стихи,
 Мелькают имена,
 Встаёт в необозримой перспективе
 Без приукрас
 То в голоде, то в тифе,
 То в радости строительской страна.

Какой упругой силою налит
 Их юности неповторимый мускул...
 Но грустная вневременная мудрость
 В их голосах мальчишеских звенит.

Старик необычайно возбуждён,
 И я его волненьем заражаюсь,
 И понимаю старикову старость,
 Когда бывает в молодости он.

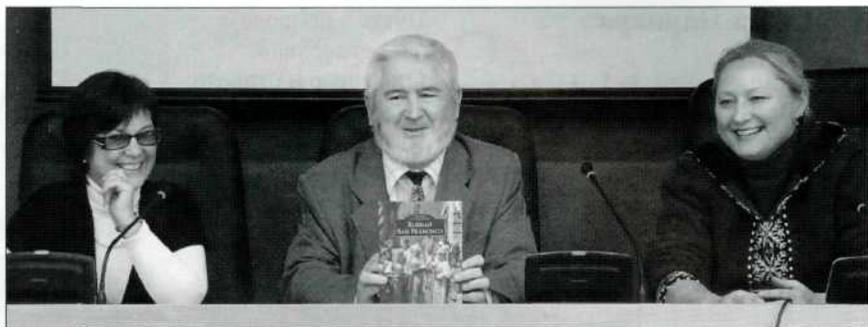
Но он желает молодость продлить.
 А жизнь его друзей невозвратима,
 И странно слышать,
 Как неотвратимо
 Трещит годов связующая нить.

Прости, старик!
 Помочь бессилён я.
 Законы увядания жестоки.
 Но юный ствол разбудят марта соки
 Неумолимостью законов бытия.

И юною листвою зазвенит
 Иная песня незнакомой рощи...
 А вот кому из нас грустится больше,
 Пускай рассудит тот,
 Кто не грустит.

Ульяновск, 2010

«Сегодня мы принимаем дорогую гостью, совсем не чужую нам Нину Григорьевну Богдан», – такими словами в октябре 2010 года краевед Сергей Петров начал встречу музейщиков и журналистов Ульяновска с американской гражданкой, внучкой симбирянина князя Николая Ухтомского.

Ольга Туркина, Сергей Петров и Нина Богдан. Ульяновск. Октябрь 2010 г.

Нина Богдан родилась и выросла в США, работает редактором журнала Ассоциации переводчиков Северной Калифорнии. Её родители, эмигранты, не зная английского языка, дома разговаривали по-русски, поэтому родным языком Нины стал русский, но позже она вполне приобщилась к американской культуре. В какой-то период Нина Григорьевна вдруг почувствовала неодолимую тягу ко всему русскому, жгучее желание узнать о своих российских родственниках, изучить родословную семьи. Она нашла силы, время и возможности вплотную заняться этим в 2002 году. Именно тогда Нина Богдан приехала в Ульяновск впервые. Перед её глазами предстали старые улочки Симбирска, внимательные сотрудники местных музеев, которые гораздо больше, чем она сама, знали о её предках и шаг за шагом вели Нину Григорьевну по затаенным переплетениям судьбы рода Ухтомских. То, что её мама по происхождению княгиня Ухтомская, наша гостья знала. Однако о том, что этот род был так известен в России, и не подозревала. Князья Ухтомские ведут своё происхождение от легендарного Рюрика.

Ухтомские в основном были небогатыми служилыми землевладельцами. До высокого звания окольничего в 1690 году удалось дослужиться только Ивану Юрьевичу Ухтомскому. Известен в XVIII веке был зодчий Дмитрий Васильевич Ухтомский, он создал колокольню Троице-Сергиевой лавры, московские Красные ворота и храм Никиты-мученика.

Корни деда Нины, князя Николая Александровича Ухтомского, из симбирской линии рода, который обосновался здесь во второй половине XIX века и мирно существовал до 1917 года. Дело в том, что Ухтомские категорически не приняли Советскую власть. По некоторым сведениям, в 1918 году князь Николай Ухтомский

Генетическая ностальгия

воевал в составе воинских частей Владимира Каппеля, а после взятия Симбирска красными уехал из города навсегда. В Википедии он представлен как один из руководителей Белой эмиграции в Манчжурии.

– К сожалению, в семье почти не осталось документальных свидетельств о симбирской жизни. Хранительницей архива Ухтомских долгое время была сестра моего деда Наталья Александровна. Но после его ареста она сожгла многие документы и письма, – поведала Нина Григорьевна. – Рассказывать о родственниках у нас было не принято. Собственная дочь Николая Александровича, моя тётя Елена, даже не знала, что какое-то время её отец жил в Германии. Она так и не могла понять, почему же он всё-таки вернулся оттуда в Харбин, где его арестовали. А он был в числе тех немногих, кто верил, что Советская власть ненадолго и всё ждал, когда она закончится, с тем, чтобы вернуться в Россию.

В свой первый приезд в Ульяновск Нина Богдан узнала, что она потомок не только Ухтомских, но ещё и другой известной симбирской фамилии – Назарьевых. Её прадед Александр Николаевич Ухтомский, предводитель симбирского дворянства, состоял в браке с Анной Назарьевой, дочерью драматурга, писателя и краеведа Симбирска Валерьяна Никаноровича Назарьева.

Тогда же Нина Богдан побывала в Заполярье, в бывшем «Речлаге». Здесь, она знала это точно, умер её дед.

Николай Ухтомский попал в руки советского правосудия в 1945 году, когда занявшие Харбин советские войска арестовали там множество своих бывших соотечественников.

О встречах с колючей проволокой «Речлага» с князем Ухтомским существуют воспоминания бывшего политзаключённого Олега Боровского: «Ко мне подошёл высоченный господин с головой аристократа, с маленькой седой эспаньолкой и большими голубыми глазами. Правильные черты удлинённого лица, руки с тонкими пальцами, всё было в нём породистым и красивым. Он протянул руку и на чистом «петербургском языке» произнёс: «Разрешите представиться – князь Ухтомский»... Как потом выяснилось, князь хорошо говорил на французском, английском и немецком языках. Николай Александрович рассказал, что у него две дочери, и с гордостью называл Марину и Елену княжнами».

О. Боровский вспоминал: «В связи с возрастом Ухтомскому в карточке поставили букву «И» – инвалид – и работать не заставляли... Иногда я приставал к нему с расспросами о его жизни в Германии, Франции и Англии, и он охотно, хотя несколько сжато, рассказывал о встречах с интересными и знаменитыми людьми. В воркутинских лагерях князь провёл чуть больше шести лет. Неожиданно и как-то очень быстро умер в терапевтическом стационаре лагеря...» (Екатерина Нестерук. Газета правительства Республики Коми).

К сожалению, о родственниках отца Нине Григорьевне во время её визитов в Украину много найти не удалось, так как его родители были простыми тружениками из Сумской области. Зато она точно знает, как он попал в Америку. В 1943 году в возрасте 14 лет Григорий Богдан был угнан в Германию. После Победы оказался в британской зоне оккупации, через 6-7 лет получил визу и, в конце концов, выбрал проживание в Штатах.

— С отцом я всегда говорила по-русски. Родной язык и по сей день сохраняется в русской общине Сан-Франциско. Я стараюсь при любой возможности говорить по-русски, читаю много. К сожалению, дети моего двоюродного брата (их шестеро, и они живут в Бразилии) уже совсем не говорят по-русски.

Из-за болезни своего отца Нина Богдан долго откладывала вторую поездку в Россию, потом начала писать книгу, но для того, чтобы закончить её, потребовались дополнительные сведения. Тогда она решила повторить путь своего деда из Симбирска до Харбина или, по словам Сергея Петрова, «совершить кругосветное путешествие из Сан-Франциско через всю Россию в Харбин и обратно за 50 дней», и поработать в библиотеках Ульяновска, Самары, Иркутска, Красноярска.

— Мне очень нравится Ульяновск, очень люблю смотреть с Венца на Волгу, — призналась Нина Григорьевна слушателям. — Особенно нравится историческая русская литература, русские художники, Шишкин. Когда я плыла на теплоходе от Питера до Москвы, я стояла и, не отрываясь, смотрела, как проходят берега, и испытывала чувство, которое, наверное, можно назвать генетической ностальгией.

— Нина — человек, обладающий редким даром, который есть далеко не у всех, так же как музыкальный слух, способность петь, — считает заведующая музеем городского быта Ольга Анатольевна Туркина. — Она стремится найти свои корни. Это особенно удивительно, так как Нина Григорьевна выросла в далёкой заокеанской стране. В ней живёт интерес к поиску родственников, и это чувство существует у неё на генетическом уровне.

Лилия Янушевская

Незаслуженно забытые Ухтомские

С конца XX века в новых условиях, сложившихся в России, у многих граждан возник повышенный интерес к своим корням. Скорее всего, это объясняется появлением в современном обществе новых тенденций формирования культуры семьи и культуры личности. Однако и зарубежные гости, потомки наших бывших соотечественников проявляют к этой теме не меньший интерес.

Большая часть сведений об известнейших родах (в т.ч. дворянских) в России уже каталогизирована и доступна. В этой системе, как правило, очень редко происходят существенные изменения. Обычно они бывают в двух случаях: или в каком-нибудь из родов объявляется «самозванец», или на родину возвращается архив какой-либо забытой ветви. В нашем случае произошло второе. Нина Григорьевна Богдан в 2002 году впервые приехала в Ульяновск из Сан-Франциско, привезла с собой семейный архив Ухтомских, состоящий из фотографий и документов, и передала его в ульяновский музей городского быта «Симбирск конца XIX—начала XX вв.». Этот архив когда-то принадлежал матери Нины Богдан — Марине Николаевне Ухтомской — и хранился у неё на протяжении многих лет.

Род Ухтомских был одним из влиятельных и почтенных дворянских родов в Симбирске, однако в картотеках библиотек не было никаких документов о его связи с нашим краем и судьбе этого рода. Он почему-то мало привлекал внимание исследователей и был изучен недостаточно, хотя сведения о нём неоднократно публиковались. История семьи в XX веке оставалась практически не изученной...

Между тем, к 1917 году в России жило около 100 человек, носивших эту фамилию. Некоторые ветви рода продолжают до настоящего времени и в России, и за рубежом.

Князья Ухтомские происходят от Рюрика и являются младшей ветвью удельных князей Белозёрских. Их родоначальником был князь Иван Иванович, получивший в удел Ухтомскую волость, называвшуюся так по протекавшей через неё реке Ухтоме (ударение на первый слог и определило правильное произношение фамилии). Ухтомские не относились к числу аристократических родов, занимая после утраты удела место среди средних служилых

землевладельцев. В XVI—XVII вв. они не поднимались по службе выше стольников и воевод на второстепенных воеводствах. Традиционной для рода долгое время оставалась военная служба, но в конце XVIII—начале XX в. несколько князей Ухтомских проявили себя в науке, искусстве и общественной жизни.

В демографическом отношении характерная черта рода заключалась в его многочисленности. Князья Ухтомские были записаны в дворянские родословные книги более 10 губерний: Московской, Нижегородской, Новгородской, Симбирской, Тверской, Тульской, Ярославской и др. Многочисленность представителей, ограждавшая род от угасания, имела и оборотную сторону — поместья большинства князей Ухтомских были мелкими и не давали достаточных доходов. Крупные земельные владения переходили в род, как правило, в виде приданого.

К симбирско-ярославской ветви князей Ухтомских принадлежало несколько известных деятелей

России конца XIX–начала XX века. В частности, Александр и Алексей Алексеевичи Ухтомские. Старший брат Александр (1872–1937) окончил кадетский корпус в Нижнем Новгороде, но выбрал духовную карьеру, имел сан архиепископа, возглавлял Уфимскую кафедру, был расстрелян в 1937 году по решению «тройки». Младший Алексей (1875–1942), известный учёный-физиолог, профессор Ленинградского университета, академик (1935) и в то же время выпускник Московской духовной академии. Он погиб от голода во время блокады, отказавшись покинуть город.

Их двоюродные братья, продолжившие эту ветвь в потомках, Александр Николаевич Ухтомский (1867–1937), к которому мы вернёмся позже, и Александр Александрович Ухтомский (1863–1937).

Александр Александрович сначала служил во флоте, под командой С.О. Макарова совершил кругосветное путешествие на корвете «Витязь», затем перешёл на гражданскую службу, был избран саратовским уездным предводителем дворянства. Оба его сына князя Александр и Михаил участвовали в гражданской войне на стороне красных.

В России продолжается ветвь рода, к которой принадлежал князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921) – писатель, поэт, журналист, этнограф, путешественник. Знаток восточной культуры, он был приглашён для сопровождения наследника престола Николая Александровича в поездке по Азии (1890–1891). Э.Э. Ухтомский собрал первую в мире и лучшую коллекцию ламаистского искусства, которая пополнила сокровища Эрмитажа (1934). Его единственный ребёнок князь Дий Эсперович Ухтомский (1888–1918) – этнограф-антрополог, путешественник, сотрудник Русского музея – занимался изучением религии и культуры народов Дальнего Востока.

Известно, что в настоящее время Ухтомские проживают не только в России, но и в Австралии, Франции, США и других странах.

Вполне возможно, что существуют и другие ветви князей Ухтомских, которые до настоящего времени не попали в поле зрения генеалогов.

Нина Григорьевна Богдан приехала в Россию не только за тем,

чтобы вернуть на Родину архив своей семьи, она хотела до конца узнать судьбу своего деда, Николая Александровича Ухтомского. До неё этим занималась её тётя Елена Александровна Ухтомская (в замужестве Штрахан). «Большая просьба к тем нашим землякам, которые прошли все ужасы сталинских лагерей, может быть, кто-нибудь встречал князя Николая Александровича Ухтомского, помнит что-нибудь о нём, знает что-нибудь о его последних днях? Всё это очень хотела бы узнать его дочь Елена Ухтомская», – писала она в Россию.

Итак, вернёмся к Александру Николаевичу Ухтомскому, прадеду Нины Богдан. Потомственный дворянин, сын Н.Н. Ухтомского и П.А. Ухтомской (урожд. Бетевой), Александр Николаевич окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию, а затем юридический факультет Московского университета (1891). В своём уезде несколько лет занимал должности земских начальников, в течение десяти лет был почётным мировым судьёй Симбирского уезда. В 1905 году стал непременным членом Симбирского губернского присутствия, а в 1910 году возглавил Симбирскую уездную земскую управу. Много времени уделял общественной работе и попечительству. Владел имением в с. Богородская Репьёвка Симбирского уезда (ныне с. Репьёвка-Крутец Цильнинского района) и крупным конезаводом. В городе у него был собственный дом во Введенском переулке. По политическим убеждениям принадлежал к партии октябристов, в которой состоял с 1906 года. Во время правления Комуча был назначен заведующим и членом совета Симбирского отдела государственных движимых имуществ, являлся председателем Симбирского комитета помощи Народной армии. Баллотировался в 1918 году в гласные Городской думы (выборы не состоялись). После падения Комуча уехал с семьёй вслед за отступавшей белой армией в Сибирь. Какое-то время занимал должность уполномоченного по снабжению продовольствием Енисейской губернии. Вскоре уехал в Харбин (центр русской эмиграции в Китае), как и многие дворянские семьи из Поволжья. На далёкой чужбине они продолжали поддерживать

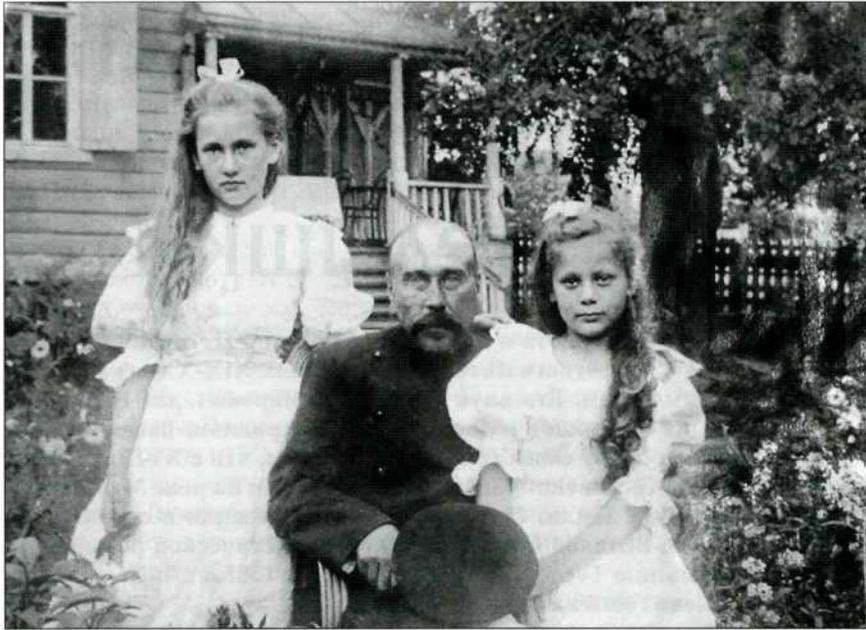
национальные традиции и сохранять уклад жизни. Находясь в конфликте с советским режимом, они преданно поддерживали благородные идеалы, оставаясь цветом русской интеллигенции. Большинство из них прошли через суровые испытания, потеряв своих близких и друзей и пережив годы советского террора.

Александр Николаевич Ухтомский до конца жизни был предводителем Симбирского землячества в Харбине.

Работа землячеств заключалась, прежде всего, в широкой поддержке и помощи неимущим землякам, в устройствах вечеров, «чашек чая», ёлок, благотворительных балов, докладов, лекций по различным вопросам. При землячествах работали и Дамские кружки. Одно время Дамский кружок Симбирского землячества возглавляла супруга Александра Николаевича – Анна Валерьяновна Назарьева (ум. в 1938 в Харбине), от брака с которой князь Александр Ухтомский имел сына Николая и двух дочерей: княжну Марию (1896–1921, Харбин), в замужестве Колтуновскую, и Наталью (1897–1968). Наталья окончила в 1918 г. Красноярскую женскую гимназию, с 1920 г. преподавала английский язык в Харбине, а позже жила в Бразилии и США, где преподавала французский и немецкий языки.

Судьба единственного сына Александра Николаевича Ухтомского князя Николая (1895–1953) сложилась трагически. Он, как и отец, окончил Симбирскую гимназию, с 1919 г. находился в эмиграции, жил в Харбине, занимался журналистикой. В 1932 году женился на дочери сотрудника КВЖД Любови Александровне Крутовой (1912–1998, во втором браке – Корн). В 1945 году князь Н.А. Ухтомский был интернирован в СССР. Возможно, причиной ареста Николая Александровича послужила его журналистская деятельность.

С 1920 года в Харбине издавалась большая ежедневная демократическая газета «Заря», редактируемая вначале бывшим петербургским журналистом М. Лембичем, а после его кончины Евгением Самойловичем Кауфманом. С первых же номеров «Заря» резко отмежеввалась как от правого, так и от левого «лагерей» эмиграции, став беспартийным объективным изданием.

Князь Александр Николаевич Ухтомский с дочерьми – Марией и Натальей

Николай Александрович Ухтомский работал в «Заре» корреспондентом, публикуя репортажи о жизни города, людей, учреждений, но политическим комментатором событий он никогда не был. В газете, в первую очередь, освещалась общественная жизнь эмигрантской колонии, помещались новости культуры, рецензии на театральные и музыкальные спектакли, книги.

Однако Ухтомский работал и в другой газете – «Наш путь». Одним из её редакторов был известный харбинский журналист Василий Владимирович Голицын. Голицын стремился из экстремистской сделать общественную газету, не вмешиваясь в материалы второй полосы, посвящённой, как правило, критике советской действительности. Возможно, именно сотрудничество с «Нашим путём» и стало причиной появления пресловутого шестого пункта («шпионаж против СССР») в приговоре Ухтомского.

30 августа 1946 года Военная коллегия Верховного Суда СССР осудила его на 20 лет лишения свободы по делу атамана Г.М. Семёнова по статье 58-4, 58-6 ч. 1, 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР. Статья 58 пункт 4 Уголовного кодекса РСФСР гласила: «Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической

системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к её свержению, а равно и находящимся под влиянием или непосредственно организованным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза СССР деятельности».

Умер Николай Александрович Ухтомский в «Речлаге» под Воркутой 18 августа 1953 года «от паралича сердца».

У него осталось две дочери: княжна Марина (20.02.1934, Харбин – 15.12.1995, Санта-Роза, США), в замужестве Богдан, и княжна Елена (р. 14.03.1935, Харбин) в замужестве Штрахан.

В 1953 году княгиня Любовь Александровна Ухтомская с двумя дочерьми Еленой и Мариной, так ничего и не узнав о судьбе мужа, уехала в Бразилию. Переписка с заграницей узникам «Речлага» в те годы была запрещена. В Россию эмигрантам можно было отсылать не более двух писем в год и только тем родственникам, чьи фамилии были внесены в личные дела заключённых. Но никаких гарантий, что цензор лагеря отправит по назначению даже эти два письма, не было.

Долгие годы Елена Николаевна опасалась искать информацию об отце, прежде всего, боясь подвести тех, кто мог бы помочь ей в розыске. Однако времена изменились, и она уже два раза смогла побывать в

России в гостях у подруги своего детства. Елена Николаевна в настоящее время замужем за шотландцем, бывшим финансовым директором одной из канадских фирм, George Andrew Goodlad Strachan (р. 05.11.1928, Эдинбург), серьёзно увлекается теннисом, филателией, занимается благотворительностью, живёт в Бразилии.

Елена прекрасно говорит и пишет по-русски, хотя её сыновья уже почти не чувствуют, что в их жилах течёт и русская кровь.

Следуя примеру своей тётки, в Ульяновск дважды приезжала и Нина Григорьевна Богдан. Она осмотрела фамильную усадьбу на ул. Льва Толстого, посетила государственный областной архив области, а также участвовала в культурных мероприятиях и различных встречах.

Пример интереса зарубежных потомков рода Ухтомских к истории своей семьи далеко не единичный. В конце XX–начале XXI вв. наметилась общая тенденция возвращения потомков именитых семей в Россию для изучения своих корней, возврата имущества и установления подлинности семейных ценностей. Как мы наблюдаем на примере Ухтомских, в Симбирске, в городе, где оплотом царской власти выступало дворянство, семейственность была основой общественных отношений.

Возвращённые в Россию архивы дворянских семей – это бесценные памятники прошлого, образцы высокой духовной культуры и свидетельства исторических событий. Возвращение Ниной Григорьевной Богдан семейного архива князей Ухтомских можно считать большим шагом на пути к исследованию особенностей жизни дворянства до революции.

В целом, судьба рода Ухтомских в XX веке оказалась схожей с тем, что переживало всё русское дворянство: войны, репрессии, эмиграция... Однако князья Ухтомские сумели проявить себя в сфере культуры и науки, а те, кто волей судеб оказались за пределами России, смогли сохранить русские традиции, язык и особый национальный менталитет. XX век нельзя считать периодом упадка рода. Просто его служение России продолжалось иначе, чем прежде.

**По материалам
Ольги Туркиной**

Рассказы и стихи Евгения Гославского стали широко известны в конце 1890-х годов. Они часто публиковались на страницах журналов «Шут», «Стрекоза», «Наблюдатель», «Русская мысль», «Детское чтение», газеты «Русские ведомости» и других периодических изданий. В 1902 году вышла книга его рассказов «Путём-дорогою». Пьесы Гославского публиковались в журналах «Артист», «Театр» и ставились в московских театрах. Как автор Евгений Петрович был интересен тем, что в своих произведениях раскрывал тему народного быта, в основном сельского. Гославский много лет провёл в имении своего отца в Рязанской губернии и хорошо знал взаимоотношения между различными слоями сельской общины. Сам он несколько лет проработал учителем в школе села Старо-Пластиково. В то время он впервые и обратился к литературному творчеству.

«Вам надо писать лет пять без передышки»

Жизнь русского беллетриста и драматурга Евгения Петровича Гославского (1861–1917), известного в столицах на рубеже XIX–XX веков, тесно связана с нашим краем. Его внук Олег Владимирович, два года назад уже выступал на страницах «Мономаха» с материалом, посвящённым генеалогическому древу своей семьи. Он выяснил, что с XVII века полковнику Гавриле Гославскому и его двум сыновьям на реке Майна принадлежали немалые земли. С тех пор их потомки жили в селе Старая Майна вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В 2011 году Евгению Гославскому исполнилось 150 лет, поэтому Олег Гославский вновь гость нашего журнала.

Родился Евгений Гославский 30 (18) апреля 1861 года в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина Петра Васильевича Гославского, служившего в северной столице и владевшего совместно с женой Софьей Петровной (урожд. Шигаевой) имением в Рязанской губернии. Поэтому годы детства и юности будущего драматурга проходили зимой в Санкт-Петербурге, а летние месяцы – в имении родителей. Часто он посещал и Старую Майну, где на берегу Волги располагались имения его родственников по отцовской линии.

После женитьбы Евгению Петровичу, по заведённому в семье обычаю, был выделен земельный надел в селе Старо-Пластиково. Здесь молодожёны построили себе большой двухэтажный кирпичный дом с надворными постройками. Гордостью и заботой Евгения Петровича был выращенный его руками фруктовый сад. Яблони, посаженные им, до сих пор плодоносят благодаря постоянной заботе сельских жителей. А поле возле этого сада и сейчас в народе называют «гославским».

Писательский и драматургический дар Евгений Петрович Гославский, скорее всего, унаследовал от матери Софьи Петровны. Летом в имении Старо-Пластиково на импровизированной сцене Гославские ставили любительские спектакли по пьесам А.П. Чехова или по пьесам, написанным самим Евгением Петровичем.

Роли в них, как правило, распределялись между его детьми и их младшими соседями по имению, среди которых были Шигаевы, Протасьевы и другие. Сам Евгений Петрович принимал участие в этих спектаклях и как актёр. Особенно ему удавались роли купцов и приказчиков. Зрителями могли стать все желающие. Этих выступлений ждали, им радовались все жители села. Кроме того, во время этих постановок проверялось и драматургическое мастерство Евгения Гославского.

Особо следует отметить рассказы, сказки и пьесы Евгения Петровича, адресованные детям. Он хорошо понимал состояние души ребёнка, чувствовал его радости и огорчения.

С 1903 года Евгений Гославский вступил в Общество любителей русской словесности и в Общество русских драматических писателей и оперных композиторов. Он состоял в переписке с известными писателями и театральными деятелями А.Е. Грузинским, А.Я. Алексеевым, Ф.Д. Батюшковым, С.С. Голоушевым, В.И. Немировичем-Данченко, А.П. Чеховым и другими.

Знаменитые в то время литературно-театральные «среды», поочерёдно проходившие на квартирах у Н.Д. Телешева и Е.П. Гославского, собирали известных литераторов и драматургов: А.М. Горького, И.А. Бунина, Л.Н. Андреева, А.И. Сумбатова-Южного, Т.Л. Щепкину-Куперник и многих других. Здесь читали только

что написанные произведения, делали друг другу критические замечания, давали советы и рекомендации, осуществляли практическую помощь в издании. Молодые люди, завсегда этих собраний, часто впоследствии становились известными авторами или артистами.

Особое значение для Гославского имело знакомство с А.П. Чеховым (1880). Сохранилась их переписка 1892–1903 годов. А.П. Чехов признавал у Е.П. Гославского «настоящий драматический талант». 11 мая 1899 года Антон Павлович писал Евгению Петровичу из Мелихова: «...не бросайте беллетристики. Вы, по натуре своей (насколько я Вас понимаю) и по силе дарования, художник; Вам надо сидеть в кабинете и писать и писать, лет пять без передышки, подальше от влияний, которые губительны для индивидуальности, как саркома; Вам надо писать по 20–30 печатных листов в год, чтобы понять себя, развернуться, возмужать, чтобы на свободе расправить крылья, и

возвращался с этюдов на Волге в Москву. За дружеской беседой драматург и художник провели почти весь день. Судьба распорядилась так, что Евгений Петрович со своей женой Александрой Васильевной приняли большое участие в жизни дочери Левитана Софьи, жены художника Петра Петровича Гославского, родного брата Евгения Петровича.

В своих произведениях для театра Евгений Гославский отразил социальные процессы 1890-х годов. Пьеса «Расплата (Эгоисты)» о разорении «дворянских гнёзд» была отмечена общественностью и удостоена премии имени А.С. Грибоедова.

Темы капитализации деревни, расслоения крестьянства отражены в комедии Гославского «В разлуке», которую А.П. Чехов отнёс к «разряду лучших пьес из народного быта». Были поставлены на сцене московских театров и другие пьесы Евгения Петровича: «Метель», «Не всякому, как Якову», «Богатей», «Старый закал», фантастическая сказка «Разрыв-трава».

Пожалуй, особняком в творчестве Евгения Петровича стоит пьеса «Пар», написанная в 1900 году к юбилейным торжествам 300-летия Дома Романовых. Она была поставлена в Санкт-Петербурге. В ней драматург рассказал историю создания первого парового двигателя русским

конструктором-самоучкой Иваном Ивановичем Ползуновым.

Значительная часть произведений Е.П. Гославского сохранилась в Российской государственной библиотеке (бывшая Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина) и в личных архивах его внуков, проживающих в Москве.

Революционные годы в России (1905–1907 гг. и 1917 г.) серьёзно изменили жизнь Е.П. Гославского. Содержать большую семью на доходы от литературной деятельности становилось всё труднее. Рушился старый строй, зарождалась новая социально-экономическая система. Родовое имение Гославских в Рязанской губернии было разрушено и разграблено.

От московского голода Евгений Петрович вместе с женой Александрой Васильевной уехали в Симбирск. Здесь, на родине предков, 15 декабря 1917 года Евгений Петрович закончил свой жизненный путь. Письмом от 15 января 1918 года секретарь Общества русских драматических писателей и оперных композиторов Иван Максимович Кондратьев сообщил семье Евгения Петровича, что «Комитет Общества в заседании своём 14-го января 1918 года почтил вставанием память почившего Гославского Е.П.».

Олег Гославский

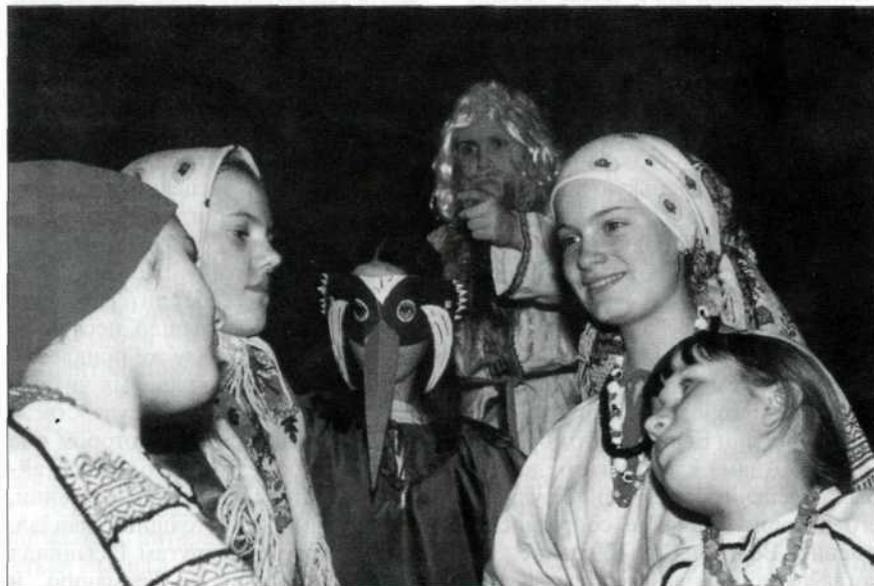
Московская школа № 1939. Сцена из спектакля по пьесе Гославского «Иванушка и журавль» в постановке театра «Старина» под руководством Игоря Черникова. 1999 год

Титульные листы книг Евгения Петровича Гославского.

тогда вы подчините себе сцену, а не она Вас». И далее, продолжая обсуждать прочитанную им пьесу Гославского, Чехов продолжал: «Жаль, что я не увижу её на сцене (о пьесе Гославского. – Авт.), и вообще жаль, что приходится редко встречаться с Вами. Вы принадлежите к числу тех приятных авторов, с которыми хочется говорить об их произведениях».

Благодаря А.П. Чехову и художнице С.П. Кувшинниковой Евгений Петрович был также знаком с Левитаном. Личная встреча их состоялась лишь однажды в имении Гославского в Старо-Пластикове. И.И. Левитан

Блеск и нищета княгини Радзивилл

*«...в жизни Екатерины
Радзивилл всё сплошная
ложь и выдумка»
Андрэ Морва*

История жизни этой женщины достойна сюжета детективного романа, где есть место всему: роскошным дворцам, великосветским приёмам, тюремной камере и авантюрным приключениям в Южной Африке. Её имя – графиня Екатерина Адамовна Ржевусская. Оказалось, что она была когда-то владелицей с. Пятино Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне Инзенский район Ульяновской области).

Однажды, работая с архивными документами в Государственном архиве Ульяновской области, я встретил упоминание о хозяйке села Пятино Карсунского уезда Екатерине Адамовне Ржевусской. Это привлекло моё внимание, поскольку в первой четверти XIX века Пятино принадлежало дворянам Анненковым, а в найденном документе говорилось о новой владелице. Дальнейший поиск привёл меня к интересным находкам. Постепенно передо мной стали выстраиваться события жизни графини, на чью долю выпало столько событий и приключений, которых бы хватило на несколько жизней.

Покорение Европы

Отец нашей героини граф Адам Ржевусский принадлежал к числу самых влиятельных вельмож Российской империи – генерал, участник многих военных кампаний. Однажды овдовев, граф женился во второй раз. На этот раз его избранницей стала Анна Дашкова, дочь министра юстиции. В марте 1858 года Анна умерла, оставив мужу маленькую дочь – Екатерину, будущую владелицу Пятино. Когда девушке исполнилось 15 лет, граф нашёл ей хорошую партию – жениха из немецкой ветви богатого и славного рода Радзивилл. Князь Вильгельм Радзивилл был близким родственником Гогенцоллернов, английской королевы и других царствующих лиц Европы. Этот брак, по мнению Адама Ржевусского, должен был обеспечить прекрасное будущее его дочери. Венчание состоялось в имени Верховня на Украине, где когда-то жил Бальзак. Дело в том,

что родная сестра Адама Ржевусского Эвелина была замужем вторым браком за Оноре де Бальзаком, и знаменитый французский писатель жил в этом имении. После свадьбы Вильгельм и Екатерина Радзивилл выехали в Берлин. Там они обосновались в прекрасном дворце, принадлежавшем молодому князю (позже его купил канцлер Отто фон Бисмарк). На Рождество среди гостей у Радзивиллов была сама немецкая императрица! В этот период Екатерина завела знакомства с самыми известными людьми Европы, часто бывала в рейхстаге, слушала речи Августа Бебеля.

В.С. Пиккуль в своём произведении «Дама из Готского альманаха» описал перипетии жизни княгини Екатерины Радзивилл. В частности, он установил, что супруги ежегодно приезжали в Санкт-Петербург, где доживал свой век граф Адам Ржевусский и где находились их дети, оставленные на попечение бабушки. Заметим, что Екатерина была плохой матерью: придёт время, и она фактически бросит их, оставив на попечение неугомонным и эксцентричным характером, была поглощена интригами, скандалами, с головой ушла в «большую политику». Более того, она открыла в себе литературный талант: в Европе вышло несколько её книг, которые сразу же привлекли внимание не только рядовых читателей, но, прежде всего, государственных деятелей. Роман, в котором она смело и не без ехидства описала тайны императорской семьи Германии, вызвал самый настоящий скандал, после которого супругам Радзивилл пришлось покинуть Германию и

принять российское подданство. Поселились они в Санкт-Петербурге. В 1888 году император Александр III удовлетворил просьбу князя Радзивилла о натурализации: все члены его семьи, включая и Екатерину, стали российскими подданными.

Владелица имения в Посурье

В Санкт-Петербурге княгине были открыты двери самых влиятельных домов. Однако постоянно она проживала в Посурье, «в окрестностях Больших Березников Карсунского уезда», откуда время от времени и приезжала в столицу. Речь идёт о Пятине, где княгиня была владелицей значительного имения. В архивном документе о землевладельцах Карсунского уезда есть сведения о том, что княгиня Радзивилл Екатерина Адамовна владела землями при с. Пятино. Общее количество её земли составляло 8 464 дес. и 600 саж., что давало ей немалый доход. До какого времени княгиня владела имением, нам установить, к сожалению, не удалось. Известно лишь, что по состоянию на 1910 год она уже не упоминалась как владелица усадьбы. Впрочем, один из архивных документов может пролить свет на этот вопрос. В секретной справке Отделения по охранению порядка и общественной безопасности в Санкт-Петербурге от 25 августа 1914 года сообщалось о том, что в 1911 г. супруги Кольб (новая фамилия княгини после вступления во второй брак) жили на Фонтанке, затем на Лиговской улице, после чего переехали в «Бристоль»: «Проживая здесь, они нуждались в деньгах и, по собранным сведениям, тратили 2000 рублей, оставшиеся Екатерине Кольб от продажи какого-то

имения, полученного ей в наследство». Поскольку княгиня, кроме имени в Пятине, иным имуществом не располагала, скорее всего, речь в этой секретной записке идёт именно о пятинском владении.

За время проживания в Пятине княгиня смогла установить близкие отношения со многими влиятельными людьми Российской империи: она запросто писала бывшему дипломату и министру внутренних дел графу Н.П. Игнатьеву, её прекрасно знал С.Ю. Витте. Екатерина Адамовна была в очень близких отношениях с генерал-адъютантом, начальником личной охраны императора Александра III и ближайшим его другом П.А. Черевиним.

6 декабря 1888 г. она писала из Пятин (письмо отправлено из Больших Березников) графу Н.П. Игнатьеву: «Этой зимой я начну выезжать в свет. Тимашев убедил меня, и в самом деле было бы смешно продолжать жить затворницей после девяти с половиной месяцев, особенно когда проводишь мало времени в городе». Этим письмом она добивается встречи с графом на Николаевском вокзале в Москве, чтобы вместе с ним отправиться в Петербург. Далее княгиня, как опытная шпионка, по часам рассчитывает свой путь до северной столицы.

В самом конце XIX века в жизни нашей героини произошёл надлом: она оставила мужа, бросила шестерых детей и уехала в Европу, в Англию, а оттуда – в Южную Африку.

Через Кейптаун в Нью-Йорк

На судне, отплывавшем в Кейптаун, она то ли случайно, то ли сознательно познакомилась с Сесилом Родсом, основателем компании «Де Бирс», богатейшим магнатом, видным политиком, сделавшим многое для расширения и укрепления Британской империи в Викторианскую эпоху. Осторожный, более того, очень подозрительный, Сесил быстро попал под влияние княгини. Эти отношения нельзя назвать ни дружбой, ни любовью. Это был холодный расчёт оставшейся без средств к существованию Екатерины, надеявшейся на извлечение максимальных выгод от столь странного знакомства. Однако их отношения как внезапно начались, так и внезапно закончились. Во время отсутствия Сесила Родса Екатерина Радзивилл представила к обналичиванию фальшивый чек, якобы подписанный миллионером.

Обман раскрылся, княгиня предстала перед судом и была осуждена на два года тюрьмы (по другим данным в заключении она провела один год. – В.Ш.).

Выйдя на свободу, Екатерина перебралась в Америку, поскольку двери в лучшие дома Европы были для неё закрыты. К этому времени князь оформил развод (1906). Дети остались с отцом. В самом конце 1910 года она вернулась в Санкт-Петербург. Спустя некоторое время, в 1911 году, Екатерина вышла замуж за шведского инженера и предпринимателя Карла Эмиля Колб-Данвина (умер в 1917 г.). Находясь на родине, теперь уже Екатерина Кольб сотрудничала с некоторыми столичными газетами; в Лондоне вышла её очередная книга (1913), в которой описано высшее российское общество. В своём произведении автор не поскупились на сочные характеристики: досталось всем – от Распутина до министров правительства Николая II. Правда соседствовала с вымыслом, оттого книга читалась с особым интересом, запутывая читателя, не способного отличить ложь от истины. Последствия для Екатерины Адамовны были суровыми: её вместе с мужем выдворили из Российской империи. С 1914 по 1917 годы супруги жили в Швеции. С этого времени нашу героиню уже практически ничего не связывало с Россией.

С новым супругом экс-княгиня поселилась в Нью-Йорке, где и прожила остаток своей жизни. Прибыла она в США 29 апреля 1917 года и практически сразу же включилась в активную журналистскую и пропагандистскую деятельность: выступала с многочисленными лекциями о положении в России, её привлекали в качестве эксперта и свидетеля и т.д. По некоторым сведениям, Екатерина Адамовна первое время в Нью-Йорке бедствовала. Позже те, кто её знал, говорили о том, что в 1917 году княгиня Радзивилл (после смерти второго мужа она стала себя называть именно так) нищенствовала, не имела собственного жилья. Но невзгоды не могли сломить дух сильной и эксцентричной женщины: везде она чувствовала себя как рыба в воде. Большой Нью-Йорк не стал исключением. Бывшая владелица Пятина жила и в этих каменных джунглях.

Все годы Екатерина Адамовна занималась литературной деятельностью. Выход в свет каждого её романа

становился настоящей сенсацией и «бомбой» для самых видных политиков Европы. Безусловно, принадлежа к высшему европейскому свету, княгиня Радзивилл имела доступ к секретам и тайнам высшей аристократии. Но немало в её «историях» и очевидных выдумок, фантазий, откровенной лжи. Однако это было чтиво, которое пользовалось особой популярностью. За четверть века жизни в США Екатерина Адамовна опубликовала множество книг на английском, французском и других языках. В 1924–1926 годах она опубликовала письма Эвелины Ганской к брату Адаму Ржевусскому (отцу Екатерины Радзивилл), где приводятся сведения о Бальзаке, а также письма Ф.М. Достоевского к Адаму Ржевусскому. Позже эксперты признают, что эти письма – фальшивка. Однако благодаря их публикации, княгиня Радзивилл вновь обрела популярность в широких кругах читателей. А ведь ей было уже 68 лет! Но авантюрный дух не угасал в этой очень энергичной женщине, чья жизнь стала сплошной легендой. Даже после громких разоблачений она не успокоилась. Уже в 1938 году в одном из солидных американских журналов появилось её интервью, взятое якобы у самого И.В. Сталина в Кремле. Как известно, на такую честь могли рассчитывать лишь крупнейшие литераторы. Сталин в разные годы встречался с Бернардом Шоу и Эмилем Людвигом (1931), Анри Барбюсом (1933), Гербертом Уэллсом (1934), Роменом Ролланом (1935), Лионом Фейхтвангером (1937).

Екатерина Адамовна прожила долгую жизнь. Она пережила англо-бурскую войну, помнила русско-турецкую, русско-японскую, первую мировую, три российские революции. Наконец, она резко выступила против прихода к власти фашистов в Германии и застала начало второй мировой войны. Скончалась она 12 мая 1941 г. в Нью-Йорке. Так закончилась жизнь одной из наиболее ярких и экстравагантных женщин второй половины XIX–первой половины XX века. Куда только не забрасывала её судьба: от Берлина до Лондона, от Стокгольма до Кейптауна, от Ниццы до Нью-Йорка... Пожалуй, единственным местом, где она чувствовала себя спокойно и беззаботно, всё же осталось Пятино.

Владимир Шкунов

Иван Гончаров:

«Не в моём характере поучать кого бы то ни было»

И.А. Гончаров. Фото 1870–1872 гг.

И.А. Гончаров прожил большую, яркую творческую жизнь и никогда не сожалел, что своим призванием выбрал литературное творчество.

«Я откровенно люблю литературу, – писал он, – если бывал чем счастлив в жизни, так это своим призванием – и говорю это также откровенно. То же упорство, какое лежит у меня в характере, переносится и в мою литературную деятельность». На этой ниве он трудился, по его выражению, «как запряжённый вол», не опираясь «ни на какие посторонние ему столбы» и надеясь только на собственные способности и талант. Но в его жизни были периоды, когда он задавал себе вопрос: «Не есть ли писание романов и вообще изящное творчество – роскошь, а не долг? Что не лучше ли выбрать что-нибудь посуровее: например, служить?» В начале своей жизни он и выбрал службу, отдав ей почти 30 лет. Она, по его признанию, давала ему лишь средства для жизни, а радости и удовлетворения не приносила.

Иван Александрович, имея на руках аттестат об окончании словесного факультета Московского университета, не стал педагогом, но в жизни ему не раз приходилось применять педагогические способности. В числе его учеников были многие, начиная от родных племянников и детей камердинера до детей царской семьи.

По воспоминаниям тех, кто знал и общался с И.А. Гончаровым, он никогда не навязывал своего мнения, не выступал в роли назойливого советчика. «Не в моих силах, – говорил он, – и не в моём характере поучать кого бы то ни было. Напротив, я многому учился». Однако те, кто обращался к нему за помощью, встречали в нём щедрую душу, желание и умение помочь советом, поделиться своим опытом, знаниями... Кого же, чему и при каких обстоятельствах учил И.А. Гончаров?

Дочь

симбирского губернатора

Самые первые уроки, уроки литературы, вчерашний студент Иван Гончаров преподавал дочери симбирского губернатора А.М. Загряжского Сонечке. Иван Александрович после окончания университета вернулся домой в родной Симбирск, чтобы после долгой разлуки встретиться с родными, отдохнуть, дождаться получения аттестата и затем уже думать о будущей службе и непременно в Петербурге. Неожиданное предложение симбирского губернатора – занять место секретаря в губернской канцелярии, нарушило его первоначальные планы. Гончаров ответил согласием и приступил к обязанностям. Губернатор и его жена, имея пятнадцатилетнюю дочь, старались приглашать Гончарова к себе домой. Молодой человек особенно пришёлся по душе губернаторше, которая, увидев

его, сказала: «Этот господин очень представительен». По её просьбе Гончарову не раз приходилось выбирать из домашней библиотеки книги для их дочери, давать рекомендации, рассказывать о жизни и творчестве авторов, интересоваться её знаниями о прочитанных книгах.

Братья Майковы

Дождавшись лета, Гончаров уехал в Петербург и устроился переводчиком в департамент внешней торговли. Он быстро и без труда усвоил свои обязанности, нашёл общий язык с сослуживцами, подружился с некоторыми сотрудниками. Больше всех ему симпатизировал В.А. Солоницын, и у них установились дружеские взаимоотношения. В один из дней Владимир Андреевич пригласил Гончарова посетить известную многим квартиру художника Николая Аполлоновича и его жены Евгении

Петровны Майковых на Садовой улице. Эта культурная семья прославилась в северной столице своим художественно-литературным салоном. Избранный круг друзей Майковых, посещавших салон, пришёлся по душе Гончарову.

Гордостью родителей Майковых были старшие дети – Аполлон и Валериан, которые подавали большие способности в учёбе. Для расширения круга изучаемых дисциплин и углублённой подготовки, Майковы пригласили В.А. Солоницына и И.А. Гончарова позаниматься с ними. Владимир Андреевич стал заниматься с братьями точными науками, а Иван Александрович преподавал им латинский язык, риторику, пиитику и, конечно, словесность. Братья Майковы занимались усердно, проявляли интерес и способности, учителя были довольны их успехами. Впоследствии Иван Александрович

оставался их учителем и наставником в словесности, особенно способствовал развитию эстетического вкуса в Аполлоне Николаевиче, следил за его поэтическим творчеством, радовался несомненным успехам и таланту. Гончаров, будучи в должности цензора, одобрял к печати рукописи его книг.

Четыре гардемарина и сын адмирала

В начале 1850-х годов в однообразной петербургской жизни И.А. Гончарова произошёл неожиданный и крутой поворот – он дал согласие занять место секретаря Е.В. Путятина, отправлявшегося с дипломатической миссией в кругосветное путешествие к берегам Японии. Это плавание, длившееся два года, дало массу воспоминаний, неизгладимых впечатлений, хороших друзей, а затем и популярную книгу «Фрегат “Паллада”», получившую всемирную известность. Выполняя свои прямые служебные обязанности, писатель за время морского похода добровольно принял на себя ещё и обязанности учителя. На фрегате проходили учебную практику четверо гардемарин – воспитанников Морского кадетского корпуса: Пещуров, Линден, Гамов и Урусов. Гардемарины, по окончании похода, должны были быть произведены в мичманы. Но для этого им предстояло успешно сдать экзамены. Занятия по морской части с ними проводили офицеры. Иван Александрович, несмотря на свою занятость, вызвался преподавать им историю и словесность. Это было весьма благосклонно воспринято не только самими гардемаринами, но и руководством фрегата и экспедиции. В числе членов экипажа был ещё и тринадцатилетний сын умершего в 1851 году командира Черноморского флота М.П. Лазарева – Миша. Он был взят на «Палладу» капитаном И.С. Унковским, который, заботясь о достойном воспитании мальчика, попросил И.А. Гончарова позаниматься с ним русским языком и литературой. Иван Александрович не мог отказать капитану, который с первых дней его пребывания на фрегате был особенно внимателен к нему и старался оберегать его от многих неудобств походной жизни. Для занятий с Мишей Унковский предоставлял свой удобный

и просторный кабинет. В письмах к Е.А. и М.А. Языковым Гончаров писал: «Поблагодарите князя Оболенского за рекомендательную записочку, которую он мне дал капитану фрегата».

После окончания кругосветного путешествия Гончаров возвращался в Петербург сухопутным путём через Сибирь. Преодолевая огромные расстояния, он не переставал удивляться российским просторам и красоте ни с чем до этого не сравнимого сурового края, его дикой природой. Иван Александрович искренне восхищался народами, населявшими эти бескрайние земли, их мужеством, простотой образа жизни, непосредственностью и говорил по этому поводу: «Дикие добродетели, простота нравов – какие сокровища». Писателя удивило наличие там таких первоначальных учебных книг, как, например, «Якутская азбука» или «Алеутский букварь». Наряду со светским просвещением, в крае особенно широко пропагандировалось православие. Во 2-м томе «Фрегата “Паллада”» Гончаров отмечает преобразующую роль просвещения словами: «Просвещение находит средство справиться и с пустыней».

Племянники и племянницы

В редкие приезды на родину Иван Александрович, беседуя с родными о житейских делах, всегда интересовался учебными успехами племянников, которых у двух сестёр и брата вместе взятых была целая орава. Он их всех любил, ласкал, для каждого находил доброе слово, шутил с ними, рассказывал, занимался, иногда устраивал им экзаменовку. Особенно трогательным для писателя был проезд в Симбирск в 1862 году, который, как оказалось, был его последней встречей с родными. Иван Александрович решил пожить в городе всё лето, отдохнуть от петербургской суеты и поработать над романом «Обрыв». В этот проезд он остановился у младшей сестры Анны Александровны и её мужа Петра Авксентьевича Музалевских, у которых была приёмная дочь Дуняша четырнадцати лет. На всё лето она и стала ученицей знаменитого дяди. В распорядке дня у него были выделены утренние части для занятий с племянницей. В своих воспоминаниях она рассказывала, как проходили

эти уроки. «Я очень порядочно говорила по-французски, и дядя заставлял меня часто читать ему вслух лучшие отрывки из французской литературы, всегда выбирая их сам или направляя мой выбор. Попадались иногда в чтении слова, смутно понимаемые мной, и дядя объяснял мне их очень полно, наглядно и ясно». Повзрослевшие дочери Вера и Катя другой сестры Александры, недавно закончившие один из московских пансионов, произвели хорошее впечатление на дядю своими знаниями и воспитанием. И когда встал вопрос о продолжении образования Дуняши, то Иван Александрович порекомендовал родителям своей ученицы поместить её в тот же пансион.

Константин Романов – внук императора Николая I

Писатель на протяжении почти двадцати лет поддерживал личные и литературные взаимоотношения с Константином Константиновичем Романовым – внуком императора Николая I. Творчество И.А. Гончарова высоко ценилось в семье родителей великого князя. Его отец Константин Николаевич, генерал-адмирал русского флота, министр, был хорошо осведомлён о безупречной службе Ивана Александровича в должности секретаря А.В. Путятина на фрегате «Паллада», жаловал его наградами, был знаком с его литературными трудами, а очерки путешествия печатались в «Морском сборнике» под его наблюдением. В начале 1870-х годов Гончаров был приглашён Константином Николаевичем в Мраморный дворец преподавать русскую словесность его детям. Молодой князь Константин Константинович, обладая определённым поэтическим талантом, писал стихи, но, как любой начинающий поэт, хотел получить не только отзывы от профессиональных литераторов, но и уроки поэтического мастерства. Своим учителем Константин Константинович выбрал И.А. Гончарова. Посылая ему свои стихи, князь просил открывать ему «художества заветы» и «тайны вещи искусства». Эти уроки проходили при личных встречах, но чаще всего давались через переписку. В письмах к Константину Романову Гончаров предстаёт как человек глубокого ума, душевной щедрости, честности,

места, то есть центра и главы славянских народов, как у нас многие надеются».

Иван Александрович Гончаров считал образование и воспитание важными, серьёзными и довольно трудными государственными процессами, что «воспитание, образование детей, направление их жизни, конечно, не лёгкая и не пустая задача». Каждый человек переживает удивительное время, свой «золотой век» – это молодость, юность, когда жизнь «бьётся, кипит, играет...», как пена искромётного вина из переполненной чаши». Это пора дерзновенных планов и вождельной мечты, а мечты – «залог чистоты и сердца, признак души благородной, расположенной к добру». Каждый молодой человек, ко всему прочему, должен помнить и о своём долге, и о его исполнении. «Для уразумения своего человеческого назначения, – писал Гончаров, – нужно сообразное этому приготовление, воспитание, – среда, в которой, например, жили и воспитывались». Образовательный процесс должен начинаться уже в раннем возрасте. С течением времени сама жизнь «становится настоящей школой и академией», в которой каждый должен сам «пробывать свою колею собственным умом, взглядом, чувством». Бедой, пожалуй, любого общества и во все времена были и есть издержки воспитания и образования, их недостаток, упущения – отсюда и праздные молодые люди. Рецепт от писателя для подобных случаев таков: «Наука, труд, практическое дело – вот что может отрезать нашу праздную и большую молодёжь».

И ещё совет, который предлагал И.А. Гончаров своим бывшим ученикам, к которому стоит прислушаться и ученикам нынешним и всем тем, кто стремиться к самосовершенству: «В нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека к тому идеалу совершенства, которое требует Евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания». Высокий смысл и предназначение просвещения по Гончарову состоит в том, чтобы «прошедши сквозь огонь опыта», усвоить добро и научиться избегать зла.

Геннадий Челноков

Сердце Гончарова «отдавалось тогда Карамзину»

Эта интереснейшая тема не раз поднималась в печати гончарововедами и, тем не менее, ещё не исследована с той полнотой, какой заслуживает. Для нас же, земляков великих симбирян, проблема влияния творчества и личности Карамзина на формирование Гончарова как литератора, гражданина и человека, имеет особое значение.

Разве не примечательно, что симбирские дома, в которых забилась сердца Карамзина и Гончарова и прошло их раннее детство, находились, как сейчас говорят, в «шаговой доступности». Ведь от дома Карамзина (фундамент которого сохранился), располагавшегося на Северном Венце (ныне здесь общежития педуниверситета им. И.Н. Ульянова), и до дома Гончарова на перекрёстке Московской и Большой Саратовской (ныне Ленина и Гончарова) улиц, около десяти минут ходьбы. Если учесть, что примерно на полпути между ними находился Дом городской управы, где в начале 1800-х годов нередко бывал Александр Иванович Гончаров (будущий городской голова), то не исключено, что в погожую погоду отец будущего романиста, стоя у открытого окна кабинета, мог дружески приветствовать проходившего мимо Василия Михайловича Карамзина, старшего брата историографа государства Российского, бывшего губернского прокурора.

Правда, в 1803 году В.М. Карамзин продал казённый фамильный двухэтажный каменный дом, а в 1807-м построил, опять-таки «в шаговой доступности» от дома Гончарова, – в начале Большой Саратовской (в районе будущего кинотеатра «Рассвет»), деревянный особняк.

Близость домов Гончаровых и Карамзиных на Большой Саратовской улице обуславливала встречи этих семейств на церковных службах в приходской Троицкой церкви и Вознесенском и Николаевском соборах, а также на крестных ходах, скажем, 21 мая – в память избавления Симбирского края от «шакк

Степана Разина», на городских ярмарках, и гуляниях... Так что гипотетически не исключена возможность того, что в 1827 году, во время каникул, 15-летний Иван и 19-летний Николай Гончаровы могли видеть Василия Михайловича Карамзина и членов его семьи во время каких-то из этих событий или прогулок, особенно на Новом Венце.

А интерес к знаменитому писателю и историку у братьев Гончаровых зародился ещё во время учения в симбирских пансионах. Возможно, что 10-летний Ванюша, по примеру брата, читал издававшийся Карамзиным журнал «Детское чтение», который, по словам поэта-симбирянина Михаила Дмитриева, был «едва ли не лучшею книгою из всех для детей России».

Систематическое же ознакомление с карамзинскими творениями у братьев Гончаровых началось во время обучения в Москве – сначала в Коммерческом училище с восьмилетним курсом обучения, а затем в аудиториях Императорского университета. Вспоминая эту пору, Иван Александрович с тёплым чувством отметил: «Юношеское сердце искало между писателями симпатии и отдавалось тогда Карамзину... как гуманнейшему из писателей».

В середине 1840-х годов, Ивану Александровичу довелось общаться в петербургском салоне Майковых с автором документальной биографии Н.М. Карамзина, написанной 27-летним Альбертом Викентьевичем Старчевским, с посвящением: «Андрею Николаевичу Карамзину, старшему сыну историографа».

Старчевский как прекрасный лингвист в 1843 году был приглашён

в дом Карамзиных для преподавания славянских наречий Андрею Николаевичу Карамзину. В этом же году он стал сотрудником «Журнала Министерства народного просвещения», вместе с тем его работы о Д.И. Фонвизине, Н.П. Румянцеве, «Очерк литературы русской истории до Карамзина» печатались в «Отечественных записках» и «Финском вестнике». В последнем журнале ведущим критиком выступал ученик И.А. Гончарова – Валерьян Майков. Гончарововедам известно также, что в 1845 году Старчевский был в числе других участников литературного салона Майковых, присутствовал на чтениях Иваном Александровичем первой части романа «Обыкновенная история», и именно он опишет эти чтения в своих воспоминаниях.

Надо полагать, что в том же 1845 году Старчевский познакомил семью Майковых и Гончарова со своей биографией Н.М. Карамзина – первой в России. Ценность её состояла в том, что она основывалась на тщательном изучении всего вышедшего из-под пера Николая Михайловича, а также на документах личного архива семьи Карамзиных, их устных рассказах, воспоминаниях И.И. Дмитриева, А.И. Тургенева, других близких знакомых историографа. Можно сказать, что Альберт Викентьевич с такой любовью и теплотой создал образ историографа, что заключительные строки его книги тоже нельзя читать без волнения: «Целых сорок лет русские восхищались творениями Карамзина. С воспоминаниями юности нашей сливается воспоминание наслаждения, которое чувствовали мы, читая его творения, с пламенным жаром сердца, жадного новых чувств и ума, раскрывающего очаровательный мир мыслей. Имя его будет незабвенно в истории нашего просвещения».

Во время подготовки к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Карамзина, исполнявшемуся 1 декабря 1866 года Иван Александрович пришёл к грустному выводу, что торжество ограничится собраниями в Академии наук и университете, а Литературный фонд даст вечер с участием Николая Костомарова и Аполлона Майкова.

Резонно полагая, что карамзинский юбилей можно и нужно отметить торжественно и широко, романист

набросал «Заметки по поводу юбилея Карамзина», которые вручил редактору-издателю газеты «Голос» А.А. Краевскому и тот, не медля ни дня, 23 ноября предал их гласности.

Иван Александрович выступал за то, чтобы наряду со строгим характером торжеств, присущих Академии наук и университету, Литературный фонд устроил праздничный вечер, на который соберётся «образованная масса публики» и выступать там будут не два заслуженных деятеля, ибо – «это слишком мало. На празднике в память Карамзину должна присутствовать вся наша литература... Нет надобности читать большие отрывки или целые поэмы: но значение и характер праздника требовали бы, чтоб большинство писателей, начиная с старейших до новейших, публично принесли каждый свою лету в память нашего просветителя». Выказал и конкретные пожелания о проведении праздника, в частности, надежду на присутствие «ближайшего сподвижника и друга Карамзина», князя Петра Вяземского, о чтении с эстрады «из сочинений Карамзина устами его сына, который не отказался почтить участием своего знаменитого имени память Ломоносова», а также и об исполнении на вечере музыкальных произведений.

Обращение Ивана Александровича в популярной газете было учтено организаторами празднования юбилея Карамзина. Вот что записала о нём в дневнике хорошая знакомая Гончарова, дочь строителя Исаакиевского собора, Елена Андреевна Штакеншнейдер в своём дневнике: «1-го, в самый

день его рождения, в Академии наук, в присутствии наследника Цесаревича и Великих князей Владимира и Алексея Александровичей, членов Академии, Михаила Петровича Погодина, приехавшего нарочно из Москвы, и многочисленной публики, перед бюстом покойного юбиляра украшенного тропической растительностью, прочитаны были академиком Гротом и М.П. Погодиным и П. Вяземским, Маркевичем краткие очерки его литературной деятельности, несколько слов о нём самом о его характере, и, наконец, тоже Маркевичем, стихи о нём П. Вяземского... 2 декабря, – говорится далее в дневнике, – праздновал тот же праздник СПб. Университет, соединив с этим днём свой день раздачи дипломов на учёную степень и медали». На вечере Литературного фонда сначала прозвучали стихи Фёдора Тютчева по поводу юбилея и пространная статья Егора Ковалевского о Н.М. Карамзине, подготовленная для публикации в «Вестнике Европы». Затем граф Алексей Толстой прочёл две главы из новой драмы «Царь Фёдор Иоаннович», Аполлон Майков – первую часть из поэмы «Странник», Николай Костомаров – пушкинский «Табор».

Празднование карамзинского юбилея прошло во всех высших и средних учебных заведениях и многих библиотеках Российской империи, но с особым размахом – в родном для историографа Симбирске, несмотря на случившийся в августе 1864 года огромный пожар, в пламени которого

погибла лучшая часть города. Погибли при этом уникальные фонды Карамзинской общественной библиотеки. К счастью, симбирские просветители, в первую очередь, племянники знаменитого поэта Василий и Александр Петровичи Языковы, возглавлявшие комитет Карамзинской общественной библиотеки, сумели в начале 1866 года восстановить комнаты, отведённые в Доме дворянского собрания для библиотеки.

Торжества проходили 1 и 2 декабря. В первый день начались они в кафедральном соборе, а затем приглашённое общество перешло в Дом дворянского собрания, где состоялись заседание комитета и торжественный обед (по подписке), на котором Александр Николаевич Карамзин произнёс здравицу в честь Симбирска, давшего России Карамзина, Дмитриева и Языкова. В конце обеда прошла подписка, давшая 200 рублей на учреждение в мужской гимназии стипендии имени Николая Михайловича Карамзина. Вечером в Доме дворянского собрания состоялся концерт, данный хором певчих, а после него профессор Казанского университета Николай Никитич Булич в течение двух часов читал главу своего очерка о Карамзине. Затем на трибуну взошёл старший брат романиста Николай Гончаров и со свойственным ему ораторским мастерством продекламировал известные стихи Николая Языкова, посвящённые Н.М. Карамзину и приуроченные к открытию в 1845 году в Симбирске памятника в его честь. Гимназический учитель словесности Алексей Виноградов с подъёмом прочитал «Мнение русского гражданина»,

а поэт Дмитрий Ознобишин озвучил свою стихотворную новинку – «Памяти Карамзина».

Информацию о праздновании карамзинского юбилея в родном городе Иван Гончаров с удовлетворением прочёл в «Симбирских губернских ведомостях».

2 февраля 1868 года Николай Гончаров на заседании комитета Карамзинской библиотеки сообщил о желании брата-писателя прислать не только свои сочинения, но и книги других авторов (до 100 томов). Комитет в связи с этим постановил: «Благодарить И.А. Гончарова и просить его доставить жертвуемые им сочинения и книги через Кожанчикова (столичного продавца и издателя. – Ж.Т.), а в знак признательности за его пожертвования послать ему в дар экземпляр издаваемого комитетом сборника «Симбирский юбилей Н.М. Карамзина». Из протокола комитета от 11 апреля видно, что Иван Александрович уже прислал в дар библиотеке свои сочинения «Обломов», «Фрегат “Паллада”» и «Обыкновенная история». Комитет поблагодарил романиста, а в день рождения Карамзинской общественной библиотеки (18 апреля) решил просить писателя принять звание почётного члена библиотеки и «не оставлять оной и впредь своим вниманием».

Присланный Комитетом юбилейный сборник оказался весьма богатым по содержанию и стал для Ивана Александровича справочником о жизни и деятельности историографа и увековечения его памяти в родном городе. Здесь оказались исторические

записки о создании памятника Карамзину, общественной библиотеки его имени, с упоминаниями крупных благотворителей, подробное описание юбилейных торжеств 1 и 2 декабря 1866 года, приводился полный текст биографического очерка о Карамзине, с которым выступал в Симбирске профессор Казанского университета Николай Булич, тексты стихотворений, посвящённых памяти юбиляра, списки жертвователей на учреждение стипендии имени Карамзина в гимназии, другие небезыносительные сведения.

Немало полезного и любопытного почерпнул романист из присланного ему «Сборника исторических и статистических сведений Симбирской губернии», изданного под редакцией Владимира Александровича Ауновского, автора статей по истории, статистике, этнографии и педагогике. Особо значимы были труды самого составителя: «Исторический очерк Симбирской губернии» и «Историко-географический очерк городов и уездов Симбирской губернии, а также статьи известных краеведов А.Ф. Белокрысенко – об освоении Симбирского края и М.В. Арнольдова – о действиях Степана Разина и Емельяна Пугачёва в крае. С пристальным вниманием Иван Александрович ознакомился с биографическим отделом, в котором оказалось десять очерков о «замечательных симбирянах», включая очерки о Н.М. Карамзине, И.А. и И.И. Дмитриевых, князе М.П. Баратаеве, П.М. и Н.М. Языковых, И.И. Пушкинцеве, и... его автобиография.

Автором очерка о Карамзине оказался местный помещик, приятель поэта Дмитрия Ознобишина и краевед Александр Павлович Яровой. Он довольно стройно рассказал об основных вехах жизни и творчества автора «Истории государства Российского», его беспредельной любви к Отечеству, смелости в отношениях с Александром I и представил Карамзина как образцового семьянина. Кратко, но весомо Яровой напомнил о земляках, внёсших весомую лепту в создание в Симбирске памятника Карамзину и библиотеку его имени.

Жорес Трофимов

Вид Симбирска со стороны Свяяги. 1867 г. Фото А. Муренко

Символический «Обломов»

Роман И.А. Гончарова «Обломов» сразу после выхода в свет в 1859 году стал предметом острых споров в обществе. Совершенно по-разному встретили его сторонники «натуральной школы», во главе с демократом Н.А. Добролюбовым, и «эстетической», мнение которой выразил либерал А.В. Дружинин. В чём сходились все критики, так это в том, что, говоря словами Д.И. Писарева, роман «по всей вероятности составит эпоху в истории русской литературы», а выведенные в нём типы станут нарицательными. Сегодня мы видим, что не только вполне оправдалось пророчество Писарева, но и споры об «Обломове» до сих пор не утихают.

Обломовская проблема России

«Впечатление, которое этот роман при своём появлении произвёл в России, не поддаётся описанию. Вся образованная Россия читала «Обломова» и обсуждала «обломовщину», – писал в своих мемуарах об этом литературном и общественном событии князь П. Кропоткин. Творческую же судьбу романа определила статья критика и революционного демократа Добролюбова «Что такое обломовщина?» «В истории о том, как лежит и спит ленивец Обломов и как ни дружба, ни любовь не могут пробудить его, отразилась русская жизнь...» Его логически чёткая и гениально простая статья стала на многие годы манифестом прогрессивной русской интеллигенции.

Добролюбов раскрыл перед читателем социальный смысл романа, и большинство с ним согласилось, тем более что с Добролюбовым согласился сам автор: «Мне кажется, об обломовщине, то есть о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя». Гончаров был захвачен настроением общего недовольства и жадной перемен в канун отмены крепостного права в России, и отдал в романе дань критике старого уклада жизни.

Однако к концу XIX века утрата российским обществом патриархальной простоты бытия сделала для многих облик Обломова и его Обломовки потерянными раем, идеалом подлинного человеческого существования. В понимании Обломова и «обломовщины» стали усиливаться тенденции, заложенные критиком Дружининым,

для которого Обломов был сложным и очень глубоким образом: «Крепко держась за действительность и разрабатывая её до глубины ещё никем не изведанной, творец «Обломова» и добился до всего, что истинно, поэтично и вековечно в его создании. Скажем более, через свой фламандский, неотступный труд, он дал нам ту любовь к своему герою, про которую мы говорили и говорить будем. ...В названных мелочах и подробностях таилось нечто большее, чем о том думает близорукий составитель хитрых теорий».

Другой известный критик, Аполлон Григорьев, не скрывает уже своего возмущения: «Для чего в самом «Сне» (Обломова. – В.К.) – неприятно резкая струя иронии в отношении к тому, что всё-таки выше штольцевщины?... Герой нашей эпохи – не Штольц, да и героиня нашей эпохи не его Ольга, из которой под старость, если она точно такова, какую... показывает нам автор, выйдет преотвратительная барыня с вечно и бесцельно нервной тревогой, истинная мучительница всего окружающего, одна из жертв бог знает чего...»

В свете происшедшего у всех на глазах штольцевского обновления России, идейный смысл романа в глазах общественности стал раздваиваться. По-добролюбовски прямолинейное и негативное понимание Обломова и обломовщины стало сменяться утверждением многопланового и, в общем, положительного их смысла. Однако революционный вихрь 1917 года смёл такое понимание романа и его носителей,

а добролюбовский манифест об Обломове стал каноническим текстом.

Поздняя советская критика, наверное, из лучших побуждений, заняла оригинальную позицию, отличную от первых двух: стала отделять Обломова и лучшие обломовские черты от сугубо негативной «обломовщины».

«Прямолинейное сведение характера Обломова к обломовщине, а затем – с другой стороны – неумеренные в их адрес восторги и «оправдания» вредили не только критическому, но и его утверждающему положительному смыслу. Приблизиться к глубинному содержанию – значит суметь отличить нечто обломовское от обломовщины, потому что при несомненном единстве Обломов и обломовщина не одно и то же».

Однако такое двойственное понимание Обломова можно было только продекларировать – ничего вразумительного в обоснование такой концепции мы не услышали, и вряд ли услышим. «Вытравить обломовщину» из Обломова до сих пор никак не удаётся, поэтому добролюбовское мнение об Обломове остаётся преобладающим в умах и сегодня.

Принципиально невозможно отделить Обломова от обломовщины, поэтому не случайно именно из этого исходили оба направления старой русской критики – это всё равно, что отделить человека от его характера, и «замуж выйти, и невинность соблюсти». Надо или отвергать Обломова и обломовщину, вслед за Добролюбовым, или принимать как сложное и глубокое явление вслед за литературными и политическими оппонентами Добролюбова. Мы до сих пор не можем решить эту задачу, как и не можем сдать её в архив, потому что Обломов стал признанным национальным мифом, выражающим русский характер. Поэтому Обломов становится для нас ещё и проблемой: как же всё-таки нам к нему относиться? Возникает большой соблазн списать всё на загадочность и гениальность этого творения И.А. Гончарова, но это слабое утешение, поскольку не решает «проблемы Обломова»: кто и насколько прав в этом нашем историческом литературном споре?

К тому же дело не только в этом историческом споре: оно и в том, на что обратил внимание великий земляк Обломова В.И. Ленин (Ульянов):

«Обломов... не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, а и рабочий и коммунист». Сегодня, без сомнения, можно добавить: и демократ, и бизнесмен, и чиновник. То есть «проблема Обломова» состоит вовсе не в обстоятельствах его рождения, воспитания и трёхстах добродюбовских захарах, а в его природных национальных особенностях, которые гениально, может быть, даже не вполне осознанно сумел выразить Гончаров.

Поэтому, наверное, Иван Тургенев, несмотря на начавшуюся свою распрю с Иваном Гончаровым, назвал «Обломова» «вещью капитальной». И добавил: «Пока останется хоть один русский – до тех пор будут помнить Обломова». Мы и помним, хотя не можем вполне понять его, то есть самих себя, и это не может не вызывать в нашем духовном мире некоторый дискомфорт.

Такая противоречивая ситуация вокруг «Обломова» стала возможна потому, что наши критики как-то не обращают должного внимания на то, что этот великий роман, написанный, конечно, в реалистической манере, тем не менее ещё и глубоко символический, а его главный герой Илья Ильич Обломов – сам по себе уникальный символ, вмещающий множество смыслов.

Обломов – великий символ

Образ Обломова велик, потому что он глубоко символический и является результатом размышлений Гончарова о русской душе и жизни, и не только русской, потому Обломов и получил мировое признание, и все смыслы, заложенные в нём, продолжают вызывать интерес во всём мире.

Обломов-символ соединил в себе вещи, казалось бы, несоединимые, как, например, лень и мудрость, и это дало роману подтекст невероятной художественной глубины.

Обломов – это и диванный лентяй, на чём настаивают добродюбовы, однако он может и встать с дивана, как Илья Муромец – с печи, если будут затронуты струны его души «каликami переходжими» – и тогда вот новый Илья Муромец! Или пылкий влюблённый, или мудрец, – всё зависит от того, какие струны в нём будут затронуты. Обломов недвижим, куда не видит смысла в своей жизни,

Фото Сергея Ойкина

и тогда лежит на диване, или живёт «спустя рукава» – ведь сама жизнь ему в тягость! Однако он оживает, когда чем-то воодушевляется, например, влюбляется, или его захватывает страсть к писательству – и тогда он становится «Гончаровым»: недаром ведь многие современники видели в Гончарове прототип его главного героя. Обстоятельства могут быть и вовсе неблагоприятны к Обломову, они могут загнать его в угол, и тогда он «примется за лом и лопату», – так сказал Гончаров о себе, если он вдруг падёт жертвой «нищеты».

Обломов – это и великий символ «свободы и покоя», взятых в их предельных значениях, символ загадочный и всегда актуальный, и этим пленяющий своих исследователей. Но не в России. В глазах нашей молодёжи Обломов и «обломовщина» по-прежнему являются «символом сонной и лениво-мечтательной жизни». Такой смысл образа Обломова остаётся преобладающим, потому что продолжает широко пропагандироваться современными нашими писателями-«добролюбовцами», например, Виктором Ерофеевым, для которого «помещик Обломов – лучший мифический образ русской души. Он красиво и правильно проспал целую жизнь. Пробовал влюбиться – не получилось». Позволительно спросить: проспал жизнь, потому что не влюбился? И из-за этой любовной неудачи весь этот сыр-бор, эта уже вековая дискуссия вокруг него?

Для Ерофеева и компании Обломов совсем не символ, а едва ли не реальный человек, который вот не состоялся! После такой манипуляции он превращает свою интерпретацию Обломова в «мифический образ русской души», чтобы потом саркастически над ним посмеяться. Впрочем, своей цели добролюбовы никогда не достигают вполне: символический образ всегда вмещает в себя множество мифов, поэтому он только улыбается в ответ на такие «мифические» обвинения. Так, например, великий символ мировой литературы Дон Кихот не женился на своей Дульсине, и также «не сделал карьеры», и что же – он тоже пропавший сумасшедший человек? Да нет же, он – рыцарь печального образа «без страха и упрека», а те, кто этого не понимают, – просто глупцы!

Мудрый лентяй

Главный обломовский миф – мудрого лентяя, и в нём сокрыт секрет успеха романа: в этом гениальном диссонансе как бы несоединимых начал состоит вся его художественная прелесть и непреходящая обаятельность. Повод говорить об Обломове как о мудреце по жизни, философе, ищущем ответы на вечные вопросы, даёт множество сентенций из романа, начиная с главной: все говорят, как жить, и никто – зачем? Этот вопрос до сих пор остаётся без ответа, и каждому из нас предстоит так или иначе дать свой ответ на него.

«Все ищут отдыха и покоя», – формулирует кредо своей жизни «лентяй» Обломов. И вдруг вспоминается мудрец Аристотель: «Мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войны ведём, чтобы жить в мире». Аристотелевская война как обломовская «выделка покоя»? Разве это не наводит на размышления?

«Счастье, счастье, как ты хрупко, как ненадёжно... Любовь – претруднейшая школа жизни», – говорит Обломов. – Нет? «Вы думаете, что для мысли не надо сердца?» – Нет?

«В десять мест в один день – несчастный». – Нет? Это, кстати, и о Штольце, который как рыба в воде плавает во всех этих «несчастных» для Обломова «местах».

Обломов отстаивает в своей любви к Ольге Ильинской нравственные ценности и «шипит» на журналиста Пенкина, задумывающего роман о «любви взяточника к падшей женщине». – Разве это не о современной свободной от этих ценностей литературе?

«Или я не понял этой жизни, или она никуда не годится?» – Кому хоть однажды не приходил в голову этот вопрос, такая обломовщина?

«Собственная совесть строже выговора». – А вот эта обломовская сентенция сегодня устарела, но помогает понять, на чём когда-то держался мир. Обломов как лентяй и пародия делают этот образ вечно живым, и поэтому доносится до нас то, что он говорит. Этот образ «мудрого лентяя» – пожалуй, единственный в мировой литературе. И он не надуман: ведь на ленивом диване скрывается от суетного мира рыцарь из «мира грёз», созданного «волканическим воображением» Обломова, в котором он живёт душой, и откуда он берёт свои

философские стрелы против Штольца. Обломов-символ – сам по себе великая идея, соединившая свободу «мира грёз» и душевный покой человека, отринувшего вселенскую пустоту соблазнов суетного мира.

Многие исследователи утверждают, что Россия отличается от других стран отсутствием покоя и комфорта. Вот ещё одна причина, почему нас подсознательно тянет к Обломову, символу простых жизненных ценностей. Считается также, что России сегодня «остро необходимы предметы актуальной гордости». Одним из них мог бы стать образ Обломова, если мы воспримем его во всей символической глубине, подобно другим великим образам мировой литературы.

Конечно, Обломов, явившись в свет, стал символом патриархальной России, которая уже успокоилась на века незаметно для окружающих, как и Обломов в своей Обломовке. А Россия устремилась тогда по штольцевскому пути в поисках «свободы и покоя»... к своему Обрыву. А сегодня ведь мы снова в этом поиске!

Поэтому самое время вспомнить, что Обломов, понимаемый как великий, многозначный символ, может быть способом национального самопознания и даже исторического примирения наших Обломовых и Штольцев. Ведь на роман «Обломов» смотрели как на русскую «Илиаду и Одиссею» виднейшие представители культуры, например, Д.С. Мережковский в статье «Вечные спутники. Гончаров»: «Такая же античная любовь к будничной стороне жизни, такая же способность одним прикосновением преобразовать прозу действительности в поэзию и красоту... Перечтите «Сон Обломова». Еда, чаепитие, забавы старосветских помещиков принимают здесь гомеровские идеальные очертания...» (1890).

Национальное самопознание – это, кто помнит, старая русская идея, на которую опиралась «золотая эпоха» русской культуры, начиная с Пушкина, и которая сегодня незаслуженно забыта. Мы безуспешно ищем «предметы актуальной гордости», национальные идеи, а они давно высказаны нашими писателями, философами, и скромно ждут, когда мы обратим на них внимание.

Виктор Каменев

Около 40 лет Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова возглавляет музейное строительство на территории края. Под руководством ведущих специалистов – М.М. Савич, Ю.Д. Ефимова, Ф.А. Долгова, В.И. Лосевой, Т.М. Шумейко – в разное время было создано немало районных и сельских музеев, музеев предприятий и образовательных учреждений. С 2006 года в статусе официального консультационно-методического центра Краеведческий музей продолжил уникальный опыт взаимодействия с негосударственными музеями региона, число которых на сегодняшний день превысило четыре десятка.

М.М. Савич и А.С. Сафин в Новых Тимерсянах. Начало 1980-х

Фрагмент экспозиции Новотимерсянского сельского музея

В коллекциях, сосредоточенных в фондах общественных музеев, зачастую можно найти особо ценные музейные предметы, хранить которые посчитали бы за честь даже крупные государственные музеи. И всё же жизнеспособность и актуальность «малых» музеев объясняется отнюдь не этим. Валерия Игоревна Лосева, посвятившая работе с ведомственными музеями двадцать лет своей трудовой деятельности, так определяет их специфику: «Отличительной особенностью негосударственного музея является его «кровенная» связь с конкретным сообществом –

Содружество «малых» музеев

коллективом предприятия, учреждения, жителями того или иного поселения. Недаром такие музеи называются «народными». Актуальный призыв к государственным музеям «выйти навстречу широкой публике» давно и успешно реализуется в народных музеях, поскольку является негласным принципом их существования».

Общественные музеи объединяют вокруг себя самостоятельных художников и поэтов, любителей истории родного края. Так, при Сенгилеевском историко-краеведческом музее многие годы существовало объединение местных художников «Надежда», при Народном музее Боевой и Трудовой славы колхоза «Память Куйбышева» жил и развивался чувашский фольклорный ансамбль. В настоящее время при Сурском краеведческом музее действует поэтический клуб «Возрождение». Исследовательские кружки и поисковые клубы образованы в районных музеях Николаевки, Новоспаского. Среди новых объединений – «Клуб молодой семьи» и женский клуб «Вера. Надежда. Любовь» при Карсунском художественно-краеведческом музее.

Музеи всегда становятся отдушиной для их создателей, тем спасительным кругом, который позволяет

держаться на плаву. «В трудное время помогает музей, днём или ночью идя туда, когда мучает одиночество», – написал в одном из последних своих посланий ульяновским коллегам директор Новотимерсянского сельского музея Асадулла Сафинович Сафин. Ровесник Великой Октябрьской революции, педагог, он собрал с односельчанами уникальную коллекцию национального костюма и предметов быта татарского населения края и до последних дней болел душой за судьбу любимого детища.

Только в прошлом году открылись два районных музея – в Майне и Инзе, строится краеведческий музей в Старой Майне, менее двух лет назад создан Музей истории медицинского образования Симбирского-Ульяновского края в Ульяновском медицинском колледже.

В освоении азов профессии музейщику без помощи не обойтись. Семинары, стажировки, мастер-классы, консультации входят в программу деятельности областного краеведческого музея как методического центра. В процессе взаимодействия складывается и укрепляется содружество негосударственных музеев региона.

Наталья Шинкарова

Во время прогулок на природе в сельской и в городской местности мы нередко находим птичьи перья.

Если их сложить в конверты и подробно записать место и время находки, то впоследствии можно составить целую коллекцию.

Перья всякие нужны

Фото Дарьи Кореповой

Орлан-белохвост

Определить «хозяина», потерявшего то или иное перо, можно достаточно легко по крупным маховым и рулевым перьям. В этом вам поможет орнитолог Дарья Корепова.

Маховые перья образуют упругую и подвижную несущую поверхность крыла. Их величина зависит от размеров птицы. Так, размах крыльев короляка – самой маленькой птицы России и области – 15-17 см, а маховые перья всего около 5 см. Маховые перья орлана-белохвоста – одной из крупнейших птиц Ульяновской области с размахом крыльев 200-250 см – около полуметра.

Рулевые перья формируют птичий хвост, который служит для поворотов в полёте и увеличения несущей поверхности.

Кроме основных, маховые и рулевые перья птиц имеют ещё и дополнительные функции.

Перо-аксессуар

Многие птицы носят яркие наряды, позволяющие, в первую очередь, привлечь особь противоположного пола. Разноцветные перья у таких птиц образуют самые фантастические узоры, краски которых переливаются, блестят или отливают множеством оттенков.

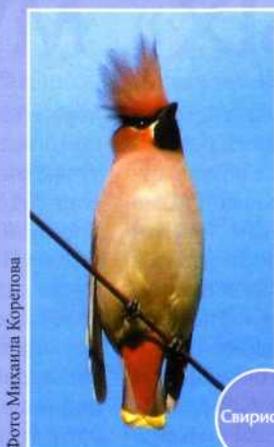
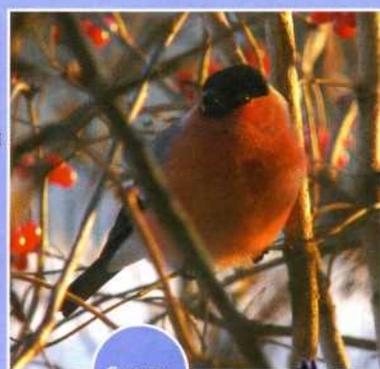

Фото Михаила Корепова

Свиристель

Перья свиристеля на кончиках с лимонно-жёлтым рисунком или с красными «пластмассовыми» бляшками.

Латинское название снегиря – *Rugthula rugthula*, что означает «огненный». Причиной появления яркой окраски являются особенности рациона – пигментация перьев напрямую зависит от количества каротиноидов, присутствующих в корме птиц – калине и рябине.

Снегирь

Фото Дарьи Кореповой

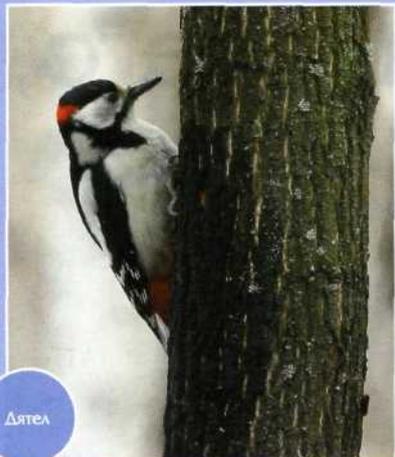
Шурка золотистая – представитель отряда Ракшеобразные – родственник тропических птиц, которым свойственно яркое разноцветное оперение.

Шурки золотистые

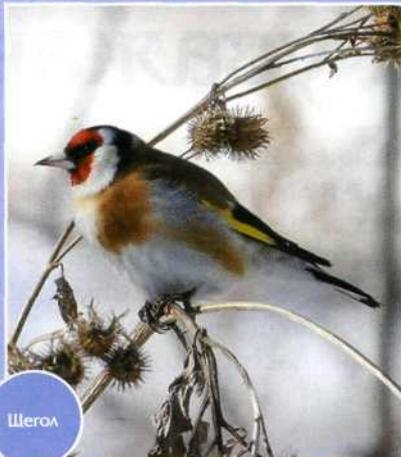
Фото Михаила Корепова

Дятел

Фото Михаила Корепова

Щегол

Фото Вячеслава Савинова

Удод

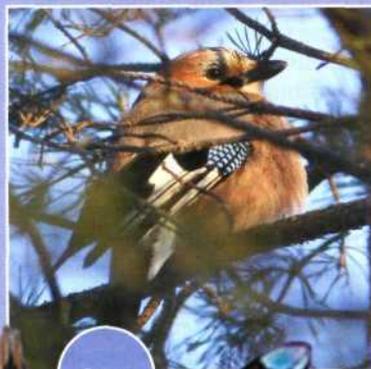
Фото Александры Яковлева

Перо-опора

У *дятла* перья хвоста жёсткие и служат дополнительной опорой при лазании по стволам деревьев.

Перо-знак отличия

Сойку украшают ярко-голубые с узкими чёрными полосками перья, образующие голубые «погоны».

Сойка

Фото Михаила Корепова

Сова

Перо-защита

Испуганный *удод* замирает в «устрашающей» позе: ложится на землю, распускает веером хвост и крылья, отгибает голову назад. В результате этого птица кажется крупнее и отпугивает врагов.

Перо-поглотитель шума

Перья *сов* очень мягкие, на ощупь бархатистые, что делает полёт птицы бесшумным. Это важно не только для того, чтобы жертва не услышала хищника, но и для того, чтобы шелест собственного оперения не препятствовал локализации звуков, издаваемых добычей. Тихий полёт, огромные глаза, отличный слух, цепкие когти делают сову, похожей на летающую кошку.

Перо-камуфляж

Незаметный окрас, создающийся «камуфляжными» перьями, помогает птицам прятаться от врагов. Например, окраска *обыкновенного козодоя* – под цвет лесной подстилки, в основном серых, бурых и ржавчатых тонов, со струйчатым рисунком – делает неподвижно сидящую на ветке дерева или в опавшей листве птицу почти невидимой.

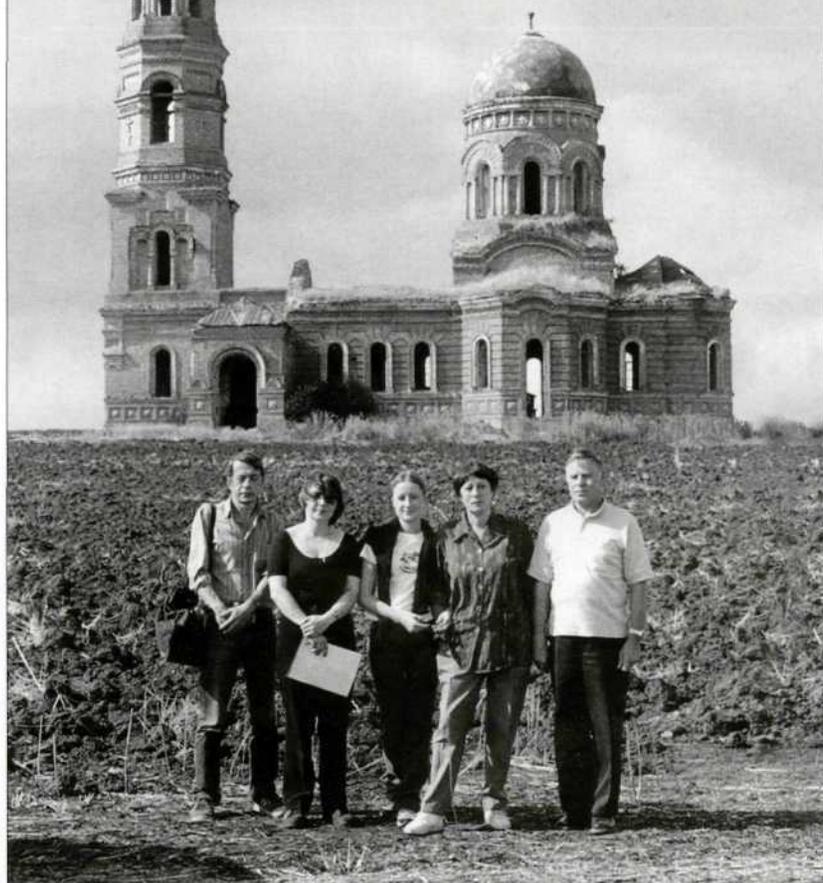
Козодой

Фото Вячеслава Савинова

Людей, не уважавших его,

Время идёт, а близкие и друзья Алексея Сергеевича Сытина до сих пор не могут смириться с преждевременным уходом этого замечательного человека. Они оглядываются назад и понимают, какое это было счастье – общаться с ним, работать, делиться планами и просто отдыхать, наслаждаться красотой природы и бытия. Им так не хватает его.

Сотрудники УОКМ у Петропавловской церкви с. Еделево Майнского района. Экспедиция 2002 года. Фото Сергея Ойкина

Лариса Ершова:

Алексей Сергеевич был личностью незаурядной: тонким в оттенках чувств, философом в казалось бы неразрешимых ситуациях, верным другом и товарищем.

Его нравственными критериями были порядочность, честность и искренность. Его отец, известный ульяновский историк-краевед Сергей Сытин в одном из интервью сказал: «Были в нашем роду чиновники, вплоть до сенаторов, учителя, врачи, офицеры армии и флота, судьи, писатели, редакторы газет. Среди них – и консерваторы, и либералы, и коммунисты. Но не было и нет предателей и ренегатов. Не было спекулянтов – ни товарами, ни идеями». Алексей Сергеевич жил именно по этим правилам.

Трудоголик по сути, он умел быть сибаритом в минуты отдыха. Только этих минут было очень мало. Его восхищало всё многообразие жизни, и своей увлечённостью он заражал всех нас. Музейные экспедиции, вдохновителем коих был именно Алексей Сергеевич, в его отсутствие теряли всякий смысл – меркла совместная радость познания. С ним было легко говорить и легко молчать.

Алексей Сергеевич не любил публичности и, охотно делясь с другими своими знаниями, идеями, оставался в тени. Зависть была чужда ему, а снисходительность к слабостям других – удивительна. Одной фразой, словом он умел потушить наши громкие эмоциональные всплески по поводу жизненной несправедливости и всё поставить на свои места с точки зрения вечности.

Вся жизнь Алексея Сытина так или иначе была связана с изучением и сохранением истории Симбирского-Ульяновского края.

Около 15 лет он работал в Средневолжском филиале института «Спецпроектреставрация». Месяцами находился в командировках, работая в архивах, изыскивая материал для составления историко-архивных исследований по усадебным комплексам, храмам, памятникам архитектуры, для последующих реставрационно-восстановительных работ. Со справками Алексея Сергеевича архитекторам работать было одно удовольствие, настолько они были обстоятельны.

В начале 90-х вместе с Михаилом Рябушкиным они объездили практически всю Ульяновскую область, выявляя и обследуя памятники истории и культуры на территории региона. Взглянув на фотографию, Алексей Сергеевич мог сказать, в каком населённом пункте стоит или стояла та или иная церковь; его память вмещала тысячи фактов, событий, фамилий.

Последние десять лет Алексей Сытин работал в областном краеведческом музее. Коллеги и друзья вспоминают о нём.

Встречать не приходилось

Он не терпел пошлости и фанфаронства. Его миром был небольшой круг близких ему по убеждениям людей и огромный мир истории.

Где же сейчас Ваша душа, дорогой Алексей Сергеевич? За облаками? Среди звёзд? Задаю этот вопрос и как бы слышу ответ – ответ убеждённого атеиста и материалиста. Одно несомненно. Вы всегда будете рядом с нами.

Валерия Лосева:

Глубокоуважаемый, дорогой Алексей Сергеевич!

Десять лет мы проработали вместе. Ваш приход в музей был наградой и жизненной удачей для каждого из нас.

Вы являли собой редкий пример свободного человека, жившего по собственной программе. Я не встречала столь скрупулёзного и глубокого исследователя, феноменально державшего в голове исторические события и процессы страны и нашей губернии. Ваша глубокая внутренняя свобода позволяла Вам быть твёрдым, принципиальным и бескомпромиссным при отстаивании своих убеждений и взглядов.

Великолепный собеседник и отчаянный спорщик – Вы позволяли другим иметь свою точку зрения, не рискуя испортить с Вами отношения. Знарок и просветитель, Вы щедро и без тени высокомерия и превосходства делились своими знаниями.

Будучи непрактичным в своей жизни, Вы многим помогли умным и добрым советом. Я никогда не забуду Вашу помощь и поддержку профессиональную и личную.

Ваше умение радоваться красоте природы, жадно фиксировать её мимолётные проявления, в этом был такой вкус к жизни, такая мудрость. Умению смотреть и видеть творение природы и архитектора, красоту вечную и преходящую Вы учили собственным примером. Рядом с Вами было легко дышать.

P.S. Стало пусто, беспомощно, грустно.

Татьяна Громова:

Наше сотрудничество с Алексеем Сытиным началось с консультаций, за которыми я часто обращалась к нему во время работы над статьями для периодических изданий. Я всегда с внутренним трепетом ожидала его реакции на мой текст. Одобрив в целом написанное, он обязательно вспоминал какое-нибудь интересное событие из симбирской жизни и предлагал обыграть его в статье. Но поначалу, когда я только входила в историческое краеведение, его первыми словами были: «Татьяна Алексеевна, ну как же Вы могли...». Дальше следовало указание на ошибку в дате, в написании какой-либо старинной симбирской фамилии (их он все помнил наизусть!), или давно исчезнувшей улицы. Вычитывал тексты он очень внимательно, часто выписывая на карточку упомянутый мною и взятый им под сомнение факт, чтобы потом не спеша перепроверить его дома по своей уникальной «сытинской» картотеке. Когда работа над статьёй завершалась, Алексей Сергеевич не скупился на похвалу.

Сам он писал очень медленно. Подходя к его рабочему столу, можно было видеть кучу исписанных мелким, красивым и разборчивым почерком его черновые записи, где-то перечёркнутые, начатые заново и снова зачёркнутые. Но зато когда после долгих мучений на свет рождалась написанная кровью статья, пронизанная болью за разрушающиеся симбирские памятники истории и архитектуры, она являлась настоящим совершенством:

ни лишней строчки или оборота, ни грамма пустословия и выдумки. Наталья Сергеевна Храмцова, старейший ульяновский искусствовед, после прочтения одной из статей Алексея Сергеевича в «Мономах» призналась мне: «В статьях Алексея Сытина звучат бунинские ностальгические мотивы по ушедшему, они передают красоту и неповторимость Симбирской земли».

А недавно, готовя очередную статью, потянулась по привычке к телефону, чтобы набрать знакомый номер, и впервые осознала, что на мой вопрос уже никто не ответит...

Ляйля Варюхина, Александр Варюхин:

Писать о Лёше и легко и невозможно. Легко потому, что человек был яркий и бесконечно талантливый. А трудно потому, что не сразу становилось понятно, что было главное в такой разносторонней личности, без чего она бы расплзлась и размывалась, теряла бы цельность.

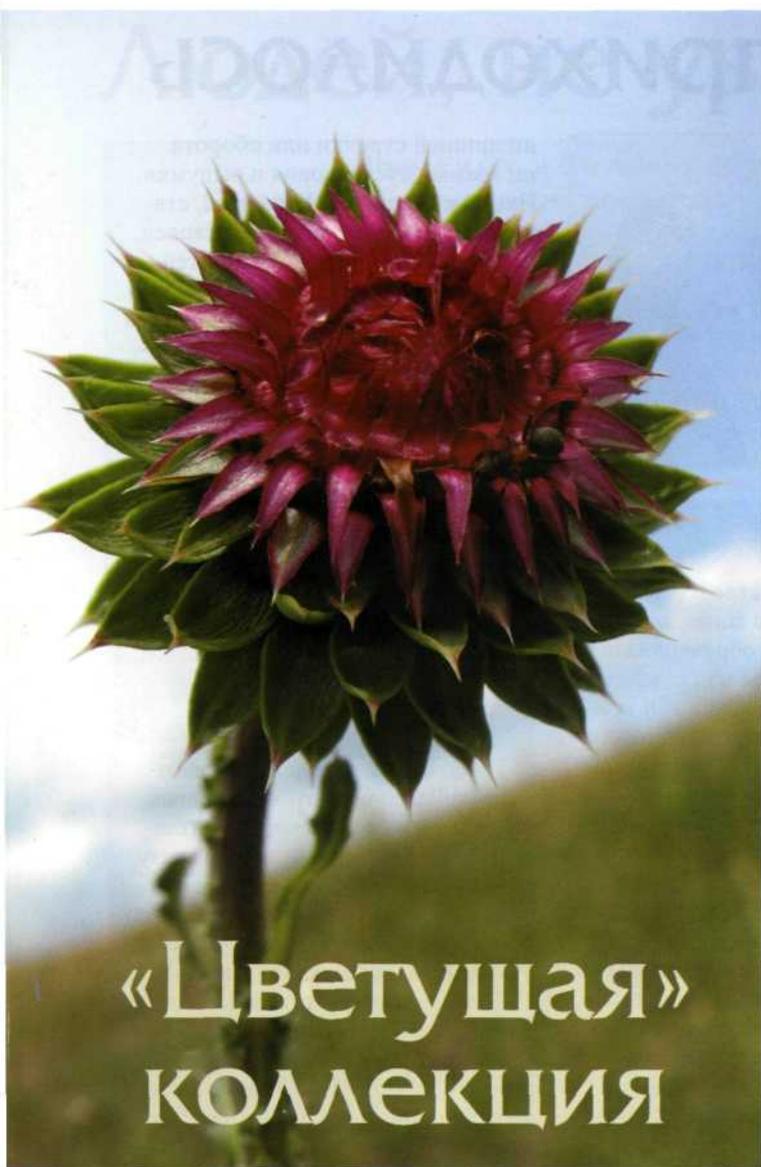
Только по прошествии довольно длительного времени становится ясно, что главным конституирующим его личность качеством являлось наличие Позиции по любому вопросу, которым он занимался, который его волновал.

Это не было аморфным «мнением» или наукообразным «представлением», а именно Позицией с глубоким фактологическим фундаментом и железной логической аргументацией. Мнения и представления легко меняются под воздействием «внешних факторов». А Позицию защищают до последнего патрона.

Именно это так притягивало к нему людей разных, а порой и полярных. Людей, не уважавших его, встречать не приходилось.

В то же время Лёша тем более внимательно и уважительно относился к людям, чем более они заявляли Позицию собственную. Даже тогда, когда с ней не соглашался.

Он вообще не был соглашателем. К сожалению, это качество нынче не в моде.

«Цветущая» КОЛЛЕКЦИЯ

Немногие знают, что Алексей Сытин (на фото) помимо архитектурных объектов очень любил снимать природу, особенно грибы и цветы.

Вокруг своих «фотомоделей» он кружил, забывая о времени, улавливая свет, оттенки цвета, подчёркивая особенности их строения. Знания по ботанике позволяли ему знать свои художественные объекты «в лицо». Алексей Сергеевич специально ездил снимать отдельные виды растений, очень радовался находкам редких растений, новых мест их произрастания. Из поездок он привозил сотни фотографий и показывал их коллегам, делясь радостью общения с природой. Ему удалось открыть новую точку обитания шпажника черепитчатого в Ульяновской области, что было признано находкой года-2009.

Чертополох Тёрмера

Незабудка

Венерин башмачок – одна из самых красивых лесных орхидей.
Внесён в Красные книги Ульяновской области, МСОП, России, охраняется в 22 заповедниках

Дикий гладиолус (шпажник черепитчатый).
В травостое может сохраняться до 100 лет и более.
Внесён в Красную книгу Ульяновской области

Лилия кудреватая

Колокольчик
персиколистный

Старый театр.

Деревянное здание построено на Б. Саратовской улице к сезону 1846 года и сломано летом 1879 года. Неизвестный фотограф.

Современное здание областного драматического театра было возведено благодаря энтузиасту театра М.Ф. Приишникову. Он выстроил комплекс каменных зданий под одной крышей: гостиницу, ресторан, театр. Внешне театр выглядел скромно, но внутри... Асфальтовые полы, громадное фойе, зал, вмещавший свыше тысячи человек, большая сцена, просторная оркестровая. Надпись на театральном занавесе предупреждала скептиков: «Сделал, что мог; кто может лучше – пусть сделает». Этот, по словам современников, «лучший из всех губернских театров» распахнул свои двери 23 ноября 1879 года.

Долгое время, с 1987 по 2010 годы, Ульяновский театр драмы возглавлял народный артист России Ю.С. Копылов, чей режиссёрский дар способен возвышать театральное искусство до трагических высот. Сегодня он – почётный Президент театра.

Ядро нынешнего репертуара – классика, что сейчас поистине является фактом уникальным. Шекспир, Мольер, Гольдони, Чехов, Пиранделло, Гоцци, Лопе де Вега, Островский, А. Толстой – эти и другие великие имена всегда были в числе авторов репертуарной афиши Ульяновского драматического театра.

В марте этого года в театре прошли юбилейные торжества. Их кульминацией стал вечер 27 марта, который совпал с 50-летием учреждения Всемирного дня театра. Праздник получился знатным.

Ульяновский драматический театр имени И.А. Гончарова считается одним из старейших в России – ему исполнилось 225 лет. Он всего на 17 лет моложе самого первого русского театра – Ярославского. Его история началась с представлений крепостной труппы богатого симбирского помещика Николая Дурасова в громадном двухэтажном каменном особняке в Троицком (ныне Краснознамённом) переулке. А в 1785 году Н.А. Дурасов подарил свой особняк губернскому дворянству, где уже были сцена и декорации. С этого момента начались регулярные постановки, в которых играли как крепостные актёры, так и «благородные лица».

В День театра гостей в фойе встречал матрос с фрегата «Паллада» (Антон Мынов). Между зрителями прогуливались придворные Екатерины II (Виталий Злобин, Мария Жежела, Максим Варламов и Анна Дулебова). Молодые актёры театра в народных костюмах вместе с публикой «зажигали» под русские песни. На лавочке тихой светлой грусти предавалась гимназистка (Любовь Юдина), рядом возлежал на диване Илья Обломов (Сергей Чиненов). А неподалёку Иван Александрович Гончаров (Денис Верягин) дописывал свой «Обрыв». Но самым популярным персонажем перед основным торжеством стал сидящий в клетке Емельян Пугачёв (Николай Шишигин), которого охранял человек с ружьём (Владимир

Кашкаров). На фоне Емельяна Ивановича не сфотографировался только ленивый. Многие интересовались у красноармейца, можно ли покормить узника. Сам арестант грозно рычал и отгрызался.

Действо на сцене началось с фильма об истории театра. Затем появилась вся труппа и... Екатерина II (Зоя Самсонова) с симбирским градоначальником Мясниковым (Алексей Дуров), которые решали, быть ли в Симбирске театру. Вообще, в этот вечер на сцену выходили многие исторические деятели прошлого – от Карамзина (Михаил Петров) до Пушкина (Юрий Морозов). О роли симбирского театра в своей жизни спорили Владимир Ульянов-Ленин (Сергей Кондратенко) и Александр Керенский (Илья Поляков).

Были зачитаны поздравительные телеграммы от Александра Калягина, Юрия Соломина, Армена Джигарханяна, театральных коллективов из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Твери, Липецка и других. Актёров разных поколений представили три режиссёра, в разное время руководившие театром: Вера Ефремова (нынешний худрук Тверского театра прислала видеобращение), приехавший из Чехии Юрий Галин и нынешний почётный Президент симбирской драмы Юрий Копылов. В день юбилея к труппе примкнули когда-то работавшие в Ульяновском драматическом театре Михаил Янко и Татьяна Фирсова (Липецк), Константин Юченков (Тверь), Игорь Ливанов и Денис Юченков (Москва).

С юбилеем театр поздравили первые лица региона: губернатор Сергей Морозов, глава города Александр Пинков, представители Попечительского совета театра, областной филармонии и регионального министерства искусства и культурной политики.

Сергей Морозов вручил коллективу Почётный знак «За заслуги перед Ульяновской областью». Медали и грамоты были вручены Зое Самсоновой, Ирине Янко, Евгению Редюку, Денису Верягину, главному бухгалтеру театра Надежде Козловой и художнику-декоратору Валентине Злобиной. Были награды и от Попечительского совета, и от Ульяновского землячества. Театр, в свою очередь, не оставил без подарков самих поздравителей. Так Сергею Морозову Императрица пожаловала Почётную ленту «Самый театральный губернатор Отечества», а Александр Пинков получил из рук Карамзина подарочное издание «Истории государства Российского».

Юбилейная черта пересечена, но насыщенная творческая жизнь Ульяновского драматического театра им. И.А. Гончарова продолжается: сразу после гастролей Московского театра имени Станиславского стартовала вторая часть Фестиваля театров области «Лицедей-2011». Зрители встретились со всеми театральными коллективами Ульяновска и Дмитровграда, а также со звёздными гостями: Евгением Гришковцом из Москвы и Бобом Дантонель из Франции.

Глеб Иванович и Игорь Евгеньевич

26 марта в рамках празднования 225-летия симбирской драмы на малой сцене «Постскрипtum» вспоминали корифея театра, народного артиста Украины Глеба Юченкова: в юбилейные дни исполнилось 100 лет со дня рождения этого замечательно-го артиста.

Воспоминаниями о патриархе симбирской сцены делились его коллеги по ульяновскому драматическому театру. На вечер памяти Глеба Ивановича приехали представители всех поколений этой замечательной творческой династии: сын Константин Глебович, актёр Тверского театра драмы; внук Денис, звезда театра и кино из Москвы, и правнук Глеб Юченков-младший. Кстати, на этом вечере Константин и Денис Юченковы впервые сыграли вместе. Юченков-старший играет Мамаева в комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты», а Юченков-средний – Глумова в той же пьесе в столичном театре «У Никитских ворот» под руководством Марка Розовского. Отрывок из этого спектакля и сыграли отец и сын Юченковы.

Глеб Иванович великолепно играл на фортепиано. Не менее блестяще на вечере, посвящённом памяти прадедушки, сыграл прелюдию № 10 Шостаковича Глеб Юченков-младший.

А на основной сцене в этот день по случаю юбилея Ульяновского драматического театра им. И.А. Гончарова прошёл творческий вечер популярного театрального и киноартиста Игоря Ливанова, который неспроста назывался «Мой первый театр». Свои первые профессиональные шаги будущая звезда кино делал в середине 1970-х именно на ульяновской сцене. Игорь Евгеньевич рассказал о своих работах и о встречах с известными режиссёрами, в частности, с Никитой Михалковым. Столичный «земляк» много пел. Особенно тепло публика принимала в его исполнении украинские народные песни. Поделится гость и своими впечатлениями об Ульяновске:

– Когда я работал здесь в прошлом веке, мне не нравился город за его серость и безликость. Но в нынешний приезд, увидев, каким красивым и современным стал Ульяновск,

я готов всю свою огульную критику в прошлом взять обратно и хочу приехать сюда снова и снова...

Мастер и его театр

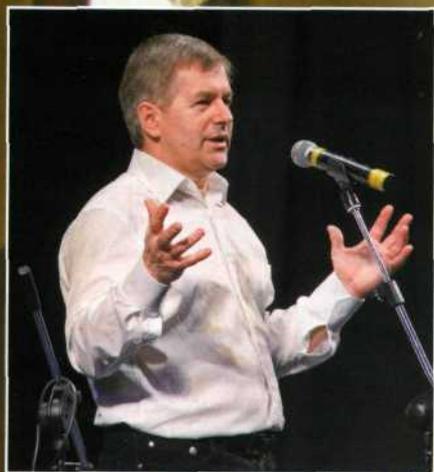
Гастроли московского театра имени Станиславского стали своеобразным «мостиком», перекинутым от торжеств, посвящённых 225-летию Ульяновского драматического театра им. И.А. Гончарова, к фестивалю «Лицедей-2011». Гастрольный тур московичей включил в себя комедию «Бабы сплетни», мелодраму «Любовь и карты» и фарс «Авария». Представлять спектакли в Ульяновск приехал лично худрук театра Станиславского, киноактёр и театральный режиссёр Александр Галибин, известный по фильмам «Трактир на Пятницкой», «Романовы. Венценосная семья», «Мастер и Маргарита», «Консервы» и другим кинокартинам.

В небольшом интервью Александр Владимирович Галибин остановился на художественных принципах своего театра и выразил отношение к гастролям вообще и, в частности, в Ульяновске:

– Никто и никогда не отменит классический театр и классическую режиссуру. Таков главный художественный принцип – мой и нашего театра... Мы не привезли серьёзных постановок, потому что хотели, чтобы у зрителя осталось ощущение настоящего праздника и приятного послевкусия. Эти гастроли – действительно радость... Артисты и режиссёры за последние 20 лет стали забывать о том, что это такое – работать на чужой сцене. Даже в Москве театры разобщены. Хотя сейчас наблюдается тенденция к возвращению малых форм гастролей, что, к сожалению, на государственном уровне не во всех театральных коллективах страны поддерживается.

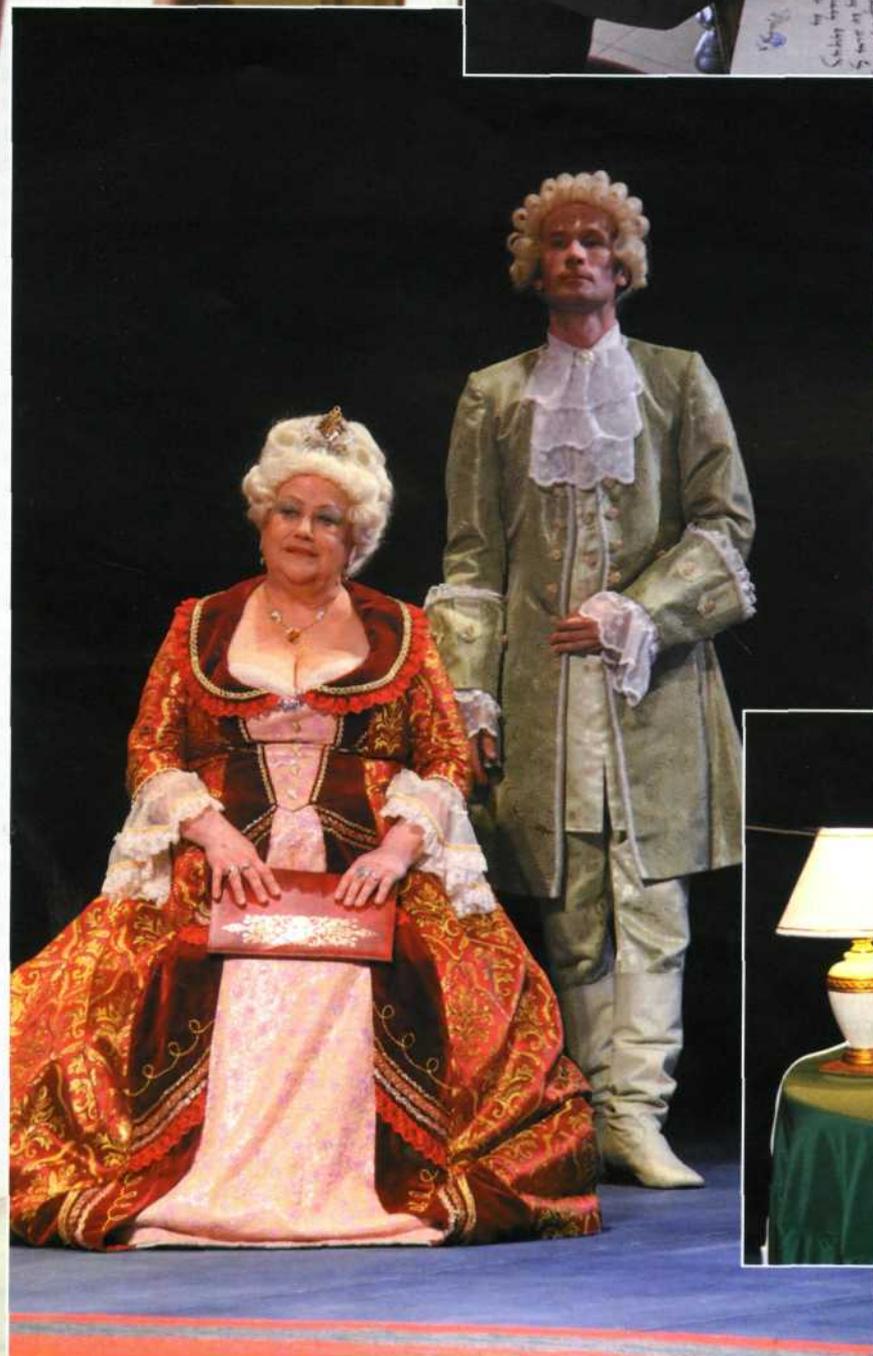
Московские гости рассказали, что уже в первый день почувствовали себя в драмтеатре как дома. Особенно уютно – в старой части здания. Лестница здесь напомнила москвичам лестницу столичного главпочтамта. Теперь исполнитель роли Мастера в известной экранизации булгаковского романа от Владимира Бортко и его труппа надеются на полноценное продолжение гастролей. Им есть что показать ульяновской публике.

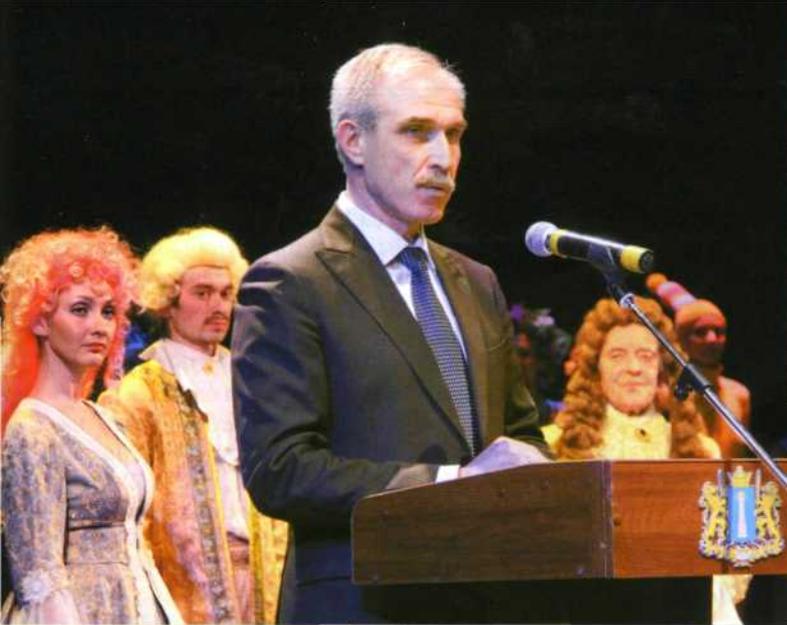
Ярослав Щедров

Ульяновскому
театру драмы –

225
лет

Губернатор
Ульяновской области
С.И. Морозов
поздравляет коллектив
театра драмы
с юбилеем

Сцена из спектакля «Я, бабушка,
Илико и Илларион». В роли Бабушки –
народная артистка России
Кларина Шалько

Популярный артист
театра и кино
Игорь Ливанов

Артисты Денис Верягин
(в роли И.А. Гончарова)
и Денис Юченков

В роли императрицы
Екатерины II –
народная артистка
России
Зоя Самсонова

Почётный президент
Ульяновского
драмтеатра, народный
артист России
Юрий Копылов

Многие из фестивальных спектаклей запомнились зрителям и режиссурой, и сценографией, и содержательностью. Остановимся на одном из них – премьере Ульяновского областного театра драмы имени И.А. Гончарова. Это постановка народного артиста Латвии Аркадия Каца популярной в советское время повести Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион».

Спектакль отсылает зрителей в страну, уже, увы, не существующую, и представляет собой ностальгическое воспоминание о днях юности и о тех годах, когда люди были добрее друг к другу, и сироту воспитывала не одна только бабушка, но и добрые соседи, когда народы жили дружно и не было нужды в военной операции по «принуждению к миру».

История взросления мальчика Зурико из «самого весёлого и красивого» села Грузии разделена на несколько небольших новелл, разыгранных изящно и остроумно. Здесь и первая любовь с весёлой пуганицей с письмами, когда адресатом витиеватого и страстного любовного послания случайно оказывается бабушка; и стрельба по зайцам, невольной жертвой которой становится верная собака Зурико Мурада; и виртуозное разоблачение доктором мнимого больного.

Персонажи говорят с узнаваемым акцентом, а когда их переполняют эмоции, переходят на язык песни. Они пребывают среди плетёных оград, извилистых горных тропинок и национальных орнаментов на чёрном бархатном фоне задника сцены (сценография Татьяны Швеи).

Актёрский ансамбль сразу же захватывает публику своей игрой, напоминая старые грузинские фильмы. Действующие лица не испорчены цивилизацией, они простодушны, чисты душой и непосредственны. Роль Бабушки в исполнении народной артистки России Кларины Шадько вполне можно назвать коронной для актрисы. Она поднимает

Фестиваль театров области «Лицедей-2011» был феерически ярким и разнообразным.

Когда
люди
были
добрее...

свою героиню до символа Женщины – сильной и самоотверженной, способной преодолеть все беды и невзгоды, готовой пойти на любые жертвы ради того, чтобы вырастить внука достойным человеком. В сцене, полной драматизма, Бабушка, которую покидает жизнь, поёт: «Ямщик, не гони лошадей», и у зрителей на глазах появляются слёзы.

В роли Зурико дебютировал новый в театре молодой актёр Максим Копылов. Со своей широкой белой улыбкой и вполне грузинским носом он вписывается в образ внешне. Вместе с тем актёр успешно решает непростую задачу: показать превращение героя из 15-летнего проказливого мальчишки в серьёзного человека – и уверенно использует безусловный талант и сценическое обаяние.

Внушает симпатию парочка соседей: одноглазый насмешник Илико (заслуженный артист России Михаил Петров) и простодушный добряк Илларион (заслуженный артист России Евгений Редюк). Эти самодельные деревенские философы одновременно находятся в вечном отталкивании и притяжении: они хоть и ссорятся, но жить друг без друга не могут. Актёрам особенно удалась сцена с обоюдным обманом: Илико делает вид, будто бы не знает, что Иллариону удалили глаз, заменив его на стеклянный, а непривыкший к своему физическому недостатку Илларион старается показать, что ничего в нём не изменилось.

Аплодисментами встретили зрители появление на сцене заслуженного артиста России Владимира Кустарникова. И он оправдал ожидания, уморительно сыграв глазного доктора без диплома, но – «от Бога», настоятельно рекомендующего пациентам заменять глаза настоящие стеклянными. Колоритен и выразителен учитель химии в исполнении Юрия Морозова с его аппетитным чиханием, напускной строгостью к ученикам и нежностью к ученицам.

После спектакля осталось чувство благодарности к создателям постановки за вкус и послевкусие от спектакля как от хорошего грузинского вина...

Ирина Морозова

82 ступени в мир искусства

В многонаселённом районе Завьяжья расположена школа № 82. Окружённая высотками, она выступает как своеобразный культурный форпост. Дело не только в отсутствии на обширной территории выставочных залов, а в атмосфере творческого импульса, пронизывающего пространство типового здания, обретшего новое значение – культуры в высоком профессиональном смысле. Большие вместительные рекреации заполнены разнообразными проектами, в которых наравне участвуют педагоги и школьники. Например, фотовыставки, подход к которым отличается удивительной бережностью, вниманием к самому действию – рождению целостного мира переживаний, всплеска положительных эмоций, благодаря чему и создаётся «образ на заданную тему». Он не обременителен, так как рождён в атмосфере доверия к мнению, чувствам всех его участников. Это результат объединения творческого потенциала педколлектива школы № 82 и Музея современного изобразительного искусства ради целенаправленной работы с учащимися 1–11 классов, определения фактора присутствия Музея в школе для создания и поддержки восприимчивости изобразительного искусства, мировой культуры. Учащиеся школы, по замыслу педагогов и музейщиков, должны пройти символический путь в мир искусства в 82 ступени (не только из-за номера школы), а после этого преодолевать новые высоты с крупными и круглыми цифрами, достигать и покорять которые сегодняшним ученикам предстоит уже во взрослой жизни. Мегапроект «82 ступени в мир искусства», который с самого начала планировался как долговременный, был разработан совместно с директором школы Георгием Александровичем Чекаревым, заместителем директора по воспитательной работе Ниной Ильичной Солодухиной, зам.директора

Зинаидой Захаровной Зиятовой, при активном участии педагогов Светланы Евгеньевны Сосиной, Натальи Валерьевны Макаровой.

Начнём с того, что первое знакомство со школой состоялось в 1999 году, когда была организована выставка репродукций «Шедевры мирового искусства». Именно тогда был заложен фундамент для нашей «лестницы» в мир искусства. Не потому только, что выставка была безупречно организована (такие выставки организовывались на высоком уровне и в других школах), а потому что отношение к ней переходило из понятия «очередного мероприятия» в понимание острой необходимости. Были пройдены первые ступени – три выставки, посвящённые искусству мастеров эпохи Возрождения, творчеству Рембрандта, художников-импрессионистов. В отличие от традиционных экскурсий изначально была задана высокая планка: школьники участвовали в обсуждении выставок, полемика не просто приветствовалась, она стала неотъемлемой частью работы. И это была именно работа, игровая часть которой выявляла способности детей к умению видения и прочтения произведения искусства.

Уже тогда была заложена парадигма всего проекта – организация своеобразного «двухстороннего движения»: школа-музей. Конечно, развивались традиционные посещения музейных экспозиций («Школа в гостях у музея» – часть проекта «82 ступени в мир искусства»), во время которых проводились тренинги по конкретным вопросам искусства, встречи сотрудников Музея с юными искусствоведами. Они стали новыми ступенями в изучении искусства XX века.

С течением времени Музей всё активнее обозначает своё присутствие в школе, проводя арт-акции более широкого спектра, включающего в том числе разнообразные медиа-

Под таким названием с 1999 года реализуется совместная программа Музея современного изобразительного искусства и ульяновской средней общеобразовательной школы № 82

программы, методические разработки, помогающие в изучении изобразительного искусства. За это время осуществлено 20 проектов, среди которых выставки подлинных произведений из фондов Музея и мастерских ульяновских художников. В 2002 году стало понятно, насколько «продвинутой» молодёжь в области современных технологий: на выставке «Компьютерное творчество ульяновского художника Владимира Зунузина» именно школьники «дешифровали» сложные сплетения фрагментов картин мастеров прошлого и современных художественных объектов. С выставкой познакомились ученики от младших до выпускных классов. Заметим, что руководство школы не ставит ограничений для восприятия сложных экспозиций. Интересно было видеть, как объясняют произведения юные школьные искусствоведы поколению, юность которого прошла в «докомпьютерную эпоху». Для выставок подлинников из фондов Музея школа предоставила отдельное помещение с необходимым температурно-влажностным режимом, была обеспечена охрана привезённых на один день экспонатов. Так, в 2005 году были показаны четыре картины А.А. Пластова, через год – выставка «Русская народная картинка (лубок)». После просмотра выставки уже на следующем уроке рисования первоклашки «выдавали» импровизации по этой теме. Лучшие акварели, с ещё не просохшими красками, экспонировались тут же.

Долговременное сотрудничество Музея современного изобразительного искусства и ульяновской средней общеобразовательной школы № 82 радует результатами

По выставке картин А.А. Пластова сочинялись эссе.

Известнейший мастер иллюстраций и станковых гравюр первой половины XX века Алексей Ильич Кравченко представлен в Музее современного изобразительного искусства более чем 100 произведениями. В 2004 году было решено провести выставку художника, а после её завершения оставить репродукции школе в качестве постоянно действующей экспозиции, благодаря которой можно знакомиться с техниками гравюры – ксилографией, офортом, литографией, линогравюрой. Для общешкольного мероприятия по просьбе учителей был собран исторический материал об Андрее Огородникове. Кроме того, Музеем была создана медиа-программа о русской иконе. Одной из новых «ступеней» стала экспозиция «Великий Рембрандт. Офорты». Школа, таким образом, участвовала во всемирно отмечаемом юбилее великого голландского художника XVII века. Проект «Защитникам Отечества посвящается» был решён в виде выставки плакатов Великой Отечественной войны и иллюстраций знаменитого художника В. Фаворского к «Слову о полку Игореве». Затем проект обрёл вид медиа-лекции, на которой история России была представлена в произведениях XV–XXI веков. Осенью 2010 года был запущен медиа-проект «Образ матери в мировом изобразительном искусстве», в марте 2011 – «Человек и кошка». Наши домашние любимцы – кошки – были явлены в виде скульптур мастеров Древнего Египта, гравюр и акварелей художников Китая и Японии. Большой материал представил кошку в картинах художников зарубежного и русского искусства IX–XXI веков, в том числе ульяновских – Татьяны Горшуновой и Лилии Ивановой. Известный дизайнер, архитектор, график Лилия Анатольевна Иванова передала в дар школе одну из работ, посвящённых кошке. Музей подготовил новый медиа-проект о творчестве художника Анатолия Ермакова, одной из главных тем которого является жизнь современной армии России. Эти акции сопровождают одновременно работающие выставки: «Война и мир художника-фронтовика Юрия Куликова», «Импрессионизм во Франции

и в России», «Что такое натюрморт? и «Аркадий Пластов “Цветы”».

Использование разнообразных возможностей придало новый импульс в развитии сотрудничества Музея и школы. Ученики стали воспринимать усложняющиеся формы работы в качестве новых ступеней проекта. Апробация нового лекционного цикла «Древние цивилизации» проходила также в 82-й школе. Нам было важно увидеть реакцию зрителей, и школа выступила серьёзной творческой мастерской. В следующем учебном году будет запущен цикл лекций «Время рыцарей», которых так не хватает в современном мире.

В мае 2007 года губернатором С.И. Морозовым и правительством Ульяновской области сорок пейзажей и два барельефа ульяновских художников были переданы в дар школе № 82. Этот уникальный подарок позволил открыть школьную художественную галерею. Музей современного изобразительного искусства, имеющий колоссальный опыт в экспозиционной практике, оказал содействие не только в размещении картин в рекреациях здания, но, что самое важное, провёл тренинг по организации нового культурного пространства и занятия для юных экскурсоводов. Школа изначально решила придать этому дару статус именно профессионально организованной галереи. Преподаватель Марина Анатольевна Хренова воспитала группу юных экскурсоводов.

Мы предложили назвать экспозицию «Времена года», ведь она посвящена пейзажу, одному из наиболее любимых художниками жанру. В экспозиции галереи этот цикл представлен картинами 22 художников Ульяновска. Здесь школьники могут не только познакомиться с произведениями искусства, но и попытаться ответить на вопросы, предложенные в экспликации галереи. Почему многие художники считают осень уникальным временем года? Это время последнего перед зимним затишьем яркого всплеска природы, силы и мощи цветового многообразия. Вот почему художники чаще всего пишут осенний лес. Это время лёгкой грусти в тумане холодного утра, торжества цвета под ещё тёплым дневным солнцем и угасания ярких красок, словно попавших в плен тоскливого долгого

дождя. Настроение природы меняется так часто, что пылливому, влюблённому в осень художнику нужно чутко улавливать эти настроения.

Что художнику наиболее сложно передать в зимних пейзажах? Снег. В нём отражаются все оттенки неба, то голубого, то желтовато-розового, то совсем синего. Но как хочется почувствовать звенящий, острый от холода воздух зимнего леса, февральского вечера, заснеженной первым снегом деревни, покрытой льдом Волги. Кто из художников чаще пишет весну? Вероятно, тот, кому интересно обновление природы, её пробуждение, переход от зимы к весеннему теплу и солнцу. Весна учит художника тонким переходам, многообразию в палитре.

Что такое работа на пленэре – открытом воздухе? Для художников это природная мастерская, студия. Лето – самое активное время работы для художника. Этюды, созданные на природе, дают большой материал и для будущих картин, это впечатления от волжских заливов и далёких гор, сенокоса в деревне и рыбалки. И почему именно летом художники уделяют такое большое внимание небу? Ведь часто изображение его занимает большую часть композиции картины. Может быть, летнее небо отражает и свою собственную жизнь, соединяя все временные вехи, все земли в единое планетарное понятие – Мир.

Долговременность мегапроекта «82 ступени в мир искусства» подтверждает Соглашение о представительстве Музея в школе № 82, подписанное в сентябре 2010 года. Но за официальным протоколом стоит действенная, интересная обеим сторонам работа по уменьшению культурных лакун. Об этом мы говорим в поздравлениях на ежегодном празднике «Честь школы», который проводится в Мемцентре. В июне 2009 года школа № 82 вручала аттестаты зрелости на летней балюстраде Музея современного изобразительного искусства.

По тому, как интеллигентно ведут себя в экспозиции, как смотрят картины ребята, в Музее сразу узнают – «это пришла наша 82 школа!». Каждый год мы преодолеваем ещё одну ступень в мир прекрасного. Мы не спешим, поднимаемся вверх спокойно и достойно, впереди у нас ещё много ступеней-познаний.

Елена Сергеева

Лучше поздно, чем никогда

Большинство читателей, учивших историю ещё по советским учебникам, Владимира Каппеля знают как врага Советской власти. Согласно сценарию фильма «Чапаев», генерал сражался против любимого народом Василия Ивановича. Между тем его реальная судьба полна как героизма, так и трагизма.

В январе 1918 года большевики разогнали в Петрограде Учредительное собрание, которое провозгласило Россию демократической федеративной республикой. Попытка возрождения Учредительного собрания была предпринята летом в Самаре, где организовался Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Лидирующую роль как на Учредительном собрании, так и в Комуче играли эсеры, которые приступили к формированию так называемой Народной армии для борьбы против большевиков. Многие кадровые офицеры хорошо помнили прошлую подрывную деятельность эсеров и не торопились к ним на службу. В это время командование 1-й добровольческой Самарской дружиной принял подполковник В.О. Каппель. При вступлении в Народную армию Владимир Оскарович заявил: «Попробую воевать. Я монархист по убеждениям, но стану под какое угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками, даю слово офицера держать себя лояльно к Комучу».

Владимир Оскарович Каппель

Владимир Каппель родился в городе Белев Тульской губернии в семье офицера. Его отец, выходец из Швеции, отличился при взятии генералом М.Д. Скобелевым крепости Геок-Тепе, а дед со стороны матери – при защите Севастополя в Крымскую войну. Оба были награждены Георгиевскими крестами. Будущий генерал закончил 2-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге, затем Николаевское кавалерийское училище, был произведён в 1903 году в корнеты и начал армейскую службу в 54-м драгунском Новомиргородском полку. В 1906 году он получил чин поручика и вскоре женился на дочери действительного статского советника Ольге Сергеевне Стрельман. В 1909 году у четы Каппель родилась дочь Татьяна, а в 1915-м – сын Кирилл.

Любопытна история его женитьбы. На одном из балов молодой офицер познакомился с очаровательной барышней. Вспыхнувшее чувство оказалось взаимным, но... родителям Ольги показалось, что лихой кавалерийский офицер не лучшая пара для дочери. Тайные свидания и записки, передаваемые через прислугу, закончились тем, что Каппель вместе с товарищами выкрал свою

возлюбленную из родительского дома и обвенчался с ней в сельской церкви. Раздражённые случившимся родители долго не признавали семейный союз, но всё-таки сдались, когда Владимир Оскарович поступил в Академию Генерального штаба.

В 1913 году В.О. Каппель по первому разряду окончил Академию и вместе с семьёй отправился на службу в Московский военный округ. С началом первой мировой войны он в чине капитана был прикомандирован к Николаевской офицерской школе «для изучения технической стороны кавалерийского дела», потом в составе 5-й Донской казачьей и 14-й кавалерийской дивизий участвовал в боях, а с сентября 1916 года служил в разведывательном отделении Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова. К началу рокового 1917 года Владимир Оскарович стал подполковником, был награждён несколькими орденами. К деятельности Временного правительства, разлагавшего армию, он отнёсся негативно; в армии Советов, где верховодили большевики, служить не мог...

К середине лета 1918 года Народная армия Комуча состояла из нескольких отдельных дружин или

отрядов, возглавляемых боевыми офицерами, а также Волжской и Камской флотилий. Упомянутые отряды при помощи частей восставшего чехословацкого корпуса захватили города Сызрань, Бугульму, Ставрополь (ныне Тольятти), где разгромили Советы и восстановили городские думы и земские управы, полицию и суд. На очереди был Симбирск, возглавить операцию поручили подполковнику Каппелю. Ещё в мае из Петрограда сюда был эвакуирован патронный завод, который слился с местным патронным заводом. Его продукция в условиях разгоравшейся войны имела особое значение, и частям Красной Армии было приказано: «Симбирск оборонять до последней капли крови».

Хорошо поставленная Каппелем разведка донесла, что большинство горожан отрицательно относятся к Советской власти, а красные ждут нападения на Симбирск со стороны Мелекесса и превратили правый берег Волги в неприступную крепость. Группа во главе с Каппелем, состоявшая из 1500 самарских и сызранских добровольцев, батареи из 4 орудий и подразделения чехословаков, совершила стремительный марш-бросок по тракту Сызрань-Симбирск. 17 июля

Владимир Оскарович посадил войска на подводы и, меняя их в дороге, на пятый день вошёл в пригородное село Белый Ключ. Батарея белых, заняв позицию за селом, вступила в артиллерийскую дуэль с бронепоездом красных «Свобода или смерть». Расстреляв все снаряды и потеряв последнее орудие, бронепоезд вынужден был отойти.

Симбирск, заблаговременно покинутый большинством советских руководителей вместе с 24 заложниками и ценностями из банка, был взят 22 июля почти без боя. Потери группы Каппеля составили 4 человека, были захвачены богатые трофеи. Бежавшие бросили 150 пудов пороха, 120 пудов бензина, тяжёлую и лёгкую артиллерию, три самолёта, огромное количество интендантского снаряжения.

С ликованием, под колокольный звон церквей встретили белочехов приверженцы старого порядка. В местном театре состоялось многолюдное собрание, на котором выступил В.О. Каппель.

«При гробовой тишине, – рассказывал один из очевидцев, – вышел на сцену скромный, немного выше среднего роста военный, одетый в защитного цвета гимнастёрку и уланские рейтузы, в офицерских кавалерийских сапогах, с револьвером и пашкой на поясе, без погон и лишь с белой повязкой на рукаве. Он как будто устало обратился с приветствием к собранию. Его речь была удивительно проста, но дышала искренностью и воодушевлением. В ней чувствовался порыв и воля. Во время его речи многие присутствовавшие плакали. Плакали и закалённые в боях офицеры, только что освобождённые из большевистских застенков. Да и немудрено, ведь он звал на борьбу за поруганную Родину, за народ, за свободу».

На призыв поддержать Народную армию в борьбе с большевиками отозвались многие симбиряне. Так рабочие патронного и других заводов постановили поддержать новую власть и отчислить часть заработной платы в фонд Народной армии, а всего на эти цели в городе было собрано 5,5 миллионов рублей. Женщины создали «Женское общество помощи Народной армии» и делали всё, что нужно: помогали готовить пищу,

мыли полы в казармах, работали в лазарете. Из жителей Симбирска и прилегающих уездов были сформированы 3-я Симбирская стрелковая дивизия и костяк добровольческой бригады Каппеля, отличавшиеся особой стойкостью в боях и ставшие впоследствии ядром лучшего формирования колчаковских войск – 1-го ударного Волжского корпуса.

Тем временем Каппель с присущей ему энергией приступил к операции по освобождению Казани. Ещё во время мировой войны, когда немцы наступали, император Николай II приказал перевезти золото в глубь страны. Выбрали Казань, где в 1914 году было построено поместительное здание банка. После Октябрьской революции, к лету 1918 года, там находилось 1280 тонн золота, притом что весь золотой запас империи составлял 1695 тонн.

В начале августа войска Народной армии под предводительством Каппеля выбрали красных из Казани. Операция была настолько успешной, что большевики, оценив талант Владимира Оскаровича как полководца, назначили за его голову награду в 50 тысяч рублей. Каппель тем временем отправил командованию телеграмму: «После двухдневного боя 7-го августа частями Самарского отряда Народной армии и чехословаками совместно с нашей боевой флотилией Казань взята. Трофеи не поддаются подсчёту, захвачен золотой запас России 650 миллионов. Потери моего отряда 25 человек, войска вели себя прекрасно». За столь удачные действия Каппель был произведён в полковники.

Взятие Казани открывало белогвардейцам путь на Нижний Новгород и дальше на Москву. По личному указанию В.И. Ленина здесь были сосредоточены основные силы Красной Армии и создано значительное численное превосходство над противником. 10 сентября большевикам удалось отбить Казань.

Каппель удерживал город месяц. За это время он сумел вывезти золотой запас по Волге до Самары, для чего понадобилось 5 судов и 3 баркаса.

Предпринятые в августе Красной Армией два наступления на Симбирск, несмотря на двукратное превосходство в силах, оказались безре-

зультатными. Белые сопротивлялись ожесточённо, и многие предпочитали смерть оставлению боевых позиций. В результате город удалось взять только 12 сентября.

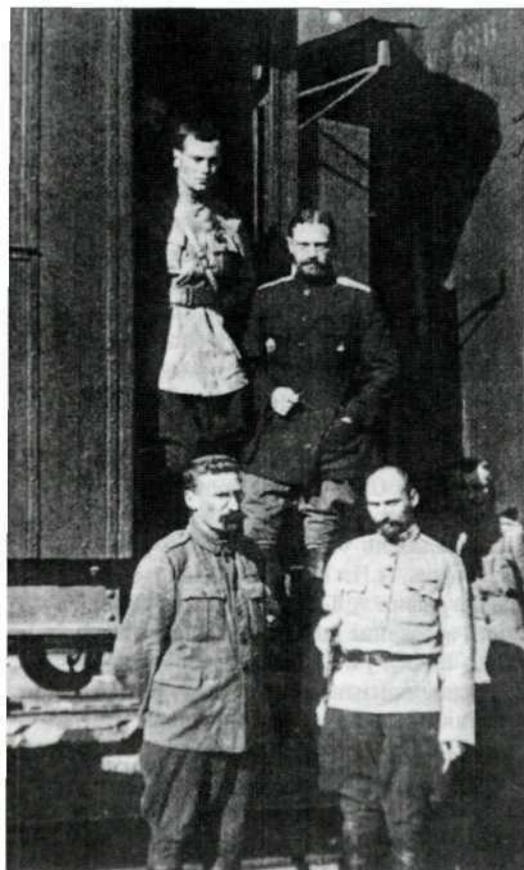
В тот день отставной военный юрист и известный коллекционер А.В. Жиркевич записал в своём дневнике: «Вчера все, кто мог и кто имеет основания бояться мести большевиков, в панике бросились к парходным пристаням и вокзалу спасаться. Я сейчас (9 часов утра) выходил на балкон. Видно, как рвутся где-то около Киндяковки шрапнели».

Среди беженцев были такие уважаемые в Симбирске люди, как городской голова Л.И. Афанасьев, председатель уездной земской управы князь А.Н. Ухтомский, владелец типографии А.Т. Токарев, напечатывавший воззвание патриарха Московского и Всея Руси Тихона к населению России, призывавшего к ниспровержению Советской власти. Также покинули город известные архитекторы Ф.О. Ливчак и А.А. Шодэ, которые украсили Симбирск множеством прекрасных зданий. Фёдор Осипович и Август Августович, оставив семьи в городе, отправились в Самару, затем – в Уфу, далее – в Омск, где и скончались от сыпного тифа.

После отступления от Симбирска части Народной армии сконцентрировались в районе Мелекесса (ныне Димитровград). На помощь им подошла группа Каппеля, отступавшая из-под Казани по левому берегу Волги. Получив перевес на этом участке, белогвардейцы перешли в контрнаступление и вытеснили красных на правый берег. Закрепившись на левом берегу реки, они начали артиллерийский обстрел города. В подгорье, на станции Симбирск-1 и на Тутях возникли пожары.

Выше Симбирска Волга делала большой, вёрст до 25 на восток, поворот под прямым углом. Красные высадили с парохода на этом повороте, у Старой Майны, десантную группу из 2600 бойцов, включая пехоту, кавалерию и артиллерию. Вторую такую группу высадили в районе села Крестово Городище в 12 верстах южнее Симбирска.

Одновременно под прикрытием артиллерийского огня части Симбирской дивизии Г.Д. Гая перешли по мосту из Симбирска на левый берег.

В.О. Каппель с членами штаба Волжского корпуса

Противник не устоял, стал отходить к станции Чердаклы. В это время здесь соединились Северный и Южный красные десанты, белочешские войска были окружены. Однако каппелевцам удалось вырваться из окружения, потеряв артиллерию и обозы. Сам полковник Каппель едва не попал на станции Бряндино в плен.

В ходе дальнейшего наступления Красной Армии в октябре были взяты Сызрань, Мелекесс, Ставрополь, Самара.

«В конечном итоге, крепкой армии создать не удалось, чехословакам сражаться надоело и, вместо движения на Москву, начался общий отход, ряд неудач, – писал известный литератор А.С. Изгоев. – Так блистательно начатая операция, на которую возлагали надежды мыслящие, оставшиеся в России круги, постепенно начала сходить на нет. Единственный отряд, крепко державшийся и отступавший шаг за шагом с боем – был отряд доблестного полковника Каппеля».

Поздней осенью восемнадцатого года в заволжских степях удары

Красной Армии с трудом сдерживали потрёпанные части армии Кочуча. В районе Бугульмы, по течению реки Ик оборонительные бои вела бригада Каппеля.

«Каппелевцы признавались все-ми самой стойкой и цельной частью, они позже без перерыва защищали позиции вплоть до падения Уфы при необычайно тяжёлых условиях, почти раздетыми при сильных морозах, и своим поведением внесли не одну красивую страницу в борьбу за освобождение родины», – вспоминал очевидец тех событий.

В ноябре Уфимская директория и другие правительства Урала, Сибири и Дальнего Востока были ликвидированы, так как многовластие мешало борьбе с большевиками. Верховным правителем и верховным главнокомандующим всеми вооружёнными силами России был провозглашён адмирал А.В. Колчак, бывший командующий Черноморским флотом.

За зимний период Колчак постарался, насколько возможно, исправить «недочёты в организации и снабжении войск, подготовить для действующих армий подкрепления, которые влить в них к концу мая с целью перехода в решительное наступление».

Из Самары николаевское золото было своевременно переправлено в Омск, где оно и попало в руки Колчака. Захваченные в Казани ценности стоимостью около 700 000 000 рублей золотом оказали ему значительную помощь. Военные поставки иностранных фирм оплачивались в основном за счёт золотого запаса России. За год было переправлено за границу свыше 150 тонн золота в обмен на вооружение, боеприпасы и снаряжение.

Наступление весной 1919 года состоялось значительно раньше планируемого по настоянию представителей Антанты. 5 марта колчаковцы нанесли главный удар в направлении Уфа-Самара силами Западной армии генерала Ханжина с 1-м Волжским корпусом генерала Каппеля. Эта армия формировалась из остатков Народной армии и насчитывала 48,5 тысяч штыков и сабель. Части Красной Армии вынуждены были отойти, и 14 марта белые заняли Уфу, 5 апреля – Стерлитамак, 10 апреля – Бугульму. Казалось бы, осталось рукой подать

до Самары и Симбирска, так знакомым каппелевцам по военным действиям прошлого года...

«Поход, как известно, начат был блестяще, – писал один из белогвардейских офицеров. – Армия, пройдя более 400 вёрст в течение месяца, находилась в 60 верстах от Самары, и только весенний разлив заставил её остановиться. Последнее обстоятельство её и погубило, ибо красным удалось, сделав отчаянное усилие, собрать ударные части со всей России – прорвать фронт к северо-западу от Оренбурга и, вырвав инициативу, остановить дальнейшее наступление всей огромной армии, насчитывающей несколько сот тысяч человек».

Несмотря на весеннюю распутицу, большевики произвели перегруппировку войск и перешли в контрнаступление между 3-м и 6-м корпусами противника с целью разбить их по частям. К 4 мая красноармейцы заняли Бугуруслан, а 5 мая – Сергиевск. Одновременно Красная Армия нанесла удар в направлении города Белебей, чтобы выйти в тыл колчаковцев и нанести поражение последнему оперативному резерву белых – корпусу Каппеля. Каппелевцы с боями начали отход за реку Белую к Уфе. Стрелковая дивизия красных под командованием В.И. Чапаева, отбив контратаки противника, форсировала реку Белую и 9 июня заняла город.

Именно тогда в бою под Уфой был будто бы случай, отображённый в фильме «Чапаев» в эпизоде «психическая атака». Каппель лично вёл в атаку цепи, атакуя без выстрелов по причине отсутствия патронов. Под ураганным огнём красных, с папиросой в зубах, он картинно шёл впереди батальона, сбивая головки ромашек. «Пуля должна кланяться русскому офицеру, а не офицер пуле». Фотография Каппеля со стеклом в руках и букетиком ромашек, выглядывавшим из нагрудного кармана френча, обошла тогда многие газеты. Её сделал французский корреспондент.

1 ноября 1919 года на одном из совещаний адмирал Колчак заявил, что Омск сдан большевикам не будет. Через несколько дней главнокомандующим, вместо генерала Дитерихса, был назначен генерал Сахаров, единственный из генералов, высказавшийся за возможность обороны Омска. Однако 14 ноября Омск красные взяли.

А 11 декабря Сахаров был заменён Каппелем, получившим к тому времени чин генерал-лейтенанта.

Сибирское правительство переехало в Иркутск. 5 января 1920 года, когда адмирал Колчак был в Нижнеудинске Иркутской губернии, город заняли повстанцы так называемого Политцентра во главе с эсерами. В тот же день Александр Васильевич подписал своё отречение, передав полномочия Верховного правителя генералу А.И. Деникину.

К тому времени генералу Каппелю удалось собрать под своим командованием остатки колчаковских войск. До Красноярска отступление шло по железной дороге, передвигались эшелонами. Но затем, вследствие измены одного из своих генералов, белые были окружены и спаслись лишь тем, что обошли город, оставив красным железную дорогу. Последующий путь проходил через тайгу, по замёрзшим Енисею и Кану. Тысячами безымянных могил отмечен тот легендарный сибирский поход. Сам генерал при 40-градусном морозе провалился в полынью на ледяной реке и обморозил ноги. Около месяца после ампутации Каппель вёл свои войска, будучи привязан к седлу. При смерти он вывел белых к Нижнеудинску и умер 25 января от воспаления лёгких, передав командование генералу С.Н. Войцеховскому.

До Иркутска, где пришедший к власти Военно-революционный комитет содержал под арестом Колчака, оставалось более 450 вёрст. 7 февраля каппелевцы подошли к губернскому городу. Опасаясь прорыва их в Иркутск и освобождения «верховного правителя», ревком расстрелял Александра Васильевича.

Трёхдневные ожесточённые бои в окрестностях Иркутска ни к чему не привели. 12 февраля на станции Иннокентьевской под Иркутском, где скопилось до двадцати тысяч беженцев, командование каппелевцев устроило своеобразное прощание с желающими возвратиться на родину. Через пристанционную площадь в походном марше с развёрнутыми знамёнами и барабанным боем прошли части каппелевской армии – побеждённой, но не разбитой. Марш открыл офицерский батальон, впереди которого под развёрнутым знаменем на санном орудийном лафете везли

простой чёрный гроб с телом генерала Каппеля, покрытый широкой георгиевской лентой.

До позднего вечера через станцию шли эшелоны с войсками каппелевцев, которые направились к южному побережью Байкала. В Чите соратники похоронили генерала Каппеля с воинскими почестями.

Однако пробил час, когда каппелевцам пришлось покинуть Забайкалье и двинуться к китайской границе – в Харбин. Оставляя Читу, они захватили тело любимого командира с собой, чтобы не дать большевикам надругаться над ним.

Усталые, голодные каппелевцы увидели сытый город на полноводной реке Сунгари. Вскоре на его улицах появились вывески на русском языке, стало слышно русскую речь. Здесь вырос Свято-Николаевский собор и надгробный холм с чёрным гранитным крестом и высеченной на нём надписью «Генерального Штаба генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель». Россияне провели «на сопках Манчжурии» железную дорогу, начали выпуск журналов и газет, открыли театры и гимназии. В музее каппелевских войск хранились фотографии, документы, знамёна боевых полков.

В далёком двадцатом году белые офицеры и солдаты не дали на поругание большевикам тело генерала, пронесли его сквозь тайгу. Но в 1955-м по настоянию Советского правительства надгробие Каппеля уничтожили. А Свято-Николаевский собор взорвали для воздвижения на том месте памятника Мао Цзедуну.

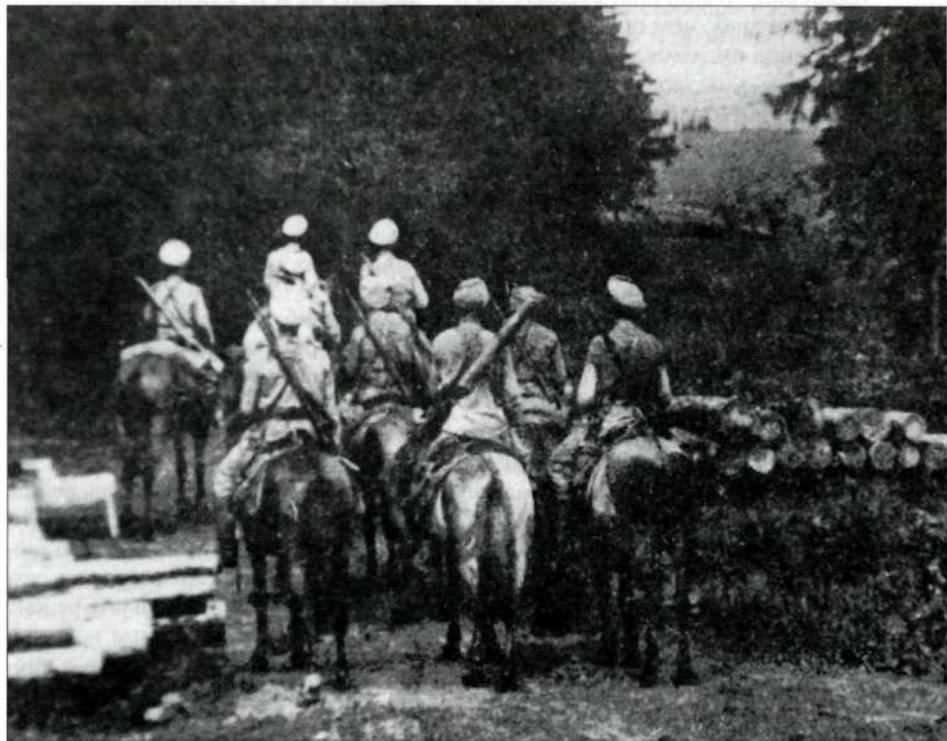
Прошли десятки лет, много воды утекло в Сунгари. В декабре 2006 года могилу генерала Каппеля отыскала российская поисковая группа, нашли её под остатками взорванного храма. Останки генерала были извлечены и отправлены из Китая в Россию.

13 января 2007 года прах генерала Владимира Оскаровича Каппеля был перезахоронен в Москве в Донском монастыре. Его могила теперь находится между захоронениями генерала А.И. Деникина и философа И.А. Ильина, останки которых были перевезены в Москву в 2005 году. Прах российских патриотов наконец-то нашёл приют на Родине. Лучше поздно, чем никогда.

Юрий Козлов

Фоторепродукции Владимира Никитина

Части колчаковской армии в походе 1918–1920 гг.

Шаг в будущее

В 1978 году Борис Иванович успешно защитил докторскую диссертацию, а в 1982 году был назначен первым заместителем генерального конструктора НПО «Энергия», которое ранее возглавлял С.П. Королёв. Теперь работа велась над созданием многоразовой ракетно-космической системы (МРКС). Ветераны предприятия настороженно встретили нового руководителя, но вскоре убедились в компетентности и решительности Б.И. Губанова, а также почувствовали в его действиях хватку С.П. Королёва и пошли навстречу его начинаниям.

Пять лет целенаправленной работы Губанова привели коллектив к победе: 15 мая 1987 года был совершён первый успешный полёт уникальной сверхтяжёлой РН «Энергия». Полученный опыт открыл путь к лётным испытаниям штатной системы «Энергия-Буран», которые готовились столь тщательно, как, наверное, ещё не проводилась подготовка ни одной системы в мире. Генеральный конструктор В.П. Глушко по состоянию здоровья не принимал участия в запуске МРКС – эти обязанности были возложены на Б.И. Губанова.

Первый полёт «Энергии-Бурана» открывал перед отечественной космонавтикой широкие перспективы. Борис Иванович с головой погрузился в проекты совершенствования системы, её вариантов меньшей и большей грузоподъёмности,

обеспечения спасения отработавших ракетных блоков с их возвратом к месту старта, экспедиций в дальний космос. Не забывал он и о подготовке второй лётной машины – для выведения группы спутников. Однако разразившаяся перестройка, развал Советского Союза, переориентация НПО «Энергия» на другие цели, среди которых не оказалось места мощным МРКС, и другие причины привели к уходу Б.И. Губанова из Объединения в июле 1993 года.

Свой уникальный опыт он обобщил в историко-техническом труде «Триумф и трагедия «Энергии». Размышления главного конструктора». В полном объёме книга вышла только после смерти конструктора. Она стала небольшим памятником большому Человеку.

Отец Бориса Губанова – Иван Павлович – был инженером-связистом, работал в разных городах, в том числе и в Ульяновске. Здесь в 1947 году Борис окончил 6-ю мужскую школу и уехал в Казань, а родители и сёстры продолжали некоторое время жить в Ульяновске. После смерти в 1966 году Ивана Павловича связь этой семьи с нашим городом оборвалась. Краевед С.Б. Петров разыскал сестру конструктора, Людмилу Ивановну, и попросил её рассказать о семье и своём выдающемся брате. Её ответное письмо с небольшими сокращениями мы предлагаем вниманию читателей.

Борис Иванович Губанов – человек-легенда, выдающийся советский конструктор, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. Его имя и труды долгое время были засекречены. В Ульяновске Бориса помнили одноклассники по мужской школе № 6 и друзья, гордились, что он стал учёным, но никто не знал, чем он занимается. А Губанов продолжал дело Сергея Королёва, участвовал в создании межконтинентальных ракет, в разработке шита страны – самого грозного на то время ракетно-ядерного комплекса.

«Очень благодарна Вам за Ваше желание увековечить память о моём брате Губанове Борисе Ивановиче и постараюсь ответить на Ваши вопросы.

В 1923 году наш отец Иван Павлович... работал на заводе «Красный Путиловец». Поступил в Ленинградский электротехнический институт связи на факультет телеграфии. В 1929 году женился на маме, и 14 марта 1930 года родился Борис. В 1931 году родилась я...

В январе 1940 года папа был мобилизован в армию. Участвовал в войне с Финляндией. Демобилизовался в мае. Затем получил назначение в г. Вольск,

а в декабре 1940 года направлен в Саратовское областное управление связи в должности начальника телеграфно-телефонного отдела. Мы переехали в Саратов. К тому времени семья увеличилась. В 1935 году родилась Тамара, в 1937 году – Зоя.

22 июня 1941 года началась война. Рядом с Саратовом находился г. Энгельс, откуда фронт снабжался горючим, поэтому фашисты старались разбомбить мост через Волгу в районе города. Начались страшные времена: бомбёжки, нехватка продуктов, а иногда и голод. Папа находился практически всё время на работе. Ответственным за семью стал Борис. Мы его

слушались беспрекословно. Во время бомбёжек он надевал полотняную сумку с документами, и мы спускались в подвал дома...

В январе 1942 года папа был назначен зам. начальника Саратовского областного управления связи. В марте 1944-го Наркомат связи командирует папу в Монгольскую Народную Республику в качестве советника министра связи МНР... Семья переехала в г. Улан-Батор. Когда Боря с мамой на другой день после приезда пошли в магазин за продуктами, они не могли поверить, что можно взять хлеба чёрного, а тем более белого, сколько угодно. Это было невероятно!

В августе 44 года Борис с сыном одного сотрудника папы собрался бежать на фронт, но, слава Богу, заговор случайно раскрыли... Отъезд из МНР был связан с ухудшением здоровья нашей мамы (она страдала болезнями сердца). Так как ей нельзя было резко менять высоту местности, то выбор пал на Ульяновск – вместо возврата в Ленинград. Папа получил назначение: начальник Ульяновского областного управления связи. В сентябре 1946-го семья переехала в Ульяновск.

Сначала нас поселили в гостинице на Венце. Борис учился в мужской школе № 6, я – в женской школе № 2, а Тамара – в 4-й школе. Затем нам выделили квартиру на ул. Радищева, дом 20, кв. 1.

В Ульяновске Борис увлекался боксом, но недолго. Большую часть свободного времени читал много об авиаконструкторах и клеил из картона и бумаги модели истребителей, а я ему помогала. Мечтал он только о поступлении в авиационный институт. Кроме того, он постоянно помогал семье, работая в огороде и по домашним делам, не гнушался мыть со мною вместе полы в квартире. Ещё он увлёкся, как ни странно, вышиванием «крестиком», но учёба была на первом месте. Борис окончил школу в 1947-м и в том же году поступил в Казанский авиационный институт, который окончил в 1953 году, был направлен в КБ «Южное» в Днепропетровск.

Конструкторское бюро возглавлял выдающийся человек Михаил Кузьмич Янгель, главный конструктор ракетно-космических систем (раньше он работал заместителем С.П. Королёва). М.К. Янгель был удивительным человеком – умный, талантливый, тактичный, скромный, общительный и доступный. Скончался академик Янгель 25.10.71. Борис с гордостью и любовью вспоминал М.К. Янгеля, ведь он был его учеником и соратником.

По совокупности работ Борису присвоили звание доктора технических наук. В августе 1976 года за участие в разработках ракет, в частности ракеты СС-18 (прозванная на Западе как ракета «Сатана»), Борис был награждён Золотой Звездой, и ему было присвоено звание Героя СоцТруда СССР. Затем стал лауреатом Ленинской премии.

Работая в КБ «Южное», он прошёл путь от инженера-конструктора до первого зама начальника и генерального конструктора КБ «Южное». В 1982 году

Борис назначается заместителем, а затем первым заместителем генерального конструктора и генерального директора НПО «Энергия» им. академика С.П. Королёва – крупнейшей организации в России в области ракетно-космической техники.

Руководил НПО «Энергия» академик В.П. Глушко. Борис с женой (Н.В. Губановой) переехал в Москву. За время работы в НПО «Энергия» Борис участвовал в создании ракетносителя «Энергия». 15 мая 1987 года с испытательного стенда космодрома Байконур был осуществлён первый пуск мощной ракеты-носителя «Энергия». Ракета стартовала с макетом «полезной нагрузки». Она была способна вывести на орбиту аппарат с массой 100 тонн. Старт был успешным, специалисты убедились в работоспособности ракеты...

И вот 15 ноября 1988 года в СССР осуществлён старт ракеты уже с натуральным грузом, кораблём многоцелевого использования «Буран». Корабль «Буран» в автоматическом режиме (без пилотов) вышел на орбиту и, облетев планету два раза, по-самолётному приземлился на специально построенной посадочной полосе космодрома «Байконур». Ракетно-космическая система «Энергия» – «Буран» до сих пор не имеет аналогов в мире. Кстати, Борис был действительным членом Международной академии астронавтики.

Разработка ракеты «Энергия» дала народному хозяйству много достижений в области создания новых материалов, в области технологий и оборудования, в области управления и автоматики. В газете «Правда» от 3.07.88 г. напечатана статья Бориса «Энергия» – к взлёту». В журнале «Наука и жизнь» за апрель 1989 г. напечатана его статья «Энергия» – «Буран» – шаг в будущее». Затем начались перестроечные времена, и положение в ракетно-космической отрасли стало тяжёлым.

И в 1993 году, как я знаю, не по своей воле Борис уходит из НПО «Энергия» и начинает работать над книгой «Триумф и трагедия «Энергии». Очень горько было знать об уничтожении ракет стратегического значения, как ржавели так и не собранные ракеты «Энергия», а космический корабль «Буран» превращён в развлекательный аттракцион. Один американский публицист сказал: «Только глупец, потратив огромные усилия и заняв лиди-

рующую позицию в какой-то области техники, может махнуть на это рукой. Государство, владеющее передовой технологией, просто обязано богатеть благодаря ей, а не разоряться». Работая над книгой, брат писал не только о развитии ракетостроения и о конструкторских разработках у нас в стране и в мире, но и о своих взглядах на события в стране, он дал оценку людям, с которыми работал и встречался. Его книга издана в 4-х томах. К сожалению, Борис при жизни увидел только сигнальный экземпляр 3-го тома.

18 марта 1999 года после продолжительной и тяжёлой болезни Борис скончался. Он похоронен на Троекуровском кладбище г. Москвы. Светлая память ему!

Брат встречался с выдающимися конструкторами и учёными: С.П. Королёвым, М.К. Янгелем, В.Ф. Уткиным, В.П. Глушко, Н.А. Пилюгиным, Г.Е. Лозино-Лозинским, В.Е. Гудилиным, В.П. Барминым, А.П. Александровым, М.В. Келдышем и многими многими другими; в том числе с иностранными специалистами: Старффордом, Дж. Томсоном, Г. Хопсоном, Мэй Макилвейном, Ч. Дарвином. Перечень этих фамилий говорит о большом объёме работ, с которыми пришлось сталкиваться ему в жизни.

После смерти папы мама, Валентина Ильинична, и моя сестра Зоя переехали из Ульяновска в Ленинград. В 1986 году мама скоропостижно скончалась. Зоя жива и проживает вместе со мной.

Тамара, средняя сестра, окончила в Ульяновске 4-ю женскую школу в 1953 году и в этом же году поступила в Ленинградский военно-механический институт. После окончания была направлена в КБ «Южное», где работал её муж. Так брат и сестра работали в одной организации вместе. Тома занималась разработками топливных баков для ракет. Имеет правительственные награды.

Я окончила Ленинградский текстильный институт, а позже – политехнический институт (СЗПИ). С 1976 года работала в ЦКБМ – центральном конструкторском бюро машиностроения.

Хочу сказать, что годы, проведённые в Ульяновске, были интересными. Город лично мне очень нравился, особенно Венец... С искренним уважением, Людмила Ивановна.

г. Санкт-Петербург, 28 мая 2010».

Шишков Владимир Иванович, уроженец Умани, принадлежит к тому поколению, которое узнало о начале Великой Отечественной сразу после получения аттестата о среднем образовании

Из Христиновки Черкасской области, где он окончил школу, Владимир был эвакуирован в Зеленодольск, но сердце его рвалось защищать родину. После окончания военного училища в ноябре 1942 года в составе 19-й Гвардейской дивизии Владимир Шишков принял первый бой в качестве командира взвода противотанковых ружей. В бою 4 января 1943 года весь взвод ПТР погиб, а сам командир был ранен и попал в плен. Дальше – госпиталь, концлагеря, работа на железорудных копях во Франции. Дважды Владимир пытался бежать, но неудачно. Лишь в марте 1945 года ему удалось выйти к союзным войскам.

После войны Владимир Шишков окончил Казанский финансово-экономический институт и до выхода на пенсию работал в различных государственных и научных учреждениях Ульяновска и Казани. Последние 14 лет занимал должность зам. директора по научной работе Поволжского филиала Государственного НИИ автотранспорта. Почётный строитель Ленинского мемориального комплекса Владимир Шишков всегда имел склонность к литературному труду. В первые годы войны вёл дневник, в мирное время активно занимался политической публицистикой, писал стихи, которыми старался помочь своим правнукам стать достойными гражданами нашей страны.

Юлия Долгова

Так начиналась война

Вторжение Дневник

14 июня, суббота

Ура! Сдан последний экзамен! В аттестате – все «пятёрки», кроме одной «четвёрки» по обществоведению, ещё за седьмой класс. В ближайшие дни: 18-го – выпускной вечер в школе, 21-го – домашнее торжество по тому же поводу, а дальше – отправка документов для поступления в институт. Примут ли шестнадцатилетнего?

19 июня, четверг

Выпускной вечер в школе: приветствия, вручение аттестатов и подарков, буфет с напитками, актовый зал с танцами... Впервые в общении с учителями не чувствуем унижительной скованности. Вчерашних учеников сегодня не узнать: парни – в строгих костюмах и начищенных до зеркального блеска ботинках, девочки – тоже в строгих и вместе с тем нарядных платьях, как-то сразу повзрослевшие от обуви на высоких каблучках... Из каждого счастье так и рвётся наружу! И каждый клянётся в верности школьной дружбе, конечно же, – на всю жизнь.

23 июня, понедельник

Война!.. Вчера писать не мог: мысли путались, чувства буйствовали. Сегодня, несколько успокоившись, попытаюсь всё произошедшее изложить по порядку.

21-го вечером собрались гости, чтобы отметить окончание школы нами – выпускниками сорок первого. Среди гостей мои школьные друзья и их родители. Взрослые гости в течение всего вечера обсуждали главный волнующий всех вопрос: будет ли война с немцами? Все были единодушны в том, что война начнётся в ближайшее время...

В воскресенье, ровно в полдень, из радиодинамика послышался взволнованный и прерывистый голос Молотова, который сообщил народу о вероломном нападении фашистской

Германии на СССР... Дома по радио услышал первые постановления правительства и ЦК партии по вопросам организации отпора врагу, скупые сообщения о наших успехах при попытке форсирования немцами каких-то водных преград... Кажется, начинают получать по заслугам, сволочи! Как всё-таки хорошо, что моё поколение станет если не участником, то хотя бы свидетелем исторического события – разгрома фашистского государства, а может быть, и создания первой западноевропейской социалистической республики! Интересно, сколько для этого понадобится времени: две-три недели, или, может быть, даже два-три месяца?

27 июня, пятница

Сегодня бомбили Христиновку. Не железнодорожную станцию, не локомотивное депо, а стоящую на самом отшибе неприметную ветлечебницу. Видимо, потому, что через дорогу от неё в поле базируется замаскированная эскадрилья наших истребителей. Прежде чем бомбить лечебницу, самолёт, выискивая цель, около получаса низко кружил над северо-западной окраиной городка. Наши истребители в воздух не поднялись. Странно, почему?.. А в домах тем часом справляют скромные и невесёлые проводы в армию. На войну!..

3 июля, четверг

По радио выступил Сталин. Призвал народ к отпору захватчикам. Больше просил, чем приказывал. Признал первые неудачи Красной Армии, но выразил твёрдую уверенность в нашей окончательной победе... Да, война, вероятно, затянется, может быть, даже на год. Хорошего в этом, конечно, мало... Но, с другой стороны, тогда и для меня увеличивается шанс повоювать... Немцы уже заняли Минск, быстро продвигаются в Прибалтике... Каждый день над городом летают немецкие самолёты, расстреливая из пулемётов железнодорожные составы, Уманьское шоссе.

Наши истребители после бомбёжки ветлечебницы аэродром оставили, увеличив уязвимость железнодорожного узла с воздуха. Тоже странно!..

9 июля, среда

Началась эвакуация допризывников. Отсрочку получают те, кто эвакуируется с родителями, а также добровольцы истребительных отрядов по борьбе с диверсантами. Мальчишки бросились на ловлю фашистских лазутчиков: шныряют по зарослям, заброшенным постройкам. Те, кто постарше, участвуют в ночных дежурствах и облавах вместе с милиционерами. Жаль, что вооружены только работники милиции, а их добровольным помощникам приходится как-то выкручиваться самим... А немец всё прёт! Бои идут уже где-то на подступах к Киеву. В Белоруссии и Прибалтике – там, кажется, совсем плохо: немцы рвутся к Москве и Ленинграду... Начался массовый призыв в армию мужчин в возрасте до 45-ти лет. Население готовится к эвакуации.

10 июля, четверг

Христиновка – небольшой городок с населением менее десяти тысяч человек. Все друг друга знают, проблемы обсуждают открыто. Как говорит моя бабушка: что в уме – то на языке, а что на языке – то на улице. А теперь, столкнувшись с бедами, разговорились, как никогда прежде. О войне, повестках, эвакуации.

– Вы своих допризывников отравили в эвакуацию? – спрашивает одна женщина другую.

– Уехали. Не послушали мать и уехали, – отвечает Роза Йоффе.

– А вы когда уезжаете?

– Моей Манечке всего шесть лет. Куда я с ней, да и зачем? Вы мне скажете, что немцы лютуют? А я вам отвечу, что всё это брехня, агитация. Немцы – это, слава Богу, культурная нация, я и с ними хорошо уживусь...

В тот же день я слышал от соседки Сони Беленькой:

– Мы с Исааком остаёмся. Куда-то ехать с маленьким Сёмочкой – это просто безумие. Исаак – хороший часовых дел мастер. А часов теперь много, и кому-то же нужно будет их чинить!..

Остаётся дома и мать моего школьного товарища Давида Шварца...

На что надеются эти бедолаги? Ведь всем известно, что в фашистских гетто и концлагерях содержатся представители «неполноценных» народов, к числу которых немцы, в первую очередь, относят евреев.

14 июля, понедельник

Сегодня отправляется в эвакуацию первый эшелон с семьями железнодорожников. Через два-три дня начнут эвакуировать семьи районных организаций. Я уеду с семьёй своей тётки. Все мужчины нашей семьи и моя мать эвакуации не подлежат и будут, если понадобится, отходить вместе с армией. Депо и станция будут взорваны, хлебное поле сожжено, скот угнан в тыл... Начинаю понимать, что эвакуация – это не прогулка, а серьёзное испытание с лишениями, а может быть, и опасностями, на целые месяцы.

17 июля, четверг

Состав из товарных вагонов подали к шести часам вечера, чтобы за ночь выбраться из зоны активного действия немецкой авиации. На перроне – уезжающие, провожающие, любопытствующие, злорадствующие, а над всем этим раздражающие душу звуки «Прощания славянки»... В вагоне темно, неуютно, даже страшно-вато. Решаюсь на то, чтобы сбежать домой и принести патефон... У дома, оставленного всего час назад, уже «ошиваются» подозрительные лица с весьма откровенными намерениями. Беру нужное и бегу обратно к поезду... У вагонов – шум, возгласы, слёзы, наставления. И через всё это пробивается незнакомая мне песня: «Жестокий враг напал... Иди, родимый мой, иди, родной!»...

Сворачиваю пиджак с хранящимся в нём только что полученным паспортом, кладу свёрток под голову и пытаюсь уснуть, чтобы скрыть набегающие на глаза слёзы...

Христиновка. 1941 год

Эвакуация Дневник

23 июля, среда

Уже почти двое суток в пути. Не столько едем, сколько стоим, пропускаемая воинские составы. Изматываю-

щая духота не проходит ни днём, ни ночью. Полегче бывает только тогда, когда стоим в каком-нибудь поросшем травой тупике, где можно выйти из вагона.

27 июля, воскресенье

В ночь с 23-го на 24-е бомбили станцию Цветково. Во время налёта двери вагонов были заперты снаружи. А если бы вагоны загорелись?.. После бомбёжки поезд тут же отправили в сторону Кременчуга, а к полудню 24-го мы уже были на левом берегу Днепра. Теперь почти трое суток снова стоим в каком-то прожжённом солнцем тупике. От жары и духоты не спасают ни ночь, ни близость Днепра... Раз в сутки на привокзальном эвакуационном пункте выдают горячую пищу. На зашлакованной площадке перед вагонами некоторые умудряются ещё что-то приготовить на костре.

31 июля, четверг

От мамы в Полтаве известий не оказалось. Город тоже готовится к возможной эвакуации. Маршрут эшелона продлён: то ли на Волгу, то ли в Казахстан... Из газет можно понять, что немцы удерживают инициативу на всех направлениях. И ещё: 22-го немцы впервые бомбили Москву.

8 августа, пятница

Приболел: продуло, просквозило. Стоим на какой-то Рузаевке. Станция, кажется, узловая. Необычен язык местного населения, красочная одежда. Кажется, это Мордовия...

11 августа, понедельник

Ура: под ногами настоящая земля – с запахом, зеленью, букашками. Мы – в деревне Ходяшево, что вблизи Свяжска... Но всё по порядку. Вчера в полдень эшелон прибыл на станцию Свяжск, километрах в сорока от Казани. А уже часа через два мы оказались в раю, каким нам после скитаний в поезде показался просторный зал ходяшевского колхозного клуба. Здесь на полу разместилось более сотни эвакуированных... Сегодня вышли на прополку овощей. Работа в поле среди зелени для взрослых и детей стала настоящим праздником... Телеграфировали в Полтаву для мамы свой адрес...

18 августа, понедельник

Вчера ездил в Казань. С волнением думал о встрече с городом Арбузова, Лобачевского, Горького, Шалапина. Вспомнил Маяковского: «Виденьем сказочным встаёт Казань – столица красной Татарии...» Увижу ли я, услышу ли в Казани тот «шурум-бурум», который когда-то поразил поэта? Город, увы, мне сказкой не показался. И никакого «шурум-бурума»: все степенно, спокойно, обычно. А татарский язык с его глухим «г» мне по своему звучанию напомнил украинский.

5 сентября, пятница

Переехали в Зелёный Дол, где тётя будет работать на фанерном заводе... Большая полупустая комната в доме барачного типа. Стол, два стула, три раскладушки. Это наше новое жилище. Лежу, болею: подозрение на малярию. Откуда эта напасть?

16 сентября, вторник

Болел две недели. Выздоровел. Сегодня вышел на работу в качестве техника-нормировщика фанерного завода: слежу за режимом сушильных печей, контролирую качество продукции, расписываюсь на каждом листе фанеры. Становлюсь поближе к настоящему рабочему классу. Нравится!

30 сентября, вторник

На субботнике по заготовке топлива для котельной кочегар Толя Шувалов, как бы шутя, произнёс: «Ты такой геройский парень, а занят женским делом. Айда ко мне в помощники!» Он, может быть, и шутил, но его слова лишили меня покоя. Я представил себя в длинном и мешковатом с чужого плеча пальто, в больших с чужой ноги вычурных и холодных хромовых сапогах... Фу, как же я должен отвратительно выглядеть! А стоит мне принять предложение Шувалова, как я тут же получу настоящую спецовку: ватник, кирзовые сапоги, а может быть даже и валенки. Да и продовольственная карточка станет более весомой... Итак, решил: иду в кочегары!

9 октября, четверг

Работа адски трудная, но теперь я чувствую себя таким же, как и все: уже не ловлю на себе любопытных

или, ещё хуже, насмешливых взглядов... А дела на фронте по-прежнему не радуют...

14 октября, вторник

Событие хорошее: приехала мама и получила назначение на работу в Васильево. Событие плохое: бросая бревно в печь, я потерял равновесие и сам полетел в топку, находящуюся чуть выше уровня пола. Падая, задержался рукой за край печного отверстия и получил приличный ожог. А мог ведь вместе с поленом скользнуть по шнуровке в самый дальний угол печи... Повезло!

26 октября, воскресенье

Прошла неделя, как мы с мамой приехали в Васильево – крупный посёлок с лесокombинатом, стекольным заводом, домом отдыха и санаторием ВЦСПС. Снимаем крохотную комнатушку. Вечером, когда за перегородкой собирается хозяйская семья, из-за тонкой перегородки раздаются чавканье и бесконечные разговоры о еде. У нас – ничего привезённого, ничего нажитого: всё, что мы имеем, так это карточки на хлеб и надежда на то, что удастся выкупить (по-здешнему – «отоварить») немного растительного масла и крупы... Зато дома тепло, очень тепло!

12 ноября, среда

Сдана Одесса. В блокаде Ленинград и Севастополь. Бои под Москвой... Парад войск на Красной площади воспринимаю как знак того, что есть ещё порох в наших пороховницах; строительство железнодорожной ветки от Свияжска в сторону Ульяновска – как веру тыла в свою армию; выступление Сталина – как веру нашего руководства в свой народ... «Братья и сёстры!.. Пусть осенят вас имена наших великих предков!.. Враг будет разбит, победа будет за нами!..» Какое обращение, какая убеждённость в нашей окончательной победе! Разве можно после этого не выстоять?

27 ноября, четверг

Уже две недели, как я работаю на почте при лесокombинате. Спецодежду при увольнении с завода сдал и теперь снова облачился в своё демисезонное, продуваемое всеми ветрами, пальто и прехолодные сапоги.

В таком виде ежедневно пробегаю по семь-восемь километров к месту работы и обратно домой. Иногда от мороза ступни ног прикипают к обуви... Уборщица, помыв полы и протопив печку, садится в уголок и молча смотрит на меня своим добрым, жалеющим взглядом. Знаю, что сын у неё на фронте. И мне становится стыдно, что я не с ним, не на фронте...

14 декабря, воскресенье

Началось наступление наших войск под Москвой! Вот и дождался мы первой большой удачи! И дальше бы так!.. Прочёл о киевском Бабьем Яре и уманьской Яме, в которых фашисты погребли десятки тысяч евреев. Неужели такая судьба постигла и Маню Йоффе, и Семю Беленького? Нет, дожидаться восемнадцати не стану: иду в военкомат!

26 декабря, пятница

Был у военкома, просился в армию. Получил отказ. Но в апреле комиссар обещал направить меня в одно из военных училищ. Вышел из военкомата и, по правде говоря, обрадовался, что никуда сейчас ехать не надо: мороз за сорок, под ногами глухими взрывами трескается земля. И так захотелось домой – в тепло!.. Новый 1942 год будем встречать в Зелёном Доле с семьёй тетки... Пусть он станет для всех нас годом побед нашей армии, а для меня – годом осуществления моей главной мечты – моей встречи с врагом на поле боя. Скорее бы!..

**Мужание
Воспоминания, 1942 год**

Товарно-пассажирский поезд медленно продвигается на северо-восток – в Удмуртию. Там, в городе Глазове, находится эвакуированное из Ленинграда Второе военно-пехотное училище, в котором мне предстоит пройти максимальный шестимесячный срок обучения... Сидя на верхней багажной полке, предаюсь мыслям. Правильно ли я поступил, когда раньше времени уехал в армию, оставил в полном одиночестве материально необеспеченную и морально неподготовленную к моему отъезду маму? О материальной стороне дела и говорить, кажется, не приходится: уж я-то знаю, что всё это время

попросту объедал мать... Единственное, что для меня так и остаётся непонятным – это, почему моя мать, женщина властная и решительная, не попыталась меня остановить в последний час: ведь она могла позвонить военкому и не дать согласие на призыв несовершеннолетнего сына. Но она этого не сделала. Почему? Боялась ранить моё самолюбие? Или так же, как и я, испытывала неосознанный стыд за то, что в этот суровый час её сын не разделяет судеб товарищей только из-за какого-то года разницы в возрасте?.. Лишь спустя много лет я понял, что в тот далёкий майский день 1942 года моя мать совершила лишённый всякого внешнего эффекта подвиг Матери и Патриотки...

Зачислен в станково-пулемётный батальон. Теперь каждый день начинается с одной и той же команды – «Подъём!». Уже через две-три минуты мы выбегаем на улицу и, стуча толстыми подошвами американских ботинок, мчимся на берег Чепцы, где после физзарядки окунаемся в холодную и быструю речную купель. Возвращаемся в расположение пулбата ещё быстрее, чтобы, не дай Бог, не выбиться из графика распорядка дня. В казарме – считанные минуты на заправку постелей, одевание и построение на утреннюю проверку. Затем по команде «Бегом марш!» направляемся в столовую (так же на обед и на ужин). Из столовой в казарму возвращаемся ускоренным шагом, и обязательно с песней. Если, по мнению старшины, поём плохо, то он заставляет нас маршировать «на месте» пока мы не «распоёмся». Потеря времени от топтания на одном месте компенсируется ужесточением на выполнение личных мероприятий и процедур...

Основные места для проведения полевых занятий – лесной массив и учебный полигон за Чепцой. Больше всего нравятся занятия в лесу: здесь можно ускользнуть от всевидящего ока взводного, немного побыть среди зелени и птиц, найти съедобную ягоду или гриб... После тридцатикилометрового марш-броска с полной боевой выкладкой мы бросаемся в быструю и холодную Чепцу, преодолеваем её «гуськом» по протянутому канату, после чего с хода вступаем в последний и, конечно же, решительный

бой с безразличными ко всему чувствами, имитирующими живую силу противника. Такие марш-броски по тревоге и зачастую ночью проводятся не реже раза в неделю...

День заканчивается ужином и вечерней прогулкой. Когда проходят строем поющие подразделения училища, рождается дух соперничества, желание спеть лучше других. И это чувство несколько не ослабевает ни от усталости, ни от дурного настроения. Наоборот: песня заставляет хотя бы на время забыть и усталость, и разные прочие неприятности... После прогулки – вечерняя проверка и отход ко сну.

...А завтра всё повторится снова, и так – все шесть месяцев подряд: подъём, построения, занятия, прогулка с любимыми песнями. И как всегда наш любимый командир роты будет встречать нас, пришедших из столовой, своими шутивными вопросами...

Незадолго до сдачи экзаменов нам объявили, что оставшийся срок обучения мы будем переподготовлены на истребителей танков. Ускоренный курс переподготовки до того нас измотал, что, когда мы за три дня до сдачи выпускных экзаменов оказались в отправляющемся на фронт эшелоне, нами такой поворот событий был воспринят как-то безразлично: «Видно, не время заниматься школярством, когда немцы вышли к Волге, и опасность нависла над Сталинградом».

...Глазов–Котельнич–Горький–Владимир... И, наконец, Москва. Всё, что было связано с Москвой, мне всегда представлялось чем-то легендарным, героическим. Как же я был разочарован, когда ничего этого в Москве не нашёл! Да и что можно было найти на огромном вокзале, где в течение нескольких часов светового дня нас успели помыть, накормить, выдать новое обмундирование, да ещё вдобавок показать кинофильм «Суворов». Вечером мы снова очутились в вагонах, а уже утром выгрузились на каком-то лесном полустанке под Калинин. В тот же день нас привезли в затерявшийся в лесу лагерь, где формировались части 19-й Гвардейской дивизии. За десять дней ещё раз пришлось переодеться в добротное гвардейское обмундирование, получить новое вооружение и недельный неприкосновенный запас

продовольствия... Затем, погрузившись в новенькие «Студебеккеры», двинулись в сторону фронта. На четвёртый день, утром, остановились у дотла сожжённой деревушки, от которой остались лишь торчащие остовы нескольких печей-мазанок. Фронт находился где-то так близко, что ощущался всем нутром... Произошло первое знакомство с немцем, правда – мёртвым. Я присел на чуть заметный снежный бугорок и поставил возле себя котелок с горячей едой. Пока доставал хлеб и ложку, снег на бугорке подтаял, и из-под него показалось тело длинноволосого немца в одном белье. Почувствовав подступающую к горлу тошноту, я взял себя в руки и доел содержимое котелка до доньшка. Доел... и ушёл в кусты, где долго и усердно освобождал свой желудок...

С наступлением темноты стали продвигаться к передовой. До утра успели занять оборону и окопаться. Утро выдалось морозным и солнечным. Нас сразу заметили и ударили по нам из миномётов. Одной из первых мин было уничтожено наше противотанковое орудие с расчётом. Но уже на следующий день другое наше орудие в быстротечном поединке с семью немецкими танками уничтожило пять из них. Я испытывал чувство гордости за своих удачливых товарищей и доброй к ним зависти...

В мелких позиционных стычках с противником прошёл ноябрь, за ним – декабрь. Появились слухи, что на фронт приехал Жуков, а это значило, что скоро будет большому сражению...

Новый 1943 год встречали с надеждами на лучшее: пили за школу нашего солдатского мужания – родное училище, за грядущие наши успехи и ратные победы; желали друг другу долгой жизни, а если, не дай Бог, смерти, то обязательно лёгкой... В будущее смотрели уверенно: чувствовали, что полоса неудач нашей армии закончилась, что война переходит в другую стадию, которая приблизит нас к окончательной победе над врагом. Залогом нашей веры были победы под Москвой и Сталинградом. И, конечно, наша воля к победе!..

Владимир Шишков

Иван Ерхов. 1948 г.

Начало войны

1941 год. Не успел сдать экзамены, как повестка в военкомат. Мне исполнилось 18 лет – надо служить родине. Предписание военкомата: никуда не отлучаться.

22 июня, воскресенье. Делать нечего. Пойду-ка я на Сенной базар. Это недалеко от квартиры. На базаре интересно, там всё время заливается саратовская гармошка с колокольчиками – заслушаешься! А рядом – патефон крутит пластинки, поёт Русланова, саратовская певица. Какое веселье! И какое тут столпотворение народа. Люди стоят и слушают. И вдруг – выступление Молотова: война! Базар в несколько мгновений опустел.

Через несколько дней военкомат призвал меня: поедете на комиссию в училище связи. Медкомиссию не прошёл из-за недостаточной устойчивости вестибулярного аппарата: голова на кресле Барани закружилась, появилась тошнота.

Вернулся в Саратов. Через несколько дней – повестка. Группа в сто человек едет сдавать экзамены в военномедицинскую академию в Куйбышев. В числе этой группы и я. Снова экзамены, как при поступлении... Всё сдал на «4» и «5». Зачислили! Ура!

Раздумья о прожитом

(Окончание. Начало см. в № 1-2011)

Я в академии. Только двоих с Германом Архиповым и взяли – из ста. Снова 1-й курс. Но уже через месяц перевели на второй курс (первый я проучился успешно в мединституте). Идёт война. Каждый штык у Родины на счету, а меня взяли и стали учить на врача. Милая Родина! Я всю жизнь помню этот твой жест...

Самарканд

После тяжёлых дорог по бескрайней пустыне Казахстана мы добрались, наконец, до Ташкента. Город меня ошеломил. Потоки эвакуированных с малыми детьми, потоки военных, группы цыган и сорвавшихся с мест евреев – всё это пронизано незаметными взорами шныряющих карманников и всяких мошенников. Вечером в садик вокзала заходить запрещалось – разденут в один миг. Грязь и неустроенность невероятная. Скученность трудно с чем-то сравнить. Всё это варилось, кишело и не думало умирать, а жило себе, как и всё живое вокруг. Жара была необычайная.

А вот и Самарканд! Можно размяться, но жарко – с непривычки в Средней Азии это чувствуется остро. Пот катится с лица постоянно. Гимнастёрки просолены потом: на них высолившиеся полоски от пота. Нас поселили в школе на Дагбицкой, что ведёт к республиканской больнице. Карантин. Питались в крепости, а позже в неё переселились. Крепость создана русскими солдатами, осваивавшими эти голодные степи и Бухарское ханство.

Кормили затирухой (вода, в ней немного муки, и всё это как-то заваривалось, получался водяной бульон). Хлеба на сутки – 400 граммов. На второе – тыква или тыква, смешанная с магаром. Это разновидность проса, но очень невкусная. Магар сами сушили, сами молотили и сами иногда варили.

Из крепости был отличный вид на Регистан. Вот уж чем не переставали любоваться. Жили на нарах в казармах. Но были простыни, подушки и одеяла. Зимой не мёрзли. Чтобы был в крепости свет, соорудили свою электростанцию на ручье, пробежавшем под стеной крепости, обращённой к Дагбицкой улице, т.е. к Регистану. Свет был свой, и это было великой гордостью академии. Электрогенератор охраняли сами: каждый день на него выставлялся пост – часовой с винтовкой. Склады внутри крепости охраняли сами: назначались часовые. Также назначались патрули по городу на каждый день. Кроме нашей академии, там была ещё артиллерийская академия и другие военные учебные заведения.

В 1942–1943 годах жили плохо: питались плохо, были очень оборваны. Помню Миронова Е.И., он всё плакал и просился на фронт, т.к. очень голодал (он погиб на фронте).

К лету 1943 года стали жить лучше. Академию принял генерал-майор Вилесов. Дали курсантский паёк: прибавили норму хлеба, масла, сахара. Жизнь взорвалась! Ходили на танцы, в оперетту, в парк. Ходили купаться на Сиаб, на Зеравшан. Любимым делом были походы в Сады Самарканда. Наедались урюка, орехов, алычи, хурмы, персиков. Это было великое подспорье для голодного желудка (узбеки разрешали есть всё, что захочешь, но уносить с собой запрещали). Ещё одна «услада» – узбекские лепёшки: мягкие, душистые, вкусные. Все деньги тратили на еду. Разумеется, мы обследовали все достопримечательности Самарканда: Регистан, усыпальницу Тимуридов и Тимура, мавзолей Шахи Зинда, обсерваторию Улугбека и многие другие места. Больше всего меня поражали сады и виноградники Самарканда: удивительные по величию, бескрайности и богатству. Всё их богатство

выливалось на базары Самарканда. Это была какая-то сокровищница Средней Азии! Всё поражало взор: овцы, ослики, горы дынь и арбузов, винограда и абрикосов, хурмы и изюма (по-узбекски «узюм»). Узбеки – народ гостеприимный и мягкий, по-своему музыкальный: едет узбек на ослике и всё время поёт. О чём поёт? О том, что видит, о том и поёт.

Многие курсанты поддались стихии любви, переженились на кухарках и официантках – около них было легче кормиться, но не только! Даже страстям Ромео и Джульетты ой как далеко до чувств наших влюблённых. Во всяком случае, это была красивая пора и красивая любовь. Словами это не опишешь. Удивительный мир молодости, забот, нужды, страстей, надежд и – неизвестности впереди. В распоряжении у влюблённых было не так уж много времени – два года. Набравшись знаний, курсанты отправлялись на борьбу с фашизмом. Многие, едва добравшись до фронта, сразу вступали в бой и погибали, как герои. А любовь самаркандских мадонн оставалась биться в женских сердцах всю оставшуюся жизнь. Это была память и надежда: «А может, ещё и свидимся». Но ромео погибали, сгорали, не возвращались...

Через всю жизнь я пронёс память о Самарканде, его гостеприимной земле, о гостеприимных людях, о ясном солнечном небе, базарах, садах, о ромео и джульеттах.

Учителя у нас были отменные: Аринкин, Рогоза, Паутов, Аничков, Шацкий, Крылов, Бутомо. Все они перечислены в справочнике, который нам вручили при выпуске из академии. Мы получили хорошие знания, дипломы и звание капитанов медслужбы (в том числе и я), а теперь – вперёд, только вперёд на врага.

В марте 1944 года я уже был в Москве. Получив предписания, разбежались по фронтам, дивизиям, полкам.

Сначала ехал поездом: разбитый Харьков, Белая Церковь, Котовск, Красные Окна. Там я высадился и дальше поехал на автомашинах до Дубоссар, Пятра, где застал «хорошенький» миномётный обстрел.

Фронт

Меня направили в 210-й гвардейский полк. Добирался, сидя в грузовике на огромных, почти в мой рост

снарядах или авиабомбах (точно не помню), и всё думал, почему так беспечно меня шофёр посадил на эти огромные снаряды и повёз к фронту вместе с этой не слишком удобной «поклажей». Доехал – не обстреляли, не взорвались.

Полк закрепился на оборонительном рубеже. Доложил командир полка подполковнику Петрову. Пошёл по батальонам. Завшивленность солдат была жестокая. Поехал к начсандиву, с большим трудом выпросил «вошебойку» – на три дня! А комполка людей не даёт: не до вшей! Вырвал два батальона. Помыли и пропустили через дезкамеру обмундирование. Дальше людей не дают. Начальник «вошебойки» заявил, что время просрочено, и уехал. Надо было задержать! Домывали людей в бочках (воду кипятили и дезинфицировали обмундирование в бочках).

По приезде на меня свалилось ЧП. Солдатам дали суп и второе блюдо из американской тушёнки. Еда – загляденье. Наелись до отвала, но вскоре начались поносы и рвота. Пищевое отравление! Что делать? Всем – апоморфин. Всем – промывание желудка с марганцовкой. Работы на два дня. Целый день «тяжёлых» возили в медсанбат, но там не хотели возиться с нашими людьми. Никто не умер. Тушёнку всю закопали в землю (ту, что не успели съесть).

Дела в полку не ладились. Помню, раз ночью нагрянул генерал-майор Серюгин, комдив. По словам очевидцев, он бил палкой штабников и их возлюбленных за «аморалку». Летом 1944 года Серюгина на должности комдива заменил полковник Пигин. Впечатления он на меня не произвёл: маленький, не генерал.

Вскоре в полк (в порядке усиления) пригнали штрафбат и ещё роту штрафников. Ребята все рослые, в плечах – косая сажень. Весёлые. Меня очень удивляло, что они так много смеются и шутят. В один из июньских дней вдруг – наступление. И где? Окопы противника в низине на левом берегу реки, а на правом берегу – вторая линия обороны немцев. На этом участке ночью началось наступление на немцев, чтобы сбросить их с нашего берега. Бой протекал в лощине, в самой невыгодной для нас обстановке. Всех штрафников побили. Ничего от этого боя не выиграла,

оборона осталась на прежнем месте. Сколько людей положили! Зачем – не понимаю.

Было это в период командования дивизией Пигиным. Серюгин бы этого не допустил. Какая бессмыслица!

Вскоре после этой операции я перебрался в 273-й гвардейский полк командиром санроты. Полком командовал подполковник Василий Васильевич Бунин, человек мягкий и, на первый взгляд, «невоенный». Но дело у него шло хорошо. Боеготовность и дисциплина были лучше, чем у Петрова.

Было лето. Теплынь. Тишина. Поспели черешня и вишня. В тёплые дни все ходили купаться на Днестр, и я переплывал реку в районе Голекани: на другой стороне созрели сливы и другие фрукты. Солдаты с миноискателями находили закопанные в землю бочки с молдавским вином, откапывали и всех угощали.

Как-то в расположение нашей санроты приехал гвардии генерал-майор П.А. Фирсов, командир 26-го гвардейского стрелкового корпуса, куда входила наша 89-я БХКСД. Я бойко отрапортовал. «Вольно!» – последовала команда. Рассмеялись. Признаюсь, мне было не до смеха: ходили легенды, что он бил командиров палками. «Не возражаешь, капитан, заберём у тебя красавицу?» Что ответишь? Он приехал, чтобы увезти врача нашего полка Зыкову. Это была его «ппж». За ней присылали машину и позднее.

Ближе к осени началась Яско-Кишинёвская операция, описанная в книге Р.Я. Малиновского «Яско-Кишинёвские Каньы». Я в ней участвовал. Приведу некоторые детали.

Наш полк брал Кишинёв. Первыми ворвались, как тогда любили говорить, солдаты 1-го батальона майора Бельского. Это было 24 августа 1944 года. После операции полк стал именоваться 273-й Гвардейский Кишинёвский стрелковый полк.

Котёл окружённых немцев был огромный. Немцев «добивали» в бою несколько дней. Очень тяжёлые были бои. Немцы, разбитые, растерзанные нашим наступлением, укрылись в кукурузе под Кишинёвом. Кукуруза в тот год вымахала в два с лишним метра. Воевать в ней очень плохо, ничего не видно. Хуже, чем в лесу. Дорого давалась нам эта кукуруза. Но котёл

образовался, и ситуация у немцев оказалась безвыходной – пришлось сдаваться. И вот от Кишинёва пошли колонны пленных немцев. У колонны не было ни начала, ни конца. Идут, идут уныло – обросшие и ужасно запущенные. Их почти не охраняли – немцы сами шли в плен: для них война кончилась. А нам ещё надо было топтать вперёд, только вперёд.

Вдоль Прута, по левому берегу, мы дошли до селения Поганешти. Остановились. Мне приказ: осмотреть пленных немцев (в плен попали не только боевые солдаты, но и полевой госпиталь) и оказать помощь. Подправили повязки, некоторым пришлось делать инъекции сердечных средств. Задача была выполнена.

После Поганешти передислоцировались в город Ковель на Украине (шли днём и ночью, по 50-80 километров за сутки) и влились в состав армии Рокоссовского. От Ковеля путь лежал в Польшу.

Польша

Мы в 5-й ударной, командующий – Н.Э. Берзарин. Надвигалась осень 1944 года – сырая, неудобная. Дождь, слякоть, сырость. Мы чистились, приводили себя в порядок. Отсыпались, отъедались, стояли в каком-то лесу. Жилось сносно.

В один из дней нас построили, весь полк. Тишина. Приказ военного трибунала: за дезертирство из рядов Советской Армии и утрату оружия рядовой такой-то именем военного трибунала приговаривается к расстрелу. Поставили солдата перед выкопанной ямой: пли!!! И расстреляли на глазах всего полка. Самое тягостное впечатление в жизни – ничего более ужасного не могу вспомнить.

Вскоре после этих событий вошли в Восточную Польшу. И все кочевали по каким-то лесам и затем переселились в польские селения близ города Седлец. Стояли там долго – до января. Научились «розуметь по-польску».

Стали готовиться к боям, перешли Вислу. В январе началась Висло-Одерская операция. Наступали с Радомского плацдарма. Шли через Жирардув, Кутно, Желязову Волю (родину Шопена), Глогау, Ландсберг (теперь это польский город, называется по-иному).

Выпал хороший снежок, всё было так бело, чисто. Катились по каким-

то очень хорошим бетонным дорогам до Одера. Под Лансбергом, недалеко от Одера, на длинную колонну без начала и конца налетел немецкий штурмовик. На бреющем полёте он враз расстрелял из пушек нашу колонну. Кругом кричат: «Ложись, ложись!» А мне некуда лечь: кругом ровное поле, покрытое белым снегом. Пока я бежал, чтобы спрятаться за повозку, штурмовик подлетел ко мне. Я вижу немца, и он видит меня. Выпустил по мне три снаряда. Один разорвался чуть выше головы, второй ниже ног, третий – на уровне груди: осколками третьего меня обдало с головы до ног. Кровь брызжет из руки, сильная струя на шею, кровь течёт по ногам. Попробовал – ноги шевелятся. Помню, я кричал о помощи, но никто не подходил. Возможно, что я только думал, что кричал, но крика не получалось. Потом подбежали сёстры и санитары. Разрезали на мне гимнастёрку, сняли валенки, разрезали брюки, и я оказался голенький на снежном поле. Шею забинтовали. Ноги и правую руку перебинтовали. Укутали меня в одеяло, дали выпить водки – и начался отсчёт пути назад, на родину.

Ехали на повозке долго. В медсанбате хирург Берёзин располосовал мне правую руку от кисти до верхней части предплечья. Удалил грязь и видимые костные осколки, руки и ноги зашинурировали, дальше – в полевой госпиталь. Ехали день. Привезли к какому-то зданию, оставили в коридоре. Наступила ночь. Вокруг – ни души. Наутро увидели, вновь перевязали, переодели в больничное. Пролежал несколько дней и поехал дальше. Долго лежал в Шверине, затем перевезли в госпиталь под Лодзь.

И вот я снова на родине Шопена – Желязовой Воле. В доме всё разбросано: здесь только что пронеслась неимоверной силы стихия наступления. Никаких реликвий, имевших отношение к Шопену, в доме не было. Участок земли, окружающий дом, – в полном запустении. Шопен – поляк до последнего дыхания. Кто хочет понять польский характер, польскую душу, должен слушать и знать Шопена. Говорить об этом можно много,

Иван Ерхов (справа) в госпитале г. Лодзь. 20 мая 1945 г.

очень много. Но что делать – «судьба зовёт» домой, на родину.

Прощайте, дружки-товарищи!

Сколько людей прошло перед глазами! Помню отличного ездового, возившего раненых под Поганешти. Поехал среди дня за ранеными. Вдруг сообщают, что его убило. «Как убило?» – спрашиваю. «Снаряд попал в повозку, и всё разнесло вдребезги!» И хоронить-то было нечего. Так погиб Василий Попов, ездовой санроты 273-го Гв. Кишинёвского полка. Всё говорил при встречах: «Товарищ командир, приезжайте после войны к нам. Уж такими калачами угощу!»

Вспоминается старший ездовой Михайлов из нашей же роты. Разбитой и умный мужик лет 50. Всё ругал меня: «Товарищ командир, лошадей ковать надо!» Отвечаю: «Так дойдём». – «Побьём ноги у лошадей-то, на чём дальше воевать будем!» Он как-то ухитрялся ковать лошадей.

Ещё один солдат вспоминается. Ездовой был неважный. Но какие сапоги мог шить! На весь полк шил офицерам. Это был Клюев. Больной, невесёлый, а сапоги тачать – великий мастер.

Теперь я от всех этих людей далеко. Приехал в Череповец, в госпиталь № 1371. Правая рука не заживала, свищ в области раны. Болел повреждённый средний нерв. Лечился долго. Демобилизовался по ранению...

Иван Ерхов

На территории Инзенского района Ульяновской области сохранилось множество храмов, которые поражают нас своей красотой и величием, но особенно выделяется среди них храм во имя Святителя Николая села Оськино, который в следующем году отметит своё столетие. Кто бы ни приезжал в Инзенский район – учёные ли со всей России, участники Ознобишинских чтений или представители региональной и федеральной власти – все стремятся попасть в храм, встретиться с настоятелем, которого многие инзенцы тепло называют «наш батюшка».

Памятник веры

Храм с.Оськино,
60-е годы XX в.

История построения храма

Село Оськино расположено в шестнадцати километрах западнее Инзы, на левом берегу одноимённой реки. Точная дата рождения села не установлена, но принято считать, что оно основано в 1671 году. Первым поселенцем был мордовский мурза Оська Кузнецов. Его именем и было названо село.

Строительство храма в селе началось в 1909 году. Строили церковь три года. Инициаторами строительства выступили местные жители, которые, не найдя одобрения в своём намерении в Пензенской епархии и у губернских властей, на приходском сходе решили послать ходоков к царю, который, вопреки всему, разрешение подписал. В 1912 году церковь отстроили, и 13 июня того же года храм был торжественно освящён архиепископом Пензенским Владимиром (Путята).

Местные жители рассказывают, что, когда задумывали построить храм, долго выбирали место. И вот однажды произошло знаменательное

событие. Одна из местных жительниц вышла на улицу и увидела, что с неба нисходит огонь. Он то опускается, то поднимается, как будто на что-то указывает. Собрались люди. Практически всё село увидело это чудесное явление, после которого вопрос, где строить церковь, отпал сам собой. Для того чтобы освободить место для постройки церкви, люди по своей инициативе перенесли свои дома на другие места. Работали всей общиной.

Многие, посещая оськинский храм впервые, задаются вопросом: не слишком ли он велик для такого села как Оськино. Храм способен вместить до двух тысяч человек – это много даже для городского храма.

На этот счёт существует легенда, которая, скорее всего, имеет реальную подоплёку. На строительство храма император Николай II выделил достаточное количество отборного леса из государственных угодий. Когда приступили к строительству храма и срубили первый венец, на крест, поставленный в основание храма,

налетел рой пчёл. Местный почитаемый старец Максим, проживавший в Пятине, посетил стройку и объяснил жителям это явление так: «Совсем скоро многие православные из соседних губерний слетятся в Оськино, как эти пчёлки». Также старец сказал, что Святитель Николай со Святого места (с. Промзино ныне р.п. Сурское Ульяновской области) придёт в Оськино. Кто тогда мог знать, что слова старца Максима станут пророческими!

Спустя всего два десятка лет храм в Оськине был закрыт. Открыли церковь в 1945 году, и больше она не закрывалась, несмотря на многочисленные попытки властей ликвидировать церковный приход.

Жители села Оськино рассказывают, что когда в храме вновь зазвонили колокола, то все жители побросали свои дела. Они падали на колени и благодарили Бога за то, что он не оставил их в то страшное время, когда практически в каждую семью пришло горе страшных потерь. Великая милость, возможность молитвенного общения с Богом многим оськинцам и инзенцам помогла укрепить духовные и физические силы. Как вспоминают прихожане, по праздникам в храм стекалось до четырёх-пяти тысяч человек из Ульяновской, Пензенской областей и Мордовии.

Годы Советской власти

Сам факт существования действующей церкви не давал покоя властям. В 1960 году в местный райисполком поступило обращение от Панциревского госплемптицеузавода, исполкома Оськинского сельсовета и коллектива учителей Оськинской семилетней школы о закрытии храма. Храму вменялся в вину срыв воспитательной работы, проводимой школой. Было даже такое абсурдное обвинение: через церковь в село заносятся страшные заболевания: чума свиней, ящур.

Благодаря сохранившимся архивным данным мы узнали о судьбе одного из настоятелей храма – о. Иоанна Янкина, который в 1937 году был арестован как активный священнослужитель. Авторитет, которым он пользовался среди местного населения, доставлял идеологические неудобства местному колхозу и Сельскому совету. Причиной его ареста стало подозрение в контрреволюционной агитации и в антиколхозной деятельности. В вину священнику была поставлена организация массовых шествий

Служба в храме с. Оськино 80-е годы XX в.

по селу в пасхальные дни 1932 года. По мнению властей, это сорвало три дня весеннего сева. Организация им жарким летом того же года молебна о дожде была также расценена НКВД как срыв колхозных работ. По таким обвинениям отец Иоанн 2 октября 1937 года «тройкой» при УНКВД по Куйбышевской области был осуждён к восьми годам лишения свободы. Спустя несколько месяцев священнику было добавлено ещё два года лишения свободы – он получил срок 10 лет. Нетрудно предположить, что стало с Иоанном Янкиным: дальнейших сведений о нём нет.

Восстановление

В 1973 году в храм села Оськино прибыл молодой священник отец Николай Шитов (ныне архимандрит Адриан), который нашёл его в крайне запущенном состоянии. В церкви протекала крыша, окна были разбиты, полы не крашены, а сам храм прокопчён гарью. Власти добивались запрета на проведение в храме ремонтных работ. Своими средствами храм не располагал, так как всё, что жертвовали прихожане, перечислялось государству, а настоятель храма считался наёмным работником с установленной зарплатой в 47 рублей.

Несмотря на все трудности, отец Николай приступил к восстановлению храма, начав с малого: вывоза мусора, отмывки стен и окон, латания крыши. Прошло семь лет, и в храме появились новые подсвечники, начала облагораживаться территория храма.

Упорство настоятеля отца Николая поражало властей. Помощь и всяческую поддержку батюшке в его стремлении привести дом Божий в надлежащий вид оказывал архиепископ Куйбышевский Иоанн (Сны-

чев), впоследствии митрополит Ленинградский. Со времени назначения отца Николая (Шитова) настоятелем храма с. Оськино архиепископ Иоанн заботился о нём и о храме, регулярно приезжая в Оськино.

В 1989 году, после восстановления Симбирской кафедры, епископ Прокл (впоследствии архиепископ Симбирский и Мелекесский), один из первых своих визитов совершил в храм Николая Чудотворца с. Оськино. Отец Николай решил, что пришло время, чтобы провести в храме реставрационные работы. Были заказаны два новых иконостаса, заново прописаны все иконы, сделано 18 киотов, приобретено четыре паникадила. Все серьёзные работы по росписи иконостасов и самого храма проводила специальная бригада Куйбышевской епархии, руководил которой необычайно одарённый человек Виктор Крутилин.

Иконы

В храме с. Оськино имеется множество намоленных икон. Здесь можно увидеть редкие иконы иллюзорного греческого письма, две иконы Иверской Божией Матери, Святителя Николая Чудотворца, «Достоинство есть», «Скоропослушницу». Перечисленные иконы были написаны в конце XIX–начале XX веков. В храме имеется икона святого Блаженного Андрея Симбирского, написанная в последние годы XX столетия в старом рублёвском стиле. В иконе хранится частица мошей этого святого.

Благодаря стараниям архимандрита Адриана и его предшественников, здесь можно встретить иконы из других храмов Ульяновской области, закрытых в XX веке: «Христос и дети», «Знамение Божией Матери» (особо

редкая), «Спорительница хлебов» (была написана на средства, собранные жителями села Заречное (Бештановка) Барышского района в 1920-е годы с молитвой об избавлении от голода, поразившего в те годы Поволжье) и другие иконы.

Многим инзенцам посчастливилось собственными глазами видеть, как в храме с. Оськино мироточили иконы. Первый раз чудо случилось зимой 2006 года во время всенощной службы. На распятии, что стоит возле престола в честь Покрова Пресвятой Богородицы, на ногах Иисуса Христа прихожанки заметили выделяющиеся капли жидкости, похожие на масло.

Во второй раз чудо явилось также неожиданно в ночное пасхальное богослужение в мае 2008 года. Прихожане увидели, что из трещин иконы «Достоинство есть» выделяется миро.

В третий раз чудо свершилось во время принесения в храм чудотворной Жадовской иконы Казанской Божией Матери. В этот день замироточили две иконы: Димитрия Солунского и пророка Илии. Свидетелями свершившегося чуда стали учащиеся и преподаватели Оськинской школы, находившиеся в храме на молебне по случаю завершения учебного года.

Во всех трёх случаях иконы мироточили по три дня. Настоятель храма архимандрит Адриан считает, что подобное чудо не что иное как знак Бога о том, что Он слышит молитвы верующих.

Газификация храма

Со дня построения храм имел печное отопление. Протопить такой большой храм было очень сложно.

В 2007 году началась газификация села Оськино, при этом выяснилось, что когда заказывали проект газификации села, подведение газопровода к храму включить забыли. Настоятеля и прихожан это очень огорчило, так как храм не располагал средствами на проведение этих дорогостоящих работ. Как раз в это время в Инзенский район с рабочим визитом приехал губернатор Ульяновской области С.И. Морозов. Встретившись с настоятелем и поговорив о проблемах храма, он поручил оказать помощь в газификации церкви, что и было сделано в скором времени на личные средства губернатора и других благотворителей. К храму был подведён газопровод, построена модульная газовая котельная. С.И. Морозов помог в газификации и в ремонте

крыши храма. За это ему благодарен не только батюшка, который молится за него и его семью, но и все прихожане.

Настоятель и созидатель

Нынешний настоятель, архимандрит Адриан (Н. Шитов), служит в храме почти 40 лет. Окончив Московскую духовную семинарию, отец Адриан был рукоположен во диакона, а 1 июля 1973 – во священника. С 9 июля он – настоятель Никольской церкви села Оськино. Архимандрит Адриан является членом Епархиального совета, членом строительно-реставрационной комиссии и благочинным 5 округа. Награждён многими орденами Русской Православной Церкви, а также орденом Дружбы Народов.

Сам батюшка является человеком скромным и не любит рассказывать о наградах, которые заслужил по праву. Своей самой большой наградой в жизни он считает то, что именно его сподобил Бог быть многие годы хранителем чудотворной Жадовской иконы Казанской Божией Матери.

В 2006 году архимандрит Адриан инициировал создание в Инзе детской воскресной школы. Н.А. Петрякова, в то время руководитель города, выделила помещение, отремонтировала и приобрела необходимую мебель. Светлая задумка батюшки дала результаты. Еженедельно в Воскресной школе собираются ребяташки, которые приобщаются к основам православной культуры. В стенах школы батюшка встречается с участниками Инзенского православного молодёжного движения, с учащимися школ и студентами Инзенского техникума.

Сегодня, благодаря многолетним стараниям архимандрита Адриана, храм во имя Святителя Николая Чудотворца – один из самых почитаемых и посещаемых. Батюшка снискал уважение и любовь тысяч людей. Трудности, с которыми он столкнулся в жизни, закалили его, но не заставили очерстветь его сердце. Он всегда прост, приветлив и добродушен.

У храма много проблем и нужд. Самая большая мечта архимандрита Адриана – приобрести церковную звонницу, чтобы окрестности села когда-нибудь наполнил чистый святой звон! И даст Бог, прихожане храма не останутся в стороне от помощи в этом богоугодном деле!

Роман Зяятдинов

Фото автора

Храм во имя Святителя Николая
села Оськино
после реставрации

2 марта 2011 года ушёл из жизни Евгений Зиновьевич Мельников – известный российский писатель, автор нескольких сборников стихов, романов и повестей, опубликованных в Москве и в Приволжском книжном издательстве: «Подземная вода», «Я вас любил», «Угол прицела», «Метеорный дождь», «Второе дыхание», «Тень аиста», «Шаровая молния» и других. Евгений Мельников в 1991–1997 годах руководил Ульяновской областной писательской организацией. 21 декабря этого года ему исполнилось бы 65 лет.

Евгений Мельников:

«Я убеждён,
что
культурный
человек
сделает
меньше зла»

Фото Сергея Ершова

Предлагаем познакомиться с интервью, которое записала журналист Людмила Дягилева на творческой встрече с Евгением Мельниковым в библиотеке № 12 8 февраля 2008 года.

– Евгений Зиновьевич, в 1970-х годах я прочла ваш роман «Угол прицела», читала ваши статьи в местных газетах, бывала на творческих встречах с вашим участием. В те годы ваше имя было на слуху. Интересно, с чего всё началось...

– Родился я в Сибири, в Забайкалье, на родине отца. Потом родители переехали на Украину, в г. Ровно. Отец прошёл войну, работал прокурором, был убит бандитами. Мать работала в столовой, оставляла нас одних, порой просила соседей покормить нас. Оставляла им еду, платила за это. Трудно было без отца.

– Что делает нас либо «физиками» либо «лириками»?

– Думаю, что где-то на генном уровне я был «лириком», но вначале это никак не проявлялось. Учился я плохо, а литературу вообще не любил. И за грамотность меня поругивали. Всё изменилось с приходом нового учителя литературы. Вот она,

роль педагога. Как-то он отметил моё сочинение «Мой Пушкин», назвал его лучшим. Сейчас вспоминаю, что же в том сочинении было особенным, вроде бы просто сел и написал то, что думал. А думал-то я в то время уже иначе, чем год назад: учителю литературы удалось вдохнуть в меня интерес к литературе. Именно в это время я стал писать стихи. Тот же учитель занимался со мной и русским языком. Помню, какую радость вызывали у меня его скупые похвалы. Встреча с этим человеком сыграла большую роль в моей жизни. После школы я поступил в институт, стал заниматься в театральной студии, даже сыграл в каком-то спектакле. Записался в секцию по фехтованию, стал перворазрядником. Искал себя. Стихи писал. Как-то послал несколько штук в газету «Литературная Россия». Одно напечатали.

– Загордились?

– А почему бы и нет. Ведь это была такая удача! Как-то сразу же после этого мне предложили перебраться в Россию. Перевёлся в Ульяновский пединститут, сразу же на второй курс. На курсе были в основном девчонки. Парней – трое: я, Володя Дворянский и ещё один парень. Одна из девчонок как-то сразу пленила меня. Людмила

Ткаченко была родом из Куйбышевской области. Красивая неизменно. Черноглазая. Черноволосая. А как танцевала! Я называл её панночкой, охапками рвал для неё сирень. Покорил я её. Посвятил свой второй сборник стихов «Я вас любил».

Свадьбу помог сыграть секретарь Союза писателей Карпенко. Я был счастливейшим человеком, боготворил свою панночку, что только ей в ту пору не покупал: шубы, украшения. Деньги в ту пору у меня были. Но счастье было недолгим: её увёл от меня Костя Иванов. Я переживал, стал выпивать. Сумел создать вторую семью. У Людмилы с Ивановым тоже что-то не сложилось, она звонила мне, хотела вернуться. Но я не захотел что-то менять, у меня и у Светы уже было двое детей. А потом я узнал, что Людмила Ткаченко погибла.

– Из вашей повести «Угол прицела» знаю, что вы служили в армии.

– Недолго, всего год. Это было после того, как мы с Володей Дворянским поработали в таджикском городе Куляб. Да-да, в такую даль нас распределили после окончания института. А уже оттуда призывали в армию. Так мы с Володей стали лейтенантами.

– *А как вы оказались в театре? Расскажите об этом периоде.*

– Вернувшись в Ульяновск, я устроился в драматический театр, заведовал литературной частью. Люда к тому времени окончила институт и работала в экскурсбюро. Мы стали заниматься в театральной студии, где я, как помню, исполнял все «главные» роли, типа «кушать подано». Этой студией руководил муж режиссёра нашего театра Ефремовой. Нам с Людой дали квартиру в так называемом «кошкинском доме», правда, с подселением, что создавало свои проблемы.

– *Начало 70-х – это расцвет творчества?*

– Из театра я ушёл в редакцию «Ульяновского комсомольца». Начиная при Левине, дольше всего работал с Геннадием Дёминым. Оттуда перевёлся в Приволжское книжное издательство, где работал старшим редактором. В это время начал работать над романом «Угол прицела». Я хорошо знал, о чём писал, и я был искренен – этим и объясняется, наверное, его успех. Работал над романом, когда у нас с Людой уже был сын. Как сейчас помню, одной рукой качалку качаю, другой – пишу. Написал, отправил в журнал «Волга». Редактором был Николай Шундик, который роман одобрил. А Григорий Иванович Коновалов сказал, что об армии книг мало, а уж об интеллигенте в армии – тем более.

Книгу отметили на всесоюзном комсомольском совещании. Этим романом заинтересовался один сценарист, который попросил меня переделать время года – зиму на лето: мол, зимой фильм снимать сложнее. Я почему-то заартачился, отказался. И фильм не получился.

– *А как потом складывалась творческая жизнь?*

– В 1982 году написал повесть о тренере Виннике. Семь лет я был секретарём Ульяновской писательской организации. А в 90-х остался без работы. Тяжёлое было время. В газеты не брали: там не нужны писатели. И я ушёл в дворники. Работал пять лет и не жалею об этом. С тех пор люблю осень и начало зимы. Об этом периоде своей жизни я написал роман. Правда, он никого не увлёл.

– *Но книги-то выходили! «Тень аиста», «Шаровая молния», а в начале 1990-х – сборник стихов «Я вас любил».*

– «Тень аиста» опубликовали в Саратове. «Шаровая молния» – повесть о человеке трагической судьбы. Я его хорошо знал, это был мой свёкор-фронтвик. Эту повесть мне удалось издать.

– *Знаю, что в Вашем столе лежат написанные и подготовленные к печати романы. Давайте назовём их, может быть, сумеем привлечь к ним внимание.*

– «Мамочка, роди меня обратно» – это роман о нашей писательской организации. Умирает писатель, смерть которого кажется всем странной. Главный герой начинает разбираться. Кстати, этот образ списан с Благова. Роман этот объёмом в 400 страниц так и не был опубликован. Второй роман «Любовница Иуды» – философский, не скрою, есть в нём многое от Булгакова. Предложил издательству «Дрофа» в Москве. Приняли, пообещали напечатать, но что-то разладилось. Третий роман «Домовой» – мистический, самый дорогой для меня роман. Год работы, объём 500 страниц. Это сплав фэнтэзи, детектива и современности. Действие происходит в дворянской усадьбе, бывшем имении потомков Бейсовых. Ввёл в действие икону, которая стоила огромных денег, поэтому сюжет вертится вокруг её поисков. Главный герой после перестройки работал в мэрии, сделал бывшую дворянскую усадьбу своим имением, где хотел продолжить свой род.

В романе «Грим на любви» я использовал образ бывшего режиссёра нашего драмтеатра Веры Андреевны Ефремовой.

– *Не слишком ли смело вы поселяете в свои романы реальных людей?*

– А вы думаете, другие писатели всё время выдумывают? Хочет того писатель или нет, он неизбежно пользуется отходами своей жизни.

– *Болезненный вопрос: как издать то, что написано?*

– Время такое. Сейчас вся литература сконцентрирована в Москве и в Санкт-Петербурге. Можно печататься и в провинции, но там уже всё зависит

от губернатора. В Москву высылаю рукописи – ни ответа, ни привета. Единственный выход – печататься за свои деньги. Но денег у меня нет. Многим помогают спонсоры. Опять же надо просить, а я этого делать не умею. А ведь жить-то как-то надо. Об этом же когда-то написал Ярослав Смеляков: «И вроде стыдно жить стихами, а жить уже нельзя без них».

– *Евгений, что ещё, кроме писательства, греет душу?*

– Недавно вспомнил увлечение ранней юности – в Ровно я занимался рыбалкой – и решил заняться ею и здесь. Всё-таки живу на Волге. Увлёкло страшно. Рыбалка – это выход из тоски бесплодной. Чем ещё увлекаюсь? В детстве хотел быть художником. На гитаре играл, любил петь, голос даже хвалили, но порой орал так, что бабка на печи вскрикивала. В юности увлекался спортом. Признаюсь, любил выпить. Это беда творческих людей. Пьянство – страшная сила. В последнее время стал верующим. Захожу в церквушку, что недалеко от моего дома. Прогуляюсь до неё и словно молодею. О чём молюсь? Я христианин, а значит, неудачник. Совестью торговать не умею. Хотелось бы удач в деле, которое когда-то выбрал, да вот не получается. Да что это я за писатель такой? Правда, первый мой сын гордился мной.

– *Наша сегодняшняя встреча состоялась в библиотеке. Мне всегда интересна роль библиотеки и вообще книги в судьбе творческого человека.*

– В детстве своих книг особо-то и не было: после смерти отца мы жили бедно. Поэтому в библиотеку я ходил. Меня волновал запах подержанных книг, он какой-то особенный. Очень любил сказки. Читал их за поями. Может, поэтому я до сих пор верю в сказку, которая может со мной произойти. Став постарше, полюбил Паустовского, Чехова, Достоевского, Толстого, Булгакова. Помню, уже в Ульяновске, влюбившись в свою панночку – Людмилу Ткаченко – целыми днями просиживал с ней в Карамзинской библиотеке. Думаю, что библиотека сегодня – один из оазисов культуры. Я убеждён, что культурный человек сделает меньше зла.

Из тьмы к свету

Другой город

Траектория ВЕСНЫ

Одна из недавних выставок картин Марии Бычковой (на фото) названа «Траектория весны». Название символично: поиск ульяновской художницы – особенный, неповторимый, как полёт весны, каждая выставка – яркое событие. Недаром Мария Бычкова уже участвовала в престижных выставках: «Молодые художники России» (Москва), «Молодость России» (Саратов), «Большая Волга-2008» (Чебоксары). Под впечатлением необычных картин мы попросили Марию рассказать о себе.

3-й класс Рызейской начальной школы. 1935 г.
Л.Е. Осипова с сыном Юрием на руках (во втором ряду третья справа)

«Его возвращение не может быть вредным»

Мой дед был и навсегда останется для меня примером трудолюбия, честности и порядочности. Эти его качества мне всячески старались привить мои мать, бабушка и тётки, его дочери.

Авторитет деда среди крестьян села Эзекеево, где он служил священником, был очень высок. Это видно из характеристики, которую дали ему граждане села.

«1930 года, июля, 13-ого дня.

Мы, нижеподписавшиеся, граждане с. Эзекеево, Николаевского района, Сызранского округа, Средне-Волжской области выдали настоящую характеристику священнику нашей церкви Степанову Евдокиму Степановичу в том, что он в нашей церкви служил с 1905 по 1929 гг. Всего 24 года. За время своей службы вёл себя среди населения хорошо.

В чём-либо плохом замечен никогда не был. Выступлений против Советской власти с его стороны никогда не замечалось.

Основным его занятием было сельское хозяйство и пчеловодство, а исполнение обязанностей священника было второстепенным. Надел земли на свою семью обрабатывал своим личным трудом, и наёмные силы никогда в своём хозяйстве не применял. Происходит из крестьян-инородцев – чуваш.

В 1928 году, в сентябре месяце 26-ого дня, в с. Эзекеево произошёл

пожар – сгорел дом партийца Ахримова Андрея Сидоровича, который в поджоге своего дома заподозрил священника Степанова, не имея на то никаких оснований и улик. В результате священнику Степанову присудили два года и шесть месяцев тюремного заключения... Впоследствии Степанова во время разгрузки тюрьмы из тюремного заключения выслали на вольную ссылку на 5 лет в пределы Северного края.

Мы, граждане с. Эзекеево, заверяем, что поджога со стороны священника Степанова не могло быть, а подозрение партийца Ахримова вызвано просто личными счётами.

На основании вышеизложенного полагаем, что священник Степанов незаслуженно выслан в пределы Северного края и его возвращение не может быть вредным, в чём и подписываемся.

Далее – 136 подписей. Внизу стоит подпись председателя сельсовета Арескина.

Возможно, благодаря этому ходатайству судьи УКК Северкрайсуда 2 ноября 1931 года отменили Постановление разгрузочной комиссии и 25 ноября 1931 года дед получил свободу. Находился он в ссылке с 30 января 1930 года в посёлке при ж/д станции Плесецкая, работа на лесопильном заводе.

Вернулся дед «к разбитому корыту», семья была «в разбросе, дом,

пчёлы, сад и скотина пропали дарма» (из письма деда братьям в Нижарово). Вначале он работал на Эзекеевском участке Поспеловского шпального завода, а затем священником в селе Живайкино Барышского района. В 1933 году поехал на родину, в дороге заболел, а по приезде в Нижарово ушёл в мир иной. Земляки его похоронили со всеми почестями в ограде действующей тогда церкви в соседнем селе Шумкус...

Когда деда посадили в тюрьму, его жену, мою бабушку, намеревались сослать, но воспротивился председатель сельсовета Арескин Захар Иванович. Он посоветовал бабушке, чтобы не оказаться в ссылке, уехать из села. Снабдил её соответствующими дорожными документами, хлебом и повозкой до станции Никулино. Так жена опального священника и его дочь Люба оказались в Сызрани, где и пережили «грозные» дни у свекрови дочери Надежды.

Всю оставшуюся жизнь Софья Стефановна прожила в семье дочери Любви, помогая ей воспитывать детей и вести домашнее хозяйство. Работала в колхозе – пекла хлеб для колхозной столовой, шила простенькие одеяния для сельчан. Ушла она из жизни в 1958 году, в возрасте 85 лет.

А как оказался дед в Эзекеево? Он родился в 1873 году, в крестьянской семье, в с. Нижарово. Теперь это Чувашская республика. Ему удалось окончить Казанскую духовную семинарию, после чего он стал работать учителем в Ерёмкинской сельской школе Старо-Рачейской волости Сызранского уезда Симбирской губернии (ныне это Теренгульский район Ульяновской области). А с 1896 года – школьным учителем сначала в с. Лукино (ныне села уже нет), потом в с. Поповка (ныне Майнский район).

Мать его жены Софьи Стефановны Александра Фёдоровна Родникова была в родстве с настоятельницей Симбирского женского епархиального училища Глафирой Ивановной Лавровой и другими священнослужителями губернии. Поэтому после рождения у Степановых дочерей – Веры в 1898 году и Надежды в 1902 году –

они уговорили Евдокима Степановича стать священнослужителем. Ему дали приход в с. Эзекеево. Статус священника позволил обучать дочерей в епархиальном училище за счёт епархии (ныне один из корпусов областного госпиталя ветеранов войн).

Вера окончила училище в 1917 году с Золотой медалью, а Надежде удалось окончить только 6 классов, так как в 1918 году училище было закрыто. Тогда обе дочери вернулись в Эзекеево. Судьба их была нелёгкой.

Старшая Вера в Пospelовке вышла замуж за волостного военкома Локоткова Михаила Фёдоровича, крестьянского сына из села Рызлей (ныне Николаевский район), активного участника установления Советской власти в Сызранском уезде Симбирской губернии. После окончания юридической школы он работал в органах прокуратуры во Фрунзе (ныне Бишкек), Уфе, Ростове и, наконец, в Оренбурге помощником областного прокурора. Здесь в 1937 г. трагически закончился его жизненный путь...

После этого тётё Вере пришлось пробыть восемь лет в исправительно-трудовом лагере возле ж/д ст. Потьма в Мордовии. Там же были жёны Тухачевского, Уборевича, Гамарника и других руководителей...

Они шили солдатское обмундирование. Труд в швейной мастерской и на подсобном хозяйстве тётю Веру не тяготил. Труднее было переносить несправедливость и окружение завистниц, доносчиц, ябедниц, лентяек, склочниц.

После смерти в 1952 году её второго мужа Храмова Кузьмы Дмитриевича, бывшего директора Елшанской НСШ, Вера жила в маленьком домишке в с. Елшанка на скромную пенсию, назначенную ей «по случаю потери кормильца», пускала на квартиру одиноких учительниц, пользовалась от школы дровами. Сёстры и мы, племянники, навещали её, помогали по хозяйству...

Тётя Надя в 1926 году окончила Сызранское педучилище и стала работать в начальной школе с. Усолье Шигонского района, а затем в с. Самайкино Новоспасского района. Её муж, однокашник по училищу,

открыто поддерживал Чапанное восстание крестьян в Шигонском районе Самарской области, за что его привлекли к уголовной ответственности, после чего его следы «затерялись». Такая «вольность» Девятова Кирилла Григорьевича сказалась на судьбе жены. После его ареста тётю Надю неоднократно собирались выслать, но каждый раз её спасали местные жители. Преследование тётю прекратилось, когда она вышла замуж за вдовца Ивана Петровича Горина, взвалив на себя роль неродной матери троих его сыновей. С 1946 года и до пенсии она работала в селе Репьёвка Новоспасского района, занимая должность завуча и директора школы.

Не из лёгких была судьба третьей дочери деда, моей матери Любви, 1908 года рождения. В 1927 году она закончила школу второй ступени в селе Топорино (ныне Николаевский район), а в 1941 году сдала экстерном педдисциплины в Кузнецком педтехникуме.

В 1931 году вышла замуж за слесаря паровозного депо ст. Сызрань Петра Ивановича Осипова. Его предки происходили из крепостных крестьян. Когда-то его прадеда и прабабушку помещик продал за собак купчику из Сызрани. Кличка «проданные за собак» долго «висела» за моими ближайшими предками...

Навещая сестру Марию Сызранскую в Ташкенте, мой отец заболел и ушёл из жизни. Оставшись без средств к существованию, мать переехала в Эзекеево. По рекомендации старшей учительницы села Флены Ивановны Муравьёвой её назначили

рядовой учительницей в Рызлейскую школу, позже она работала в школах Елшанки и Фёдоровки. В 1937 году её перевели заведующей начальной школы деревни Булгаковка Николаевского района. Здесь она работала до пенсии, научив писать и читать три поколения односельчан. В начале 1942 года пропал без вести под Москвой мой отчим Сазонов Павел Петрович. Остались без отца мои сводные малолетние брат и сестра...

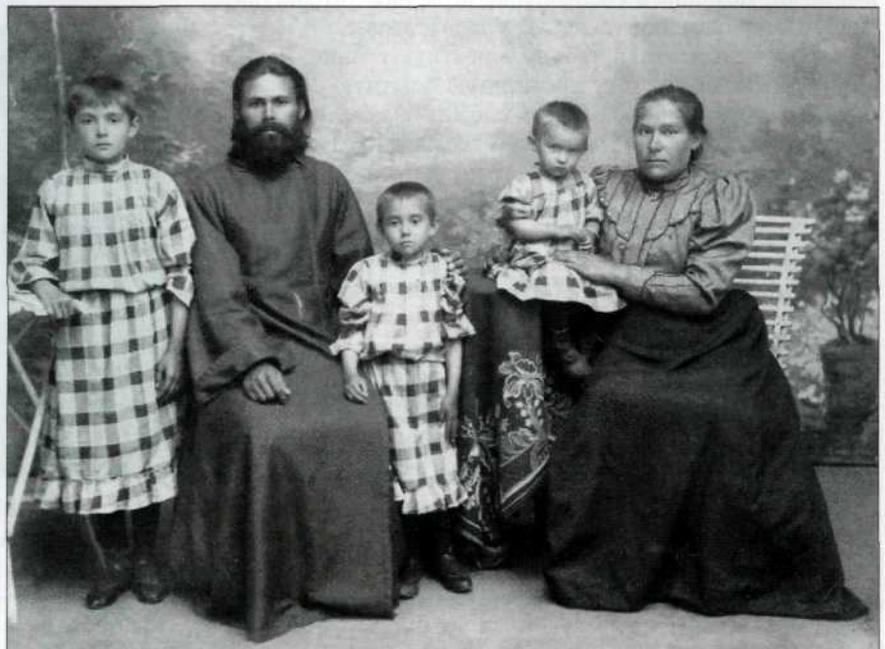
Менее драматичной была судьба самой младшей дочери деда, Марии, 1914 года рождения. Ей не удалось получить даже неполного среднего образования.

Вначале она работала в лесхозе – собирала живицу, а затем жила в семье старшей сестры. Вслед за мужем её забрали в армию. Муж вскоре погиб, а она до конца войны служила в зенитной батарее по охране военных объектов в прифронтовой полосе. Победу встречала в Румынии. После войны работала в колхозе в д. Булгаковка. Сначала была учётчицей, а затем заведовала птицефермой. Один или два раза избиралась депутатом Ульяновского областного Совета депутатов трудящихся.

Тяжёлая жизнь не ожесточила дочерей деда. Сёстры жили дружно. Ежегодно 30 сентября чаепитием отмечали День своих святых – Софии, Веры, Надежды и Любви. Так уж получилось, что на закате жизни они снова оказались вместе в Булгаковке Николаевского района, где и покоятся на местном кладбище, рядом со своей матерью.

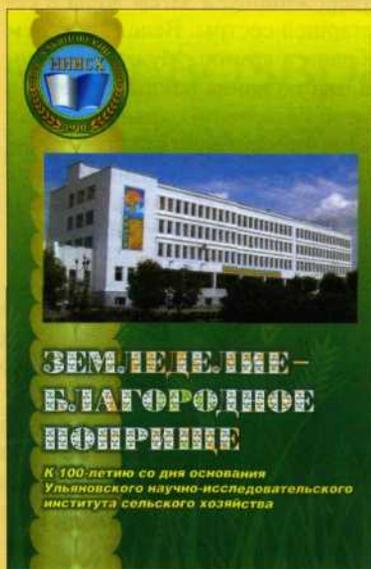
Юрий Осипов

Евдоким Степанович Степанов и его жена Софья Стефановна с дочерьми: Верой, Надей и Любой. 1910 г.

Вековой юбилей Ульяновского НИИ сельского хозяйства

Ульяновские краеведы, учёные, студенты получили хороший подарок: книгу «Земледелие – благородное поприще», изданную к 100-летию со дня основания Ульяновского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Автор-составитель – Владимир Александрович Гуркин. Двести сорок лет назад учёные составили полное научное описание флоры и фауны, а также перечень способов ведения хозяйства в нашем крае.

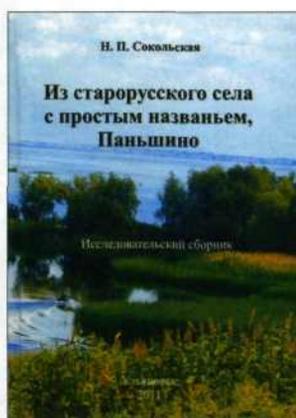

В апреле 1910 года на средства Симбирского уездного земства возле села Новый Урень на площади 253 га было организовано Симбирское опытное поле. Перед новым научным учреждением стояли задачи: оценить эффективность приёмов ведения сельского хозяйства, вывести лучшие сорта семян, приспособленных к местным климатическим условиям, и снабдить ими крестьян.

Уже в первые годы научно-производственной деятельности Опытное поле добилось хороших результатов. В губернии стали проводиться сельскохозяйственные выставки, появилась специальная аграрная литература. В 1920 году Опытное поле было преобразовано в Ново-Уренскую сельскохозяйственную опытную станцию, позже – в Ульяновскую государственную опытную сельскохозяйственную станцию. Здесь сложился коллектив ярких учёных, растениеводов, земледельцев, селекционеров, практиков. Это Виталий Архипович и Маргарита Ивановна Потушанские, Галина Ивановна Воловяшко, Борис Андреевич Александров, Николай Сергеевич Немцев, Анвар Гумерович Галиакберов и многие другие. Этим людям мы должны чтить так же, как чтим великих земляков.

Предлагаю организовать в летний период экскурсии школьников старших классов на опытную станцию, чтобы молодые люди познакомились со знаменитым НИИ сельского хозяйства. Кроме того, надо подготовить и издать книгу о наших учёных, внёсших вклад в развитие сельского хозяйства.

Рудольф Азбукин

Сокольская Н.П. Из старорусского села с простым названием, Паньшино. Исследовательский сборник. – Ульяновск: УлГТУ, 2011. – 264 с.

Документальная хроника из старинных книг, архивов, географических карт. Автор – внучка коренных жителей села Паньшино М.Ф. Соколова и С.Е. Щепалина – выбрала доверительную форму беседы с читателем, достоверно и глубоко представила историю родного села. Общественное и личное слиты здесь воедино. Книга адресована широкому кругу читателей.

Лютов Л.Н. Власть и общество в годы НЭПа (1922–1929) через призму настроений провинции. (На материалах Симбирского-Ульяновского Поволжья). – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2010. – 448 с., илл (14).

В монографии на региональном уровне на основе архивных материалов и периодической печати исследуются настроения рабочих, крестьян, интеллигенции, молодёжи в связи с изменением внутренней и внешней политики, осуществляемой комвластью в годы проведения нэповских либеральных реформ (1922–1923), их торможения (1924–1926) и свёртывания (1927–1929), а также влияние комвласти на эти настроения.

Колесов А.М. Ласточки над заводом. Стихи и песни разных лет. – Ульяновск: ОАО «Областная типография «Печатный двор», 2010. – 152 с.

В книгу вошли стихи и песни разных лет Александра Михайловича Колесова. В них выражены любовь к симбирской природе, тяга к необъятным просторам полей и лугов, к несказанной красоте лесов и рек, уважение к рабочим профессиям, к родному Ульяновскому автомобильному заводу, с которым тесно связана жизнь автора.

(выходит четыре раза в год)

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Художественный редактор

Т.А. Мельникова

Ответственный редактор

Л.С. Янушевская

Менеджер по распространению

Н.Ю. Рачкова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

Т.А. Громова

В.В. Матвеева

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

Е.Н. Сергеева

Учредитель:

Департамент массовых коммуникаций

Ульяновской области

Издатель: ОГУ «МедиаЦентр»

Адрес редакции:

432063, г. Ульяновск,

ул. Пушкинская, д. 11

Тел: 30-17-70

www.monomah.sis.net.ru;

e-mail: monomahh@gmail.com

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы

по надзору в сфере связи

и массовых коммуникаций

Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00029 от 25.09.2008 г.

Цена свободная

Подписано в печать 23.05.2011 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 2000 экз. Заказ № 2319

Набор и вёрстка заказчика

Вывод фотоформ и печать

ОАО «Димитровградская типография»

433504, Ульяновская область, г. Димитровград,

ул. Юнг Северного флота, д. 107

Подписной индекс 73844

На 1-й стр. обложки – коллаж из фотографий

Владимира Никитина;

на 4-й стр. обложки – фото Сергея Ойкина.

На 1-й стр. – фото Владимира Никитина.

В номере:

Когда же основан Симбирск?.....	2
Н. Казаков. Летописи говорят.....	3
Д. Козловская, Д. Смирнова.	
Река священнойшая в мире.....	6
А. Парпара. Этот путь через Волгу	8
Л. Янушевская. Генетическая ностальгия	10
О. Туркина. Незаслуженно забытые Ухтомские.....	11
О. Гославский. «Вам надо писать лет пять без передышки».....	14
В. Шкунов.	
Блеск и нищета княгини Радзивилл.....	16
Г. Челноков. Иван Гончаров: «Не в моём характере поучать кого бы то ни было».....	18
Ж. Трофимов. Сердце Гончарова «отдавалось тогда Карамзину».....	21
В. Каменев. Символический «Обломов»	24
Н. Шинкарова.	
Содружество «малых» музеев	27
Д. Корепова. Перья всякие нужны.....	28
Людей, не уважавших его, встречать не приходилось.....	30
«Цветущая» коллекция	32
Я. Щедров. Любимый театр – юбиляр	34
И. Морозова. Когда люди были добрее.....	38
Е. Сергеева. 82 ступени в мир искусства	39
Ю. Козлов.	
Лучше поздно, чем никогда.....	42
С. Петров.	
Шаг в будущее. (О Б.И. Губанове).....	46
В. Шишков. Так начиналась война	48
И. Ерхов. Раздумья о прожитом	52
Р. Зяятдинов. Памятник веры	55
Л. Дягилева. Евгений Мельников: «Я убеждён, что культурный человек сделает меньше зла».....	58
Траектория весны.	
Интервью с Марией Бычковой	60
Ю. Осипов. «Его возвращение не может быть вредным»	62
Р. Азбукин. Вековой юбилей Ульяновского НИИ сельского хозяйства.....	64
Симбирский книгочей.....	64

Наши попечители

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРЕССА

KP

